

63.3(2)

И90

КР 1463878

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И АРХИВЫ

Выпуск 18

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Управление по делам архивов Вологодской области

Вологодское региональное отделение общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов»

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И АРХИВЫ

Материалы областной научно-практической конференции
23 марта 2011 года

Выпуск 18

Вологда
2011

ББК 63.3(2)
И90

Историческое краеведение и архивы: материалы областной научно-практической конференции. 23 марта 2011 г. Выпуск 18. – Вологда, 2011. – 240 с.

Сборник содержит материалы областной научно-практической конференции «Историческое краеведение и вологодские архивы», состоявшейся в Вологде 23 марта 2011 года и посвященной 20-летию Вологодского регионального отделения Российского общества историков-архивистов. В основу докладов и сообщений участников конференции положены архивные документы государственных, муниципальных и личных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Сборник состоит из четырех разделов. В первый вошли статьи и материалы по проблемам источниковедения и археографии. Во втором разделе помещены материалы по социальной и политической истории Вологодского края XX века. Третий раздел составили статьи, посвященные истории Вологодской епархии. В четвертом разделе читатель найдет новые материалы о людях и судьбах вологжан в XIX – XX веках.

Материалы сборника предназначены для научных работников, преподавателей вузов, архивистов, краеведов, студентов, школьников и всех, кому интересно прошлое Вологодской земли.

Редколлегия:

Камкин А. В., доктор исторических наук, профессор ВГПУ, председатель Вологодского регионального отделения Российского общества историков-архивистов (редактор).

Наумова О. А., заслуженный работник культуры РФ, начальник управления по делам архивов Вологодской области (зам. редактора).

Артемова О. В., кандидат исторических наук, начальник отдела организационной, планово-аналитической, правовой работы и учета Архивного фонда управления по делам архивов Вологодской области.

Голикова Н. И., доцент ВГПУ, кандидат исторических наук, ученый секретарь ВРО РОИА.

Цветков С. Н., кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Вологодского областного архива новейшей политической истории.

Кузнецов И. Н., заведующий архивохранилищем ГУ «ГАВО».

Поликарпова Н.С., консультант управления по делам архивов Вологодской области.

© Управление по делам архивов Вологодской области, 2011.

© Вологодское региональное отделение общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов», 2011.

Историческое краеведение и вологодские архивы

Вопросы источниковедения и археографии

*Д. Е. Гневашев,
М. С. Черкасова*

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ И ЦАРСКИЕ ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ВОЛОГОДСКОМУ АРХИЕРЕЙСКОМУ ДОМУ XVI – НАЧАЛА XVII В.

История архива Вологодского архиерейского дома за XVI – начало XVII века в предварительном порядке была рассмотрена одним из соавторов данной публикации¹. Поскольку архив кафедры сильно пострадал в годы Смуты, для дальнейшей реконструкции его состава в указанный период исключительный интерес может представлять всякая новая находка. Среди бумаг Вологодского архиерейского дома, ныне хранящихся в Вологодском музее-заповеднике, удалось обнаружить копию уникального документа – жалованной грамоты царя Михаила Федоровича архиепископу Вологодскому и Великопермскому Нектарию от 25 января 1614 г.² Хотя грамота была адресована на архиерейскую Никольскую слободу³ и на так называемые «белые места» на посаде Вологды, документ включил широкий объем иммунитетных прав архиерейского дома в сфере его землевладения, суда, торговли, режима прохождения речных судов от Вологды до Усть-Выми и Соли Вычегодской и другие, менее значительные, освобождения.

Разнообразный спектр прав кафедры, попавший в сферу регламентации рассматриваемого документа, позволил архиерейским казначеям охарактеризовать грамоту 1614 г. как «уставную»⁴. Оригинальность и,

одновременно, сложность в изучении данного документа заключается в его хронологической многослойности и в ряде несомненных архаических реплик, включенных в текст. Особо отметим, что сам по себе тип жалованной грамоты архиерейскому дому на городскую (не сельскую!) слободу является довольно редким.

Рассмотрим историю получения вологодским архиереем грамоты 1614 г. В преамбуле документа говорится, что у вологодских архиереев была жалованная несудимая грамота «прежних великих государей царей». Она выводила из-под суда вологодского воеводы архиерейских приказных людей, детей боярских и крестьян, живших в слободе и на белых местах на посаде. Однако эта грамота сгорела на архиерейском дворе во время разорения Вологды поляками и литовцами и русскими ворами в сентябре 1612 г. Со слов архиерея, утратой грамоты воспользовались вологодские власти (воеводы и дьяки) и вологжане посадские люди, первые ставшие «во всем» судить, а вторые «притягивать» к различным земским службам исстари подвластное только архиерею население. Во многом челобитье архиепископа царю о выдаче новой грамоты взамен сгоревшей было инспирировано самими жителями Никольской слободки, сожженной «до единого двора» в помянутое разоренье.

Две челобитные (на имя архиепископа Сильвестра, предшественника Нектария) крестьян Никольской владычной слободы красочно повествуют о погроме слободы поляками, литовцами, казаками и русскими «ворами» и последовавших после него бедах ее жителей. В одной из них слобожане горестно резюмируют: «... стало житишко наше надвое: словом Софейские и твои государевы, а от посадских служб и от всяких градских налог быть не мощно»⁵. В ней же содержится независимое свидетельство о существовавшей в святительской казне жалованной несудимой грамоте, подлинник которой сгорел, но остался «с тое грамоты съем», то есть список. В публикуемой нами в Приложении грамоте также упомянут этот список. Он был надлежаще заверен: запечатан печатью архиепископа Иоасафа II и подписан архиерейским дьяком Матвеем Никитичем Патрикеевым⁶. Оба момента являются датирующими признаками для установления времени изготовления списка, но пока его можно датировать только годами занятия Иоасафом II вологодско-великопермской кафедры, а именно 1603 – 1609 гг.⁷ Несмотря на наличие заверенного списка с жалованной грамоты, который, надо полагать, архиерейские приказные не преминули предъявить воеводам и земским старостам, отсутствие подлинного документа в понимании местных властей формально лишало население слободы иммунитетных привилегий. Если воеводы (персонально это князь Иван Иванович Меньшой Одоевский, Григорий Сулемша Григорьевич Пушкин и князь Михаил Григорьевич Темкин-

Ростовский) и земские старосты не признавали юридической силы за списком с жалованной грамоты, то в Москве все было наоборот. Именно этот список предъявил архиепископ Нектарий⁸ в Приказе Большого двorca в обоснование прав Вологодской кафедры на Никольскую владычную слободу, и именно он послужил, по мнению приказных, достаточным документальным основанием для выдачи новой жалованной грамоты, подтверждающей старинные привилегии жителей Никольской слободы и других архиерейских беломестцев. 23 марта 1614 г. архиерейский сын боярский Яков Федорович Ефремов доставил из Москвы в архиерейский дом «царское жалованье, грамоту тарханную»⁹. Речь идет о публикуемом акте.

В грамоте 1614 г. дано весьма пространное изложение прежней жалованной грамоты по упомянутому списку. Она была выдана епископу Варлааму I (1576 – 1584) в связи со сходными обстоятельствами, что стали причиной выдачи грамоты в 1614 г. Епископ Варлаам жаловался государю на вологодских приказных людей и дьяков, которые «наряжали» архиерейских детей боярских и крестьян «во всякое тягло... как идет с черных дворов». Возможную дату выдачи этой грамоты следует отнести ко времени не позднее 1583 г., поскольку 30 октября 1583 г. уже сам епископ Варлаам выдал своим слугам жалованную тарханно-несудимую грамоту на дворовые места в архиерейских слободах¹⁰. Полагаем, что связь между пожалованием царским и пожалованием архиерейским, как реализация первого, была. При царе Федоре Ивановиче выданная Варлааму I грамота была подтверждена.

Судя по сохранившемуся изложению жалованной грамоты Варлааму I, начало привилегий архиерейской кафедры восходило еще ко времени Василия III, когда кафедре была выдана, по всей видимости, первая жалованная грамота. Предположительно, в ней речь шла все о том же непривлечении архиерейских слуг и крестьян, проживавших на архиерейской земле, к несению тягла наравне с посадскими людьми и их несудимости вологодскими наместниками. 14 марта 1546 г. подписью великокняжеского дьяка Ивана Курицына¹¹ по приказу казначея Ивана Ивановича Третьякова привилегированный судебно-податной статус слободки был подтвержден. Подписание грамоты Василия III великим князем Иваном Васильевичем в марте 1546 г. могло сопровождаться одновременно – с той же датой – выдачей новой жалованной грамоты (как это было, скажем, 29 сентября 1622 г., когда одновременно с подтверждением грамоты 1614 г. была оформлена новая), возможно, с расширением перечня объектов пожалования. К примеру, в новой грамоте могла найти отражение регламентация торговой экспедиции кафедры до Соли Выче-

годской и Усть-Выми, права на взимание пошлин с купли-продажи лошадей («конского пятна»), поставки рыжиков на царский обход и других сторон жизнедеятельности архиерейского дома.

Предполагать существование самостоятельной жалованной грамоты вологодскому архиерею с датой 14 марта 1546 г. заставляет свидетельство церковного историка епископа Вологодского и Устюжского Евгения (Болховитинова) (1808 – 1813), в труде «Собрание разных известий о Вологодской епархии и губернии, составленном в 1811 году»¹². Епископ Евгений утверждает, что он *de visu* изучал находившиеся в Архиерейской казначейской конторе в 1811 г. жалованные грамоты XVI – XVII вв. В статье о вологодско-пермском владыке Киприане Болховитинов пишет, что Киприан «еще в 7054 (1546) году испросил и марта 14 получил от царя Ивана Васильевича грамоты на вотчины... В сих грамотах он именован Вологодским и Великопермским»¹³. Что это были за документы, в связи с чем и на какие «вотчины» даны, остается только догадываться¹⁴. Вполне вероятно, как отмечено выше, здесь Болховитинов говорит о грамоте Василия III, подтвержденной 14 марта 1546 г., и о выданной тем же днем новой жалованной грамоте на тот же или иной объект. Примечательно, однако, что уже в 1865 г., когда часть историко-церковных материалов Болховитинова была издана Н. И. Суворовым в Вологодских епархиальных ведомостях, последний в примечаниях отметил, что «ни одной из этих грамот уже нет в здешних архивах»¹⁵.

Таким образом, к моменту вологодского разорения 1612 г. в архиерейской казне находились подлинники, как минимум, двух жалованных грамот на архиерейскую слободу и «белые места» (то есть освобожденные от налогов): 1) грамота в. кн. Василия III Ивановича, широко датируемая годами правления этого великого князя (с подтверждением великого князя Ивана IV Васильевича от 14 марта 1546 г.); 2) грамота царя Ивана IV Васильевича, датируемая годами занятия вологодской кафедры епископом Варлаамом I (1576 – 1584), с подтверждением царя Федора Ивановича). Там же находился список с последней грамоты. Если допустить верность вышеизложенной гипотезы, основанной на свидетельстве епископа Евгения Болховитинова, то в казне могла быть еще и грамота в. кн. Ивана IV Васильевича от 14 марта 1546 г.

За XVI – первую четверть XVII века набор владельческой документации Вологодского архиерейского дома на слободу в Вологде отражен в таблице 1.

Не может не привлечь внимания отраженный в публикуемом документе факт «приказа» и «подписи» грамоты Василия III в марте 1546 г. великокняжеским казначеем И. И. Третьяковым и, несомненно, казенным же дьяком И. Курицыным. Из научной литературы известно, что

Великокняжеские и царские жалованные грамоты XVI – первой четверти XVII века на архиерейскую слободу в Вологде

Выдал	Дата	Приписал	Подтвердил	Дата	Приписал	Подлинник	Список
в. кн. Василий III Иванович	1505 - 1533	?	в. кн. Иван IV Васильевич	14.03.1546	Казначей Иван Иванович Третьяков. Дьяк Иван Курицын	Существовал в 1811 г. Не разыскан.	?
в. кн. Иван IV Васильевич	14.03.1546	?	?	?	?	Существовал в 1811 г. Не разыскан.	?
ц. Иван IV Васильевич	1576 - 1584	?	ц. Федор Иванович	1584 - 1598	?	Сгорел в 1612 г.	Существовал в 1811 г. Не разыскан.
ц. Михаил Федорович	25.01.1614	Дьяк Иван Бо- лотников. Подьячий Иван Детков	ц. Михаил Федорович	29.09.1622	Дьяк Иван Поздеев. Подьячий Иван Го- рохов	Существовал в 1811 г. Не разыскан.	Разыскан.
ц. Михаил Федо- рович	29.09.1622	Дьяк Иван По- здеев. Подьячий Иван Горохов	?	?	?	Существовал в 1811 г. Не разыскан.	?

церковно-монастырские учреждения (за исключением тех, что находились в отдаленных северных уездах) в первой половине XVI в. судом и данью тянули к дворцовому ведомству, а жалованные и указные грамоты, регулировавшие финансово-хозяйственные вопросы жизни этих учреждений, традиционно подписывались («приказывались») великокняжескими дворецкими (как большими дворецкими, так и дворецкими территориальных дворцов). Вологодский архиерейский дом также находился в компетенции дворцового ведомства. По крайней мере, для первых десятилетий XVII в. это доказано: и публикуемая грамота 1614 г., и выданная на ее основе грамота от 29 сентября 1622 г. исходили из канцелярии Большого дворца¹⁶. Удалось выяснить, что Вологодский уезд в 1535 – 1541 гг. находился в ведении большого дворецкого князя Ивана Ивановича Кубенского¹⁷. Возможно, между 21 марта и 29 декабря 1541 г. Вологда была переподчинена из Большого дворца в Рязанский областной дворец¹⁸ и, как предположил А. А. Зимин, находилась в ведении последнего до 1548 г.¹⁹ В эти годы Рязанский дворец возглавлял Василий Михайлович Тучков Морозов. А. А. Зимин видит его на этом посту в 1541 – августе 1545 г.²⁰ В. Д. Назаров находит его рязанским дворецким еще в сентябре-октябре 1547 г.²¹ Вероятно, В. М. Тучков возглавлял Рязанский дворец вплоть до своего пострижения в монахи (умер 13 февраля 1548 г.)²².

Таким образом, жалованную грамоту вологодскому епископу Киприану, по логике вещей, в марте 1546 г. должен был «приказать» рязанский дворецкий В. М. Тучков или, по крайней мере, большой дворецкий²³. Практика выдачи грамот большими дворецкими на территории, находившиеся в компетенции областных дворецких, известна²⁴. Однако в марте 1546 г. пост большого дворецкого пустовал²⁵, следовательно, грамоту должен был подтвердить только рязанский дворецкий. Как видим, этого не произошло.

Наблюдаемое в исследуемой грамоте смешение компетенций Казны²⁶ и Дворца можно было бы объяснить тем, что казначей И. И. Третьяков мог «приказать» документ в связи с отсутствием в Москве в марте 1546 г. рязанского дворецкого В. М. Тучкова. Но этот факт по разрядным книгам не устанавливается. Более того, наш случай не уникален. Ряд грамот (февраля – октября 1546 г.), выданных казначеями И. И. Третьяковым, Ф. И. Сукиным и Х. Ю. Тютиним монастырям, находившимся в ведении дворецких (в том числе тем обителям, которые никогда не велись Рязанским областным дворцом), не подтверждают эту версию²⁷. Скорее всего, причины этого явления стоит искать в хитросплетениях политической борьбы того периода между боярскими группировками князей Глинских и Воронцовых²⁸. Прерогатива подписания иммунитетных грамот монастырям перешла в руки великокняжеских казначеев, оче-

видно, как экстраординарная и временная мера. В плане предположения о временном характере этой меры весьма показательен следующий факт. Несмотря на то, что жалованную грамоту Вологодской Глубокоозерской пустыне в июле 1546 г. «приказал» казначей И. И. Третьяков, в ней все же устанавливался для игумена с братией и их приказчика в качестве высшей судебной инстанции суд великого князя или его дворецкого, но никак не казначея²⁹. В целом, подтверждение в Казне (а, может, и выдача самостоятельной грамоты) в марте 1546 г. жалованной грамоты вологодскому архиерею на слободку есть еще один важный факт для прояснения политической истории России времени боярского правления в юные годы Ивана Грозного.

Попытаемся ещё разобраться в вопросе о том, на какой объект была выдана Василием III, а затем подтверждена Иваном IV, первая жалованная грамота вологодскому архиерею. В отношении грамот 1614 и 1622 гг. такого вопроса не возникает. Ясно, что грамоты были выданы на Никольскую владычную слободу³⁰, располагавшуюся на левом берегу р. Вологды у храма Николы Чудотворца, как наиболее крупную и населенную слободу в черте тогдашней Вологды. А под «белыми местами» могли подразумеваться иные архиерейские слободки³¹ и группы дворов и келий у посадских храмов³². К сожалению, мы не располагаем сведениями о точном времени возникновения Никольской слободы.

Первое встретившееся в источниках глухое упоминание этого топонима относится к 1578/79 г.³³ Больше информации для уточнения датировки образования слободы дает жалованная грамота епископа Варлаама 1583 г. своим детям боярским Д. В. Брянкову, Н. А. Ряполовскому и Т. А. Козлову. Епископ пожаловал им дворовые места их дяди, архиерейского боярина Д. Я. Беляева, в двух архиерейских слободках (Никольской и «под Горою»). В грамоте сказано, что на дворовом месте в Никольской слободе хоромы поставил сам Д. Я. Беляев, при этом отмечено, что дворовое место, на котором поставил хоромы Д. Я. Беляев, было «наше», то есть архиерейское. Здесь мы наблюдаем четкую антитезу: архиерей пишет, что место «наше» (архиерея – Д. Г., М. Ч.), а хоромы «его» (Д. Я. Беляева – Д. Г., М. Ч.). Выходит, боярин Д. Я. Беляев отстроил свой двор в Никольской слободе на изначально пустом месте, полученном от архиерея, а не приобретенном у третьих лиц, где затем и жил какое-то время³⁴. Деятельность Д. Я. Беляева при архиерейском дворе прослеживается в 1558/59 – 1569 гг.³⁵, следовательно, обосновался он в Никольской слободе примерно в 1560-е гг. Таким образом, приходим к выводу, что Никольская владычная слобода появилась не позднее 1578/79 г., а, скорее всего, в 1560-е гг.³⁶ Из этого следует, что Василий III выдал грамоту, а Иван IV подтвердил ее в 1546 г. на какую-то иную вологодскую слободу.

Полагаем, что этой слободой была известная по документам конца XVI – XVII вв. Старая (или Бывшая) владычная слобода³⁷. Н. В. Фалин верно локализовал ее в районе церкви Рождества Богородицы на Нижнем долу на правом берегу р. Вологды³⁸. Его локализация подтверждается рядом независимых источников³⁹. Однако Владычная слобода включала в себя как минимум еще два храма – св. Климента папы Римского и чудотворцев Зосимы и Савватия Соловецких⁴⁰. В апреле 1583 г. Соловецкий монастырь выкупил целый «квартал» (5 дворов и 2 места дворовых) под свой соляной двор у вологодских посадских людей, прихожан названных храмов, чьи дворы стояли на землях Бывшей владычной слободы⁴¹. Отсюда заключаем, что архиерейская слобода тянулась сплошным массивом вниз по течению р. Вологды по правому ее берегу как минимум от храма Зосимы и Савватия до храма Рождества Богородицы на Нижнем долу⁴² и была ликвидирована не позднее апреля 1583 г.

Важное известие для реконструкции истории Старой владычной слободы содержит заемная Прокофия Алексеева сына Ознобишина Марье Охлопковой от 8 ноября 1568 г. В кабале заемщик идентифицирует себя несколько путанно: «Се яз, (имярек), из города с посаду изо Владычны слободы».⁴³ Можно предположить, что речь здесь идет о Никольской владычной слободе. Этому, казалось бы, не противоречит предложенная выше хронология возникновения Никольской слободы (не позднее 1560-х гг.). Однако думаем, что Ознобишин все же был жителем Старой владычной слободы. В пользу этого соображения говорят два факта. В дозорной 1616/17 г.⁴⁴ и писцовой⁴⁵ 1627 г. книгах Вологды встретились упоминания дворовладений Лучки (в дозорной) и Васьки (в писцовой) Ознобихиных. При этом Лучка «с литовского разоренья обнишал, во 122-м году умер», а Васьки «не стало» еще раньше, «лет с 30» до описания, то есть около 1597 г. Не совсем полное совпадение фамилий Прокофия и названных лиц не должно сбивать с толку. Ясно, что все трое – кровные родственники, возможно, весьма близкие. Других Ознобишиных/Ознобихиных ни дозорная, ни писцовая книги не упоминают. Но главное в другом. Бывшие дворы и Лучки и Васьки Ознобихиных располагались на территории Старой владычной слободы. Место дворовое Лучки прямо было приписано к сороку бывшей Владычной слободы, а двор Васьки располагался по соседству с церковью Рождества Богородицы на Нижнем долу⁴⁶. Отсюда предполагаем, что и Прокофий Ознобишин, как близкий родич названных лиц, тоже был жителем Старой владычной слободы. Столь пространное генеалогическое рассуждение дает нам, во-первых, то, что Владычная слобода существовала уже в 1568 г., а во-вторых, то, что она в этом году еще не была ни «бывшей», ни «старой». Следовательно, ее упразднение произошло в промежутке между 1568 и 1583 гг.

Выскажем версию о причинах ликвидации Старой владычной слободы. Сотная с писцовой книги Вологды 1627 г., описывая территорию Нижнего посада (вернее, его района – Нижнего дола), содержит прямо-таки летописные известия о судьбе этой части Вологды в опричные годы. В источнике сказано, что правый берег р. Вологды от устья речки Золотухи и далее вниз по течению р. Вологды был радикально очищен от любых построек. Это произошло в то время, когда Иван IV «учал было на Вологде город каменной делати»⁴⁷. Потребовалось даже переставить на другое место, в Новинки, Петропавловскую церковь, ранее стоявшую на мысе, образованном слиянием Золотухи и Вологды, снести дворы попов и церковников.

Очищенная территория использовалась для складирования «каменных запасов», извести, бревен, предназначенных для «городового каменного дела», то есть постройки крепости. Видимо, какая-то часть архиерейских слободжан была вынуждена продать свои дворы посадским людям, а у какой-то части дворы, возможно, были реквизированы для размещения многочисленных каменщиков, прибывших в Вологду из иных городов. Их присутствие среди жителей Вологды в доопричные годы предполагать не приходится, поскольку в Вологде не было каменных построек до возведения Софийского собора и крепости в 1565 – 1570 гг. Вряд ли новоприбылые каменщики покупали бы себе дворы за свои деньги. В сотной 1627 г. еще угадываются следы прежнего компактного расселения каменщиков в этом районе (в Петровской улице и рядом с церквями Рождества Богородицы на Нижнем долу и Кирилловской в Рошенье). Некоторые дворы каменщиков сотная характеризует как «изстари то место каменщичье», что отсылает нас, безусловно, к времени опричных преобразований в Вологде.

Та же сотная 1627 г. содержит факты для размышлений о времени вторичного заселения этого района, уже ставшего прозываться Бывшей (или Старой) владычной слободой. После того, как проект Ивана IV по переносу своей опричной резиденции в Вологду был свернут около 1571/72 г., «и тогда Вологды строение преста». Строительство крепости было заморожено, следовательно, и хозяйственно-экономический профиль изучаемой территории тоже стал постепенно теряться. Для купеческого сословия и ведших интенсивную торговлю монастырей огромный пустырь на правом берегу Вологды, заваленный строительными материалами, представлял значительный интерес из-за удобного выхода к реке как важнейшей транспортной коммуникации. Мы заключаем это, ретроспективно оценивая застройку правобережья, где в 1627 г. находим просторные дворы Строгановых, московских и немецких гостей Юдиных, Булгаковых, М. Глазовского, М. Девогеларда и Ю. Клинки-

на, а также 10 местных и иногородних монастырей (Троице-Сергиева, Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Сийского, Николо-Корельского, Кандалакшского, Спасо-Печенгского «что в Кольском остроге», Архангельского-Великоустюжского, Спасо-Рабангского). Свой интерес здесь преследовал также Ферапонтов монастырь.

Как отмечено выше, Соловецкий монастырь внедрился в район Старой владычной слободы в апреле 1583 г.⁴⁸ Одним из первых поставил свой соляной двор на берегу Антониев-Сийский монастырь. В сотной упомянут документ, на основании которого монахи владели двором и не тянули с него тягло – грамота Ивана IV 1574/75 г., по которой «велено им (сийским монахам – Д. Г., М. Ч.) на Вологде для судовые пристани дать порозжее место под двор или где купят»⁴⁹. Вероятно, добиваясь этой грамоты, монахи уже имели ясное представление, где они поставят свой двор, удобный для «судовой пристани». Единственным подходящим местом по обоим берегам Вологды для размещения такого двора оставался район Старой владычной слободы. Все другие береговые участки в границах города, насколько можно судить по сотной 1627 г., были уже застроены. Таким образом, мы видим, что уже с 1574/75 г. начинается монастырская экспансия по освоению правобережья. Ранее двор Сийского монастыря принадлежал посадскому Михаилу Кондратьеву сыну, продавшему в 1583 г. Соловецкому монастырю свое лежавшее по соседству дворовое место. Следовательно, и сийские монахи обзавелись двором во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XVI в.

Неясно, каким образом был урегулирован статус и взаимоотношения с посадским миром новообразованной Никольской слободки, по крайней мере, до получения Варлаамом I жалованной грамоты между 1576 и 1584 гг. Видимо, какое-то время они регламентировались еще грамотой Василия III (или Ивана IV от марта 1546 г.).

Понятно, что утрату опричным епископом внушительных размеров слободы в черте города царь был вынужден каким-то образом компенсировать. Все иные формы компенсации, кроме как земель, вряд ли подходили, поскольку архиерею надо было куда-то расселять лишившееся своих дворов население. На наш взгляд, такой компенсацией стало предоставление епископу земли на левом, кажется, не очень обжитом в то время, берегу р. Вологды. Имеем в виду ту территорию, которая получила название Никольской владычной слободы. Примечательно, что Никольская слобода расположена на противоположном берегу, ровно напротив Старой владычной слободы. К этому может иметь отношение упоминание в описи архиерейского дома 1660 г. государевой грамоты 1626/27 г. на «заречное место, за черною печатью»⁵⁰. Во всяком случае, уже в сентябре

1628 г. тиунство архиерейского слуги Посника Пудова распространялось на посад Вологды, уезд и Никольскую слободу¹. Однако данные сюжеты выходят за хронологически рамки предлагаемой статьи и публикации.

Таким образом, в «лице» жалованной грамоты вологодскому архиепископу Нектарию от 25 января 1614 г. мы имеем в высшей степени объемный, многоплановый источник. Надеемся, что введение его в научный оборот будет способствовать дальнейшей более тщательной проработке сюжетов, по которым выше были очерчены наши посильные на данном этапе соображения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черкасова М. С. Источники по истории Вологодско-Пермской епархии XVI – первой четверти XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. СПб., 2006. С. 202 – 213.

² Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – ВГИАХМЗ). Сектор письменных источников. Ф. 2 (Вологодская духовная консистория). Оп. 1. Д. 73. Л. 79 – 83 об.; Там же находится другая копия рассматриваемого акта (Л. 91 – 96 об.). Обе копии сняты с подлинника около 1760 г. См. Приложение к данной статье.

³ В тексте акта ни разу прямо не упоминается топоним «Никольская слобода/ка», однако, из общеисторических сведений о топографии Вологды в начале XVII в. следует, что речь в грамоте 1614 г. идет именно о Никольской владычной слободе.

⁴ ВГИАХМЗ. Ф. 1 (Вологодский архиерейский дом). Оп. 2. Д. 11. Л. 3 об.

⁵ Вологодские губернские ведомости. 1861. Часть неофициальная. № 27. С. 185 – 187.

⁶ Подробнее о Патрикеевых, в том числе о тех, что служили вологодским архиереям, см.: Антонов А. В. Серпуховские документы из дела Патрикеева // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 299 – 309.

⁷ Как ни странно, этот документ, уцелевший в вологодское разоренье 1612 г., так и не был учтен архиерейскими казначеями при последующих регулярных описаниях крепостной казны кафедры. Имеем в виду сохранившиеся описи 1660, 1663, 1676, 1726 гг. (ВГИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11, 15, 19, 47; ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. № 386). В плане датировки списка приведем выполненную простым карандашом кем-то из дореволюционных краеведов (одним из Суворовых?) напротив слов «И положил перед нами с прежние жалованные грамоты список...» запись: «От 1606 г. 30 сентября». Возможно, этот список еще находился в Вологодском епархиальном древлехранилище в конце XIX – начале XX в., следовательно, имеется шанс его отыскания.

⁸ Вероятно, хлопоты по получению новой жалованной грамоты на слободу начал еще архиепископ Сильвестр в рамках широкомасштабной работы по восстановлению различных владельческих прав кафедры после замирения Русского государства. Весной – летом 1613 г. он прислал из Москвы своим приказным князю Федору Андреевичу Дябринскому «с товарищи» распоряжение о подготовке

подлинных книг «софейской вотчине околородным деревням и пустошам... и сколь давно коя вотчина дана и которой имянем государь [пожаловал и какому] епископу и за что дана и в коем году. И то бы вам написати по статьям, не под один перечень... А [не] напишете той подгородной вотчине подлинных книг и к Москве приказной их не привезет, [ино] та вотчинка у пречистые Богородицы потерять». (Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 17). К сожалению, эти «подлинные книги» – бесценный источник для реконструкции древнейшего слоя землевладения Вологодского архиерейского дома – пока не разысканы.

⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2. № 190/5. Стлб. 876 (Отписка архиерейского приказного Казарина Немцова архиепископу Нектарию из Вологды в Москву о разных делах архиерейского дома от 29 марта 1614 г.).

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 711. № 159 (подлинник); ОР РНБ. Ф. 1. 788. Л. 348 – 348 об. (список XIX в.); Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. М., 1996. Т. I. Вып. 3. С. 410 (фотокопия подлинника – публикация Ю. В. Анхимюка); Черкасова М. С. К вопросу об архиве Вологодско-Пермской епархии в XVI – начале XVII в. // Двинская земля. Материалы Стефановских чтений. Вельск, 2004. Вып. 3. С. 213 (публикация по списку XIX в.).

¹¹ С. Б. Веселовскому известны дьяки Иван Иванович Волков Курицын (уп. в 1540 – 1545 гг.) и Иван Федорович Курицын (уп. в середине XVI в.) (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975. С. 280); С. М. Каштанов и Т. И. Пашкова указывают Ивана Федоровича Курицына в качестве волостеля Соли Вычегодской в 1533 – 1547 гг. (Каштанов С. М. Ценное свидетельство о земской реформе середины XVI в. // Советские архивы. 1968. № 5. С. 51; Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. С. 174).

¹² Рукописный сборник статей по истории Вологодской епархии и губернии, составленный епископом Евгением Болховитиновым в 1811 г. // ГАВО. Научно-справочная библиотека. № 13862 (7846).

¹³ Рукописный сборник... Л. 12 – 12 об.; Это свидетельство ценно еще и тем, что корректирует принятое в литературе время занятия вологодско-пермской кафедры Киприаном (не позднее марта 1546 г.). По данным П. М. Строева, епископ Киприан был хиротонисан 30 января 1547 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 730).

¹⁴ Неясно, почему в упомянутом сборнике Болховитинова не оказались скопированными столь ранние и важные для его исследовательской темы документы Вологодской архиерейской кафедры, в то время как наиболее древние акты большинства монастырей епархии в сборник включены.

¹⁵ Вологодские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1865. Прибавления к № 19. С. 767 – 768 и примечание 39.

¹⁶ Скрепившие грамоты 1614 и 1622 гг. дьяки Иван Болотников и Иван Поздеев и подьячие Иван Детков в указанные годы служили в Приказе Большого двorca. Там же служил в 1622 г. подьячий Иван Горохов, хотя в труде С. Б. Веселовского этот факт не отмечен (Веселовский С. Б. Дьяки... С. 61 – 62, 126, 150, 417).

¹⁷ Подробнее см.: Черкасова М. С. Управление в городах Вологодского края в первой половине XVI в. // Стратегия и механизм управления: Опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2008. С. 88 – 91.

¹⁸ Так назывался один из территориальных приказов Русского государства в первой половине XVI в., управлявший рядом городов.

¹⁹ Еще 21 марта 1541 г. грамоту Покровскому Евфимьево-Сямженскому монастырю приказал боярин и дворецкий князь И. И. Кубенский, а уже 29 декабря того же года Спасо-Прилуцкий монастырь получил грамоту от рязанского дворецкого В. М. Тучкова Морозова (Черкасова М. С. Кубено-Заозерский край в XIV – XVI веках // Харовск. Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 100; Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1908. Вып. I. С. 85 – 87 (публикация Л. Н. Целепи); Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 193). Возможно говорить о вторичной передаче Вологды из Дворца в Рязанский областной дворец, поскольку, как считает А. А. Зимин, в 1525 г. князь Иван Федорович Палецкий выдал грамоту Спасо-Прилуцкому монастырю, будучи, очевидно, рязанским дворецким. Предположение А. А. Зимина о дворечестве Палецкого в Рязанском дворце спорно (Зимин А. А. О составе... С. 190).

²⁰ Зимин А. А. О составе... С. 193.

²¹ Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 53; Он же. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 88.

²² Макарий, архимандрит. Василий Михайлович Тучков – книжник Древней Руси // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 43 – 51; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 207.

²³ Это было должностное лицо высокого ранга, с широкими административно-судебными полномочиями, возглавлявшее одно из ведущих центральных учреждений России – приказ Большого Дворца.

²⁴ Назаров В. Д. Из истории... С. 91; Исследователь отмечает, что большой дворецкий Данил Романович Юрьев в конце 1540-х – начале 1550-х гг. выдавал грамоты вологодским грамотчикам, подведомственным Рязанскому дворцу, и в то время, когда пост рязанского дворецкого был занят Петром Васильевичем Морозовым, и тогда, когда он был вакантен.

²⁵ По мнению А. А. Зимина, после 1543 г. (последнее упоминание князя И. И. Кубенского дворецким) и до июня 1547 г. (первое упоминание дворецким Д. Р. Юрьева) больших дворецких не было, если не рассматривать предположительное краткосрочное дворечество И. И. Хабарова в 1543/44 г. (Зимин А. А. О составе... С. 187, 190, 194).

²⁶ Казна, или приказ Большой казны – одно из ведущих финансовых учреждений России XVI в.

²⁷ Грамоты монастырям Никольскому Новгородскому (февраль 1546 г.), Глубокозерской Вологодской пустыне (6 июля 1546 г.), Симонову (6 августа и 5 октября 1546 г.) (Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 365. № 498; С. 367. №№ 513, 514, 519).

²⁸ Подробнее см.: Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 352 – 361 и др.

²⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 208.

³⁰ Подробнее о слободе см.: Владычная (Никольская) слобода // Коновалов Ф. Я. и др. Вологда, XII – начало XX века. Архангельск, 1993. С. 36 – 37; Суворов Н. Почему одна местность в г. Вологде называется Владычной слободою // ВЕВ. 1873. Прибавление к № 7. С. 292 – 299; Церковно-приходская летопись церкви св. Николая Чудотворца во Владычной слободе в г. Вологде: [Ксерокопия рукописи]. Б/м., Б/г. // Вологодская областная универсальная научная библиотека имени И. В. Бабушкина. № РА III – 1314717.

³¹ По писцовой книге 1627 г. их было две – на речке Золотухе (8 бобыльских дворов, двор певчего дьяка и мельничный двор) и у храма Кирилла Белозерского в Рошенье (5 бобыльских и просвирницын двор) (Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 98. № 114; Источники истории... С. 115).

³² По нашим подсчетам в 1627 г. на архиерейской земле стояло 42 кельи у 7 храмов (от 1 до 12 келий у храма) и 67 крестьянских и бобыльских дворов у 14 храмов (от 1 до 13 дворов у храма) (Источники истории... С. 112 – 153).

³³ ГИМ. Ф. 61. Д. 116. Л. 7; В документе упомянут «поп Феодор никольской из Владычны слободы».

³⁴ ОР РНБ. Ф. I. 788. Л. 348 – 348 об. (Архиерей жалует своих детей боярских «в нашей слободке у Николы Чудотворца дворовым местом... где жил боярин наш Дмитрий Яковлев сын Беляев, дядя их. А на том на нашем месте хоромы поставление его, нашего боярина Дмитрея Беляева»).

³⁵ В 1558/59 г. сын боярский вологодского архиерея Д. Я. Беляев был послухом в сделке князя П. А. Ухтомского и Кириллова монастыря на земли в Пошехонье. В 1569 г. он вместе с родным братом Макарием дал в Корнильев-Комельский монастырь Четвероевангелие (ОР РНБ. СПб ДА. А 1/17. Л. 138 – 139 об.; Там же. Q. IV. 113 б. Л. 197 – 200 об.; Кукушкина М. В. Книга в России в XVI в. СПб., 1999. С. 158. Примечание 384). Связь владычных слуг Беляевых с Комельской волостью и Корнильевым монастырем видна и из того факта, что еще в 1628 – 1630 гг. в одной из корнильевских деревень Комельской волости стоял двор архиерейского сына боярского Ивана Беляева (Сотная с вологодской писцовой книги 1628 – 1630 гг. писца С. Г. Коробына и подьячего Ф. Стогова на вотчину Введенского Корнильева монастыря 30 декабря 1631 г. (Публикация Ю. С. Васильева, А. И. Гамаюнова) // Городок на Московской дороге: историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994. С. 112). Допускаем, что именно Д. Я. Беляев выступал послухом в разьезжей Корнильева и Павло-Обнорского монастырей на спорную землю в Комельской волости в 1533/34 г. В грамоте упомянут среди прочих послухов-представителей от Комельской волости «Митя Яковлев

сын Беляев» (Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X – XVI вв. М., 1996. С. 145). Так, из верхушки черносошных крестьян Комельской волости Беляевы попали в бояре вологодских архиереев.

³⁶ Это утверждение не отменяет возможности освоения данной местности и в более раннее время, но закрепление за ней, местностью, статуса слободы произошло, как представляется, не ранее 1560-х гг.

³⁷ В 1616/17 г. на посаде Вологды существовал «Сорок бывшие Владышны слободы» (Дозорная книга посада Вологды князя П. Б. Волконского и подьячего Л. Софонова 1616 – 1617 г. (публикация Ю. С. Васильева) // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 337, 353).

³⁸ Черкасова М. С. Краевед Н. В. Фалин как историк народонаселения // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 347.

³⁹ Так, в архиерейской приходной книге венечных пошлин 1620/21 г. отмечен рождественский поп Карп из «Старые владышны слободы». В писцовой книге г. Вологды 1627 г. фигурирует только один поп Карп (Фомин сын Чадов?), служивший у сгоревшей в 1612 г. церкви Рождества Богородицы. Церковь стояла «От речки Золотухи по берегу вниз реки Вологды». Очевидно, речь идет о богородичной церкви на Нижнем долу (ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 3. Л. 74; Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904. С. 121). В 1624 г. вологжанин Окинфей Нифантьев сын продал двор Троице-Сергиеву монастырю, стоявший «на Вологде на посаде в сороку бывшие Владычны слободы на берегу реки Вологды в Пречистенском приходе» (ОР РГБ. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры). Кн. 532. Л. 817 – 818 об.).

⁴⁰ Скорее всего, в слободе был еще один храм – апостолов Петра и Павла (см. ниже).

⁴¹ Акты социально-экономической истории России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572 – 1584 гг. Л., 1990. №№ 859 – 865.

⁴² Эти храмы стоят до сих пор и надежно маркируют местоположение прежних деревянных храмов XVI в. Расстояние между ними составляет чуть более 0,5 км. Возможно, архиерейская слобода тянулась вниз по берегу и далее. Так, еще в 1627 г. писцовая книга Вологды отмечает в районе стоящей на берегу р. Вологды церкви Кирилла Белозерского в Рошенье архиерейскую слободку из 6 дворов (Источники истории... С. 115). Соблазнительно было бы «раздвинуть» пределы Владычной слободы и вверх по берегу. На эту мысль наталкивает летописное известие о том, что 12 мая 1494 г. «владыка Филофей Пермский и Вологодцкый заложил церковь вверх святое Вознесение господа бога и спаса нашего Исусь Христа в своем монастыре на Вологде в слободке» (ПСРЛ. М. – Л., 1959. Т. 26 (Вологодско-Пермская летопись). С. 288). Ныне разрушенная Вознесенская церковь стояла на правом берегу р. Вологды примерно в 0,5 км от Зосимо-Савватиевской церкви. Может быть, именно из этой Вознесенской слободки и выросла в течение XVI в. Старая владычная слобода, по мере своего разрастания спускаясь все ниже по течению р. Вологды? Для ответа на этот вопрос нужен кропотливый труд по картографированию застройки и планировки Вологды в XV – XVIII вв.

⁴³ СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. Д. 90.

⁴⁴ Дозорные книги составлялись обычно после разорения местностей с целью установления платёжеспособности населения. Дозорная книга Вологды 1616 – 1617 г. была составлена после «Вологодского разорения» 1612 г.

⁴⁵ В писцовой книге 1627 – 1628 гг. были зафиксированы тяглые дворы в городе и уезде и установлены размеры государственных платежей. По сравнению с дозорной книгой 1616/17 г. писцовая 1627 – 1628 гг. показывает постепенное улучшение экономического положения города.

⁴⁶ Дозорная книга... С. 355; Источники истории... С. 121.

⁴⁷ Источники истории... С. 118; Начало работ по возведению крепости Иван Слободской в своем «Летописце» датирует 7073 (1565) годом (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 198); Подробнее о постройке крепости см.: Фалин Н. В. Вологодская крепость в XVII веке // Север. Вологда, 1924. № 1 (5). С. 7 – 32.

⁴⁸ Впрочем, среди владельческой документации монастыря на двор упомянута еще и купчая 1582/83 г. (Источники истории... С. 119).

⁴⁹ Источники истории... С. 119 – 120.

⁵⁰ ВГИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. Л. 10 об.

⁵¹ Черкасова М. С. Брачность городского и сельского населения Вологды и Вологодского уезда в первой трети XVII в. (по приходо-расходным книгам архиепiscopalной кафедры) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников XVI – XIX вв. Вологда, 2003. С. 104 – 105.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1614 г. января 25. – Жалованная несудимая с элементами уставной, обельная, односторонняя, на данного пристава, проезжая и на конское пятно грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Вологодскому и Великопермскому Нектария на слободку в Вологде и всю архиепископскую вотчину (с подтверждением царя Михаила Фед. 1622 г. архиепископу Корнилию).

(Л. 79) Копия.

Божию милостию мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец, пожаловали есмь богомолца своего Нектария, архиепископа Вологодского и Великопермского, или по нем иные богомолцы наши архиепископы будут.

Что бил он нам челом¹, а сказал, преже де сего была в Софейском дому блаженные памяти прежних великих государей царей жалованная² несудимая грамота, приказных его людей и детей боярских и слоботцких и церковных мест крестьян воеводы и дьяки и всякие наши приказные люди не судили. А судили де они, богомолцы наши. И в прошлом де во 121-м году, как приходили на Вологду полские и литовские люди, город и посады и архиепископль двор пожгли, и та де жалованная² несудимая грамота на архиепископле дворе згорела. И ныне де на Вологде наши воеводы и дьяки приказных его людей и детей боярских и слоботцких и церковных мест крестьян судят во всем и в его архиепископлю вотчину приставов и розсылщиков для всяких наших дел посылают, и крестьяном его

чинятца продажи и убытки. И от того де Софейская вотчина пустеет. И вологодцкие посадские люди его слоботцких и церковных мест крестьян в наши во всякие подати с собою вместе притягивают и в дань себе в помощь окладывают и у данного збору и во всяких мирских службах велят сидети и в посылки вместо посатцких целовалников посылают.

И положил перед нами с прежние жаловальные² грамоты список за печатью прежнего вологодцкого архиепископа И[о]асафа³ и за приписью архиепископля дьяка Матвея Патрекеева, что у него блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии была жаловальная² грамота на его вологодцкую слободку и на горотцкие дворы и на всяких пошлинников. //

(Л. 79 об.) И нам бы его пожаловати, велети ему с того списка дати нашу царскую жаловальную² новую грамоту.

А в списке с прежние жаловалние грамоты написано, что бил челом блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии богомолец наш прежней Варлам, епископ Вологодцкий и Великопермский: на Вологде на посаде слоботка его епископля. А живут в ней его приказные люди и дети боярские и крестьяне. И которые его приказные люди и дети боярские живут в городе на посаде на белых местех и крестьяне на церковных землях и на монастырских, и вологодцкие де приказные люди и дьяки с той его слободки и с тех белых мест нарежают. А велят его детям боярским и крестьяном на Вологде на посаде по улицам мосты мостить и во всякое тягло с тое слоботки и з белых мест емлют ко всяким нашим делам по тому ж, как идет с черных дворов. А та его слоботка к посаду не приписана ничем. А на ту его слободку и на белые места у его людей блаженные памяти великого князя Василья Ивановича всеа Русии жаловальная² грамота. Да и⁴ государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии имя подписана. И ту грамоту прежней⁵ епископ Варлам блаженные⁶ памяти перед царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии клал, и по той жаловальной грамоте его епископля слободка к посаду не приписана ничем. А у грамоты на подписи написано: Князь великий Иван Васильевич всеа Русии. А подписал диак Иван Курицын. А приказал казначей Иван Иванович Третьяков. А дана лета 7054-го марта в 14 день.

И мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, богомолца своего Нектария, архиепископа Вологодцкого и Великопермского, или хто по нем иные богомолцы наши архиепископы будут пожаловал, приказал дати на ту его // (Л. 80) слободку и на белые места свою жаловальную новую грамоту своим царским именем.

И наши вологодцкие приказные люди и дьяки и наместницы и их тиуны тех его архиепископлих приказных людей и детей боярских и крестьян не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным, и кормов своих у них не емлют и не высылают к ним ни по что. А поличное то, что вымут ис клетки за замком. А найдут на дворе или в пустой хоромине, а не за замком, то не поличное.

А неделшики наши⁷ и вологодтские розсылшики и наместнич доводчики⁸ во всей Софейской вотчине поборов своих на тех людех и на крестьянех не берут и не въезжают к ним ни по что.

А ведает и судит своих детей боярских и крестьян богомолец наш Нектарей архиепископ во всем или кому прикажет.

А случитца суд смесной его архиепископлим приказным людем и детем боярским и крестьяном з городцкими людми или становыми^{**} крестьяны, и наши вологодтские приказные люди и наместничы наши и волостели и их тиуны его архиепископлих приказных людей и детей боярских и крестьян судят. А архиепископль приказшик с ними ж судит. А присудом делятца пополам. А прав ли будет или виноват городцкой человек, и он в правде и в вине вологодтским приказным людем и наместником и волостелем и их тиуном. А прав ли будет или виноват архиепископль человек, и он в правде и в вине архиепископу или его приказшику.

А кому будет из ыных городов и вологодтским посадцким людем чего⁸ искати на его детех боярских и на крестьянех, и в том по ним и от них ездит⁹ с приставными грамотами его архиепископль даной пристав. А чинит им один срок в год — Рожество Христово. А сужу яз, царь и великий князь, сам или мой боярин и дворецкой. А без доклада он не оправит, ни обвинит никою. А опричь // (Л. 80 об.) данова их пристава наши неделшики дворовые и площадные по ним не ездят и сроков на них не наметьвают и грамот судимых и зазывных и безсудных по его приказных людей и по детей боярских и по крестьян не емлют.

А хто на его архиепископлих приказных людей и на детей боярских и на крестьян его архиепископлих накинет срок не по тому их сроку, и мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, им к тем сроком ездити не велел[и.] А хто на архиепископлих приказных людей и на детей боярских и на крестьян его архиепископлих возмет судимую грамоту или зазывную или безсудную, и та судимая грамота не в судимую и зазывная не в зазывную и безсудная не в безсудную.

А оброк крестьяном архиепископу давати с своих дворов за позем по писцовым книгам.

А приказшику архиепископлю корм и присуд дают по тому ж, как давали по прежним нашим жаловальным грамотам.

А случитца у них суд в рубле, а доишетца ищя своего, а по суду будет ищя прав, и имати¹⁰ на ответчике пошлин с рубля по гривне. А будет по суду ответчик прав, и имати на ищее с рубля по гривне ж. А будет дело выше рубля или ниже, и им имати на виноватом по тому ж росчету.

А побьютца на поле в заемном деле или в бою или в лайбе, и ему имати на виноватом две гривны да доводчику десять денег. А побьютца на поле в пожеге или в душегубстве или в татбе или в разбое, и архиепископль приказшик на убитом истцово велит доправити. А о продаже и о убитом доложити архиепископа.

---

* Доводчиками назывались должностные лица, входившие в аппарат наместника с административно-судебными функциями.

** Становые — то есть жившие в станах, административно-территориальных единица.

А поедет архиепископль пристав списки с судными к Москве к докладу, и ему имати езд целой с четырех списков. А хоженое имати архиепископлю приставу в той слободке по нашему указу, по Судебнику. А дальней езд – на версту по денге, а на правду вдвое.

А хто у них в той слоботке // (Л. 81) женитца или дочерь замуж даст меж себя, и они дают приказищу за убрूस по алтыну. А хто даст дочерь за городцкого человека или в ыную волость, и они дают приказищу за выводную куницу гривну. А которой крестьянин его архиепископль Софейские вотчины купит лошадь или продаст или менит, и они те лошади являют архиепископлю приказищу или его пятенщику. А приказищ или его пятенщик те лошади у них пятнят. А от пятна емлют с купца денгу московскую, с продавца денгу ж. А хто его архиепископль [крестьянин¹¹] купит лошадь или продаст или выменит в Софейской отчине, а приказищу или его пятенщику не явит да того ж дни, и он, его уличив в том, возмет на нем заповедь, пропятенново, два рубли московскую. А хто его¹² крестьянин купит лошадь или продаст или выменит в городе или в ыной волости, да там те лошади и пятнят, и они тех лошадей¹³ архиепископлю приказищу не являют и не пятнят у него тех лошадей и пошлин с них и пятенные не дают. А старых лошадей и доморощенных у них не пятнят же.

Так же¹⁴ есми архиепископа Нектария или хто по нем иные архиепископы будут пожаловал, тое его слободки крестьяне и которые живут на церковных местех з городцкими целовалники и с сотцкими и з десятцкими и с черными людми ни в которые потуги ни в розметы не тянут, и на розметы к гороцким и в селех к людем не ходят, и в таможене не сядят, и к анбаром их к зелейным наши приказные люди не приставливают, и его архиепископли дети боярские мостов наших не мостят и иных никаких дел з городцкими людми не делают.

А пищальные и ямские денги с тое слободки и с Софейские отчины с своих сох платити им на Вологде, кому будет приказана дань збирати. А в денгах им имати отписи, и в зборе им у денег не сидети, и к Москве з денгами не ездят. А опричь пищальных да ямских денег // (Л. 81 об.) с тое слободки архиепископли дети боярские и крестьяне в городцкие ни в которые потуги не тянут, и в посылки их не посылают, и ко всяким службам не приставливают.

А хто в тое его слободку на пустые места и на церковные придет жити людей неписменных и нетяглых и не моих, царевых и великого князя, сел и деревень, и тех людей ис той его слоботки и с церковных мест по выводным грамотам не выводят, опричь моих, царевых и великого князя, сел и деревень.

А неделщики наши московские и вологотцкие розсылщики тои его слободки приказных людей и детей боярских и крестьян во всех городех Софейские отчины на поруки не дают ни от ково, и по записем по них не ездят, и по приставным ездоков своих не посылают, опричь даново их пристава, ково у нас вологотцкой архиепископ возмет.

А учнут тое его слободки крестьяне на Вологде торговати хлебом и солью и рыбою и всяким мелким товаром, и вологотцким таможником имати на них с того товару пошлины, тамьгу и весчее, по тому ж, как з гороцких людей с такова ж товару пошлины емлют. А по торговым грамотам городцкие целовалники тое слободки крестьян к себе не окладывают и не притягивают.

Так же¹⁴ есми богомолца своего архиепископа Нектария пожаловал, съ его сел и деревень со все Софейские отчины рыжиков на свой обиход, что идет з дворцовых сел, имати не велел.

Так же¹⁴ есми богомолца своего архиепископа Нектария пожаловал, которые его игумены и попы и дьяконы и чернцы и черницы и все его люди владычества¹⁵ Пермского живут въ его деревнях на Выми и на Вычегде¹⁶ и во всей Вычеготцкой земли в городке¹⁷ и в¹⁷ Великой Перми и на Виледи в селе в Николском и в деревнях, и наместницы наши // (Л. 82) устюжские и мои тиуны и великопермские наместницы и путники и волостели виледемские¹⁸ и их тиуны и мои, царевы и великого князя, поселские усолские¹⁹ приставов своих на них не дают и не судят их ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным. И даншики мои и ратные люди у архиепископлих людей не ставятца и подвод у них и сторожей и корму и проводников не емлют и ни всылают к ним ни по что.

А поедет к нам богомолец наш Нектарий архиепископ к Москве или его дети боярские летним временем, и они по городом наместником¹⁷ нашим и¹⁷ их тиуном и всяким приказным людям мытов²⁰ и мостового и перевозов не дают. Или зимою поедут с солью к Москве и з запасом на дватцати возех или с Москвы к Вологде с хлебом и с медом и с сукны с сермяжными и с холсты дватцать человек на дватцати ж лошадах, а торговых людей с ними ни с каким товаром, опричь архиепископлих людей дватцати человек, не будет ни каков человек и ни какова товару²¹, опричь архиепископли рухляди и запасу, на тех санех не будет ничего, и они по городом мытов и проезжих пошлин с людей и с саней не дают. А будет с ними на тех возех²² торговые люди с товаром, и наместником нашим и волостелем и их тиуном и мытчиком и всем пошлинником мыт и иные пошлыны имать. А как поедет приказной человек или сын боярской на Усть Вым на вологодском судне, а длина судну от носа до кормы четырнатцать сажень, а в ширине в оляле три сажени с локтем, а людей с ним архиепископлих дватцать человек и с кормщиком, а городцких людей // (Л. 82 об.) архиепископу на том судне не сажати ни одново человека никакова. А везут на том судне архиепископлъ хлеб тысечю чети ржы.

Так же¹⁴ от Усть Выми и от Вычеготцкие Соли архиепископлъ приказной человек или сын боярской з дватцатью человеки поидут на том же судне с солью и з запасом к Вологде с сею моею грамотою жаловалною или с списком с сее моей жаловалной грамоты за архиепископлею печатью или за подписью, а иных людей архиепископлих, опричь приказново его человека или сына боярсково з дватцати человек, на том судне да никоторого человека городцково ни селсково ни товаров их сукон ни иного никакова товару на том судне не будет, опричь архиепископля хлеба тысечи чети и корму, и наместницы наши вологодцкие и устюжские и мои тиуны и волостели тотемские²³ и их тиуны и мытчики Соли Вычеготцкие и поселские и всякие пошлинники с того архиепископля судна с тысечи чети и соли и его приказново человека или сына боярсково и¹⁷ з дватцати человек и их корму мыта и с судна пошлыны и иных никоторых пошлын не емлют ничего.

А будет архиепископ пошлет для своих каких дел своего приказново человека или сына боярсково к Усть Выми и к Соли Вычеготцкой в каюке или в лодке с набои, и тому приказному человеку товаров своих и чюжих в каюке²⁴ и в лодке и

торговых людей за архиепископлих не провозити. А пошлинъником по городом никаких пошлин с каюка и с лодки и самих с архиепископлих людей не иматъ по тому ж, как з большого судна.

А зиме пойдут архиепископли люди с хлебом же и съестным запасом на Усть Вым и назад с солью на дватцати возех дватцати человеки, и с тех возов и с людей мыта // (Л. 83) и проезжее пошлыны так же не имати. А будет на судне и на возех торговые люди с товаром, и нашим всяким пошлынником и мытчиком и устюжаном городцким торговым людем тех людей имати и давати их на поруки да ставити их передо мною, государем царем и великим князем. А товар их емлют на меня, царя и великого князя.

А через сю мою грамоту хто чем его архиепископлих детей боярских и крестиян изобидит или хто что не по грамоте учинит, и тому от меня, царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии, быти в опале и в продаже.

А коли явят сю мою грамоту архиепископли приказные люди и дети боярские наместнику нашему и волостелю и их пошлынником, и они с нее явки не дают ничего.

Дана ся наша царская жалованная грамота на Москве, лета 7122-го генваря в 25 день.

Позади подлинной грамоты писано тако:

Божиею милостию великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец.

А подписал государев царев и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии диак Иван Болотников.

Справил с прежние жаловалные грамоты с списком подьячей Ивашко Детков.

Лета 7131-го сентября в 29 день. Мы ж, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец, и отец наш государев, великий государь святейший Филарет Никитичь Божиею милостию // (Л. 83 об.) патриарх Московский и всеа Русии, сее нашияе прежние жаловалные грамоты богомолца своего Корнилия, архиепископа Вологодского и Великопермского, слушав, указали: я, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, и отец наш государев, великий государь святейший Филарет Никитичь патриарх Московский и всеа Русии, по нашему государскому указу по Уложению переписать вновь на наше ж государское имя. А сю нашу прежнюю жаловалную грамоту указали, подписав на свое ж государское имя, отдати богомолцу нашему Корнилию, архиепископу Вологодскому и Великопермскому, вперед для спору вотчинных земель и всяких вотчинных крепостей. А о всем указали по тому, как в нашей в новой государской жаловалной грамоте нынешняго 131-го году написано. А подписал государев царев и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии диак Иван Поздеев.

В конце оной подлинной грамоты приложена печать на красном воску*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ м из б;
² Второе л из н;
³ В ркп Иасафа; испр. по В;
⁴ Далее, вероятно, пропущено на;
⁵ н из дрб.;
⁶ Второе е из я;
⁷ Далее, вероятно, пропущено московские (ср. ниже);
⁸ В ркп иего; испр. по смыслу;
⁹ В ркп ездят; испр. по В;
¹⁰ Второе и из ь;
¹¹ В ркп нет. Добавлено по смыслу;
¹² Далее, вероятно, пропущено архиепископль;
¹³ В ркп людей (в В людей); испр. по смыслу;
¹⁴ В ркп Такъже;
¹⁵ ь из е;
¹⁶ В ркп Вычевде (в В Вычевде); испр. по смыслу;
¹⁷⁻¹⁷ Дрч;
¹⁸ Так в ркп; (в В вилдемские); Вероятно, следовало бы вилегодские;
¹⁹ о из е;
²⁰ ы из дрб;
²¹ ру из дрбб;
²² оз из дрб;
²³ В ркп тотомския; испр. по В;
²⁴ Вторая к из н дрч;
* По лл. 79 – 83 об. скрепа: С подлинною грамотою читал подканцелярист Алексей Юшков. Эконом игумен Пахомий.

М. В. Зеленина

**КОЛЛЕКЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ПОВАЖЬЯ XVIII
ВЕКА В ФОНДАХ ВЕЛЬСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В настоящее время в историографии всё большее внимание уделяется региональной истории, растет интерес к материалам региональных архивов и музеев. Вельский краеведческий музей ¹ является одним из старейших в Архангельской области. Он был создан в 1919 году на основе собрания местного крестьянина В. Ф. Кулакова. Число предметов основного фонда музея, освещающих историю Поважья, составляет 20 623 единицы, в том числе редкие книги и документы насчитывают 2 192 единицы хранения. В начале XVIII в. Важский уезд вместе с Вологодским уездом входил в Архангелогородскую губернию, а в 1780 году вошел в Вологодское наместничество ². Для более углубленного изучения

истории данной территории большой интерес, на наш взгляд, представляет коллекция документов XVIII века. Она является частью рукописного фонда музея и включает в себя как подлинники, так и копии документов.

Данная коллекция документов сформировалась в 20-х – 30-х гг. XX в. в результате пожертвования от В. Ф. Кулакова, основателя музея, и собирательской деятельности членов Вельского отдела ВОИСК, сотрудников музея.

Цель настоящей работы – провести краткий обзор документальных источников в фондах ВКМ по состоянию на начало 2011 года, с тем, чтобы в дальнейшем ввести их в научный оборот, привлечь исследователей к их изучению и расширить источниковую базу по истории региона XVIII в. Это подлинные источники (28 единиц хранения), освещающие отдельные стороны жизни населения Поважья XVIII в.

В разные годы с данными источниками знакомились д.ф.н. В. И. Малышев³, д.и.н., профессор Ю. С. Васильев и д.ф.н., профессор А. Н. Власов. Но в полном объеме коллекция документов ВКМ, датированных XVIII в., не была изучена.

Представленные документы характеризуют историю посадов – Вельска (с 1780 года – город) и Верховажья. Систематизированы источники по следующим разделам: социальные и демографические аспекты, хозяйственная деятельность (включая торговлю), управление торгово-промышленной деятельностью (населением).

Характеристику населения Поважья исследуемой эпохи освещают 12 документов представленной коллекции. Значительный массив информации содержат ревизские сказки 3–5 ревизии Верховажского посада. Дополнительные сведения мы можем увидеть в метрических книгах Успенского собора Верховажского посада (за 1768–1802 гг.) и Троицкого собора города Вельска (за 1780–1800 гг.). Доведенные до начала XIX в., метрические книги позволяют проследить сословную структуру, изучить динамику изменения численности населения. Дополняет информацию относительно Верховажья исповедная книга Успенского собора за 1782 год. В рамках поселений аналогичные данные могут быть изучены по исповедным ведомостям церкви Покрова Святой Богородицы Морозовской волости и Ростовской Вознесенской церкви Вельского уезда. Данные источники датируются 1780–1801 и 1782 гг. Социальное положение семьи, ее состав, причины и длительность отсутствия человека могут быть положены в основу изучения демографической картины и анализа социальной сферы жизни населения Поважья.

В рассматриваемых документах кроме информации о крестьянах находили отражения и характеристики сословия мещан и купцов. В этом вопросе дополнительные сведения могут быть почерпнуты из дел Вель-

ской городской ратуши о приписке крестьян в купечество и мещанское общество. При этом в сообщении от магистрата города Вельска указано, что по 3-й ревизии насчитывалось купцов 10, мещан 29. Несмотря на словенную структуру российского общества, мы можем наблюдать факты социальной мобильности населения: в течение 20 лет (по данным на 1782 год) записались из крестьян в мещане – 8 человек, в купцы – 4 человека ⁴. В прошении о записи в вельское купечество 16-летний крестьянин Вельской округи Устьянской десятины деревни Дюковской Петр Моховиков объявляет о наличии у него капитала в 500 рублей ⁵. Купцы могли рассчитывать на определенный ежегодный доход, так как по территории Поважья проходил тракт Архангельск – Москва, и ежегодно проводились широкие ярмарки.

К характеристике хозяйственной деятельности населения относятся 2 документа: «Оброчная перепись о рыбных ловлях Верховажской четверти» и «Допросные речи крестьян Важского уезда Вельского посада по поводу челобитной 1700 г. на Вельского целовальника за нарушения в торговле вином». Последний документ, датируемый 1703 годом, и освещающий монополию государства на продажу алкогольных напитков, характеризует одну из сторон функционирования кружечного двора.

Важный момент земельных отношений между представителями сословия крестьян иллюстрируют 5 документов, относящихся ко второй половине XVIII в. «Договорное письмо на передачу земельного участка» 1760 года представляет сделку между крестьянами одной деревни в отношении участка яровой пашни, двух полосок сеного покоса, луковника и земли, занятой старой избой. Источник указывает на бессрочную передачу описанных владений в пользование – «Афонасю или детям ево с тем же участием владеет вечно» ⁶.

Закрепление права собственности было одной из задач начатого в 1766 году на территории Российской империи Генерального межевания, которое проводилось и в рамках Поважья. В деле Вельской городской ратуши можно прочесть сообщение уездного землемера инженера подпоручика Федора Маслова о получении ордена от генерал-майора, правителя Вологодского наместничества Григорья Дмитриевича Макарова на составление плана «во все 4 стороны на три версты с выгонной землей от присутственного места» ⁷. Данный источник содержит и уточнение – «вновь отведенной выгонной земли еще не имеется, а имеется как под строением купечества и мещанства, так и под казенным домом где присутственные места» ⁸. В 1782 году задача межевания земель стояла перед старшим землемером города Вельска Александром Поздняковым ⁹.

Но Генеральное межевание окончательно не разрешило конфликты между землевладельцами, свидетельством чему можно назвать документы о земельных спорах. На местном уровне внутри самой крестьянской общины межевые споры освещаются документами, исходящими от крестьян: объявлением¹⁰ и запиской¹¹. Указанные источники датируются 1788 годом и характеризуют причины, особенности споров о пользовании пашней и покосом. В первом случае присутствует факт засеивания в мае «без спросу и дозволения» полосы земли в яровом поле. Документ адресован старосте и преследует цель отстоять личные интересы на указанный участок земли – «для рассмотрения и защищения»¹². Обидчик ссылается на право посева по разрешению умершего родственника («якоб онкая повелена была покойным отцем моим а ево родне братьям»¹³). Еще более острый инцидент описан в «Записке о покосной десятинае деревни Копалины горы на крестьян Александра Овсянкина и Петра Овсянкина». В указанном источнике Лукьян Трофимов описывает свое нежелание разделять участок сенокоса, произошедший спор между крестьянами и завершающую его драку.

Основную часть рассматриваемой коллекции составляют 16 документов, освещающих управление торгово-промышленный капиталом в XVIII в. По Указу Екатерины II о переименовании Вельского посада в уездный город Вельск (6 августа 1780 года) Вологодского наместничества (с 1796 года – Вологодской губернии) в делопроизводство новоявленного города были привнесены новые категории документов, в частности: журнал городского магистрата (3 экземпляра за 1782, 1783, 1786 гг.), докладной регистр городского магистрата (2 экземпляра за 1781 и 1783 гг.), книга исходящая по делам магистрата (2 экземпляра за 1781 и 1783 гг.). В отличие от вышеперечисленных источников документы городской ратуши представлены применительно к двум населенным пунктам – городу Вельску и Верховажскому посаду: опись нарядам (1780 – 1903 гг.), дела о приписке (5 экземпляров за 1781 – 1783 гг.), дело о земле, принадлежащей городу Вельску (1 экземпляр за 1782 – 1785 гг.) и географические известия Верховажской городской ратуши (1 экземпляр за 1760 – 1800 гг.). Данная группа документов представляет информацию о торговых и посадских людях и позволяет изучить дела о долгах и купле–продаже.

Таким образом, рассмотренные документы могут быть интересны при изучении ряда вопросов, связанных с населением, земельными отношениями, налогообложением и формированием доходов государства на местном уровне.

Рассмотренные в данной работе источники требуют дальнейшего изучения. При обозначенном выше тематическом разнообразии и малочисленности указанные документы не позволяют в полном объеме оха-

рактизовать наиболее важные элементы общественной жизни населения Поважья XVIII в. Но они могут дополнить сведения, содержащиеся в источниках из фондов других музеев, областных и общероссийских архивов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее используется аббревиатура ВКМ.

² Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII – XX веках: справ. / архив. отд. администрации Арханг. обл., Гос. архив Арханг. обл.; сост. Л. В. Гундакова, Л. Н. Хрушкая, Н. А. Шумилов. – Архангельск, 1997. – С. 9 – 11.

³ Малышев В.И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // Труды отдела древнерусской литературы. / ин-т рус. лит. АН СССР. – Вып. 8. – М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 362 – 378.

⁴ ВКМ кп 1361. Дело Вельской городской ратуши о земле, принадлежащей городу Вельску. Л.4.

⁵ ВКМ кп 1430. Дело Вельской городской ратуши о приписке в Вельское купечество удельного крестьянина Петра Моховикова. 1783 г. Л. 1.

⁶ ВКМ кп 2307. Договорное письмо на передачу земельного участка в деревне Скомовская (Каменная) Устьянской Пежемской волости. 30 мая 1760 г.

⁷ ВКМ кп 1361. Дело Вельской городской ратуши о земле, принадлежащей городу Вельску.

⁸ ВКМ кп 1361. Дело Вельской городской ратуши о земле, принадлежащей городу Вельску. Л.10.

⁹ ВКМ кп 1361. Дело Вельской городской ратуши о земле, принадлежащей городу Вельску. Л.10.

¹⁰ ВКМ кп 1651. Объявление Вельской округи Верховажской четверти Погоской десятины от крестьянина Прокопья Ершева старосте Гавриле Яковлеву. 21 мая 1788 г.

¹¹ ВКМ кп 1652. Записка о покосной десятине деревни Копалины горы на крестьян Александра Овсянкина и Петра Овсянкина. 18 июля 1788 г.

¹² ВКМ кп 1651. Объявление Вельской округи Верховажской четверти Погоской десятины старосте Гаврилу Якову тоя Погоской десятины о крестьянина Проковья Яршова. Л. 1 об.

¹³ Там же.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКИХ ЧИНОВНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Сегодня исследователи проявляют всё больший интерес к проблемам функционирования местных органов государственной власти, в том числе к истории провинциального чиновничества¹. Охарактеризовать управление Вологодской губернией в первой половине XIX века достаточно сложно, потому что до сих пор остаётся неизученным огромный пласт делопроизводственной документации, а имеющиеся на сегодняшний день исследования не раскрывают в полной мере эффективность функционирования местного аппарата. Показателем качества работы государственных органов могут служить случаи нарушения закона со стороны чиновников.

В настоящей статье сделана попытка взглянуть на работу местного аппарата управления сквозь призму должностных преступлений, совершённых вологодскими чиновниками в первой половине XIX века. Основными источниками исследования послужила делопроизводственная документация Вологодской палаты уголовного суда. В результате исследования было выявлено 274 дела о преступлениях, совершенных вологодскими чиновниками при исполнении своих служебных обязанностей. Законодательство первой половины XIX века среди должностных преступлений выделяло следующие: нарушение порядка службы и подчинённости; неисполнение должности и злоупотребление власти; ущерб казённому и частному вверенному по службе имуществу, через небрежение, незаконное использование, похищение, расточение и утрату; противозаконные поступки при заключении подрядов, поставок и приёме вещей в казну поставляемых; «лихоимство»².

Первый вид должностных преступлений – нарушение порядка службы и подчинённости – представлен противозаконными поступками начальников с подчинёнными и неповиновением подчинённых (11 преступлений). Например, дело 1827 года о канцелярском слуге Вологодской городской полиции Фёдоре Попове. Он был предан суду за появление на рабочем месте в пьяном виде и совершении при этом противозаконных поступков, а именно: обругал и плюнул в глаза канцеляристу Баркову. Обиженный доложил об этом поступке полицмейстеру Иванчину, который приказал квартальному надзирателю Волоцкому посадить Попова под арест, но тот «произнося на счёт Волоцкого и всех присутствующих полиции ругательные слова, также оказал грубости и

самому полицмейстеру, говоря ему притом, что он видал таких много»³. Такие преступления в основном были вызваны недобросовестным отношением к службе и чаще всего совершались в пьяном виде.

Наиболее распространённым видом должностных преступлений было неисполнение должности и злоупотребление властью (142 преступления). В законодательстве выделялось несколько составов таких преступлений: медленность и нерадение по службе; неисполнение указов и «запускание» дел; превышение власти и её бездействие; разглашение дел тайне подлежащих; подделка документов и другие подлоги при отправлении должности; неправосудие. К медленности и нерадению по службе суд относил такие деяния, где в обвинение ставилось медленное исполнение предписаний начальства, самовольная отлучка или неявка к должности, которые влекли за собой «остановку» делопроизводства, а также разного рода упущения по должности, под которыми понимались такие проступки как неправильное производство следствия, несоблюдение порядка при отправке делопроизводственной документации или денежных средств в присутственные места и др. (42 преступления). Типичным примером может послужить следственное дело 1838 года о секретаре Яренского уездного суда Павле Аксенове. Он обвинялся в «нерадении к должности, самовольной от оной отлучке и в пьянстве», что привело к «медленности в делопроизводстве»⁴. Такие преступления зачастую являлись следствием недобросовестного отношения чиновника к службе, либо недостаточного контроля вышестоящих инстанций. При высоком уровне взяточничества можно предположить, что «лихоимственные дачи» играли не последнюю роль. Например, в 1829 году члены Вологодского уездного суда засвидетельствовали фальшивое письмо дворового человека, которое давало право получить из Вологодского приказа общественного призрения деньги на имя его помещицы. Прежде чем подписывать такого рода документ, члены суда должны были удостовериться в его подлинности. Здесь явно могла иметь место взятка, так как по данным криминалистического анализа было установлено сходство с почерком секретаря суда. Однако за неимением иных доказательств у следствия, факт «лихоимства» не был установлен, поэтому в обвинение ставилось лишь «упущение по должности»⁵.

Под неисполнением указов и «запусчением» дел в первую очередь понималось невыполнение указаний и предписаний начальства (16 преступлений). Например, дело 1831 года о дворянском заседателе Вельского земского суда Дмитрие Лодыгине, который не выполнил два срочных предписания Вологодского губернского правления (произвести описи имений помещицы Сверчковой и надворного советника Яковлева)⁶. Такие

преступления в основном не содержали в себе прямого умысла ⁷, либо были вызваны объективными обстоятельствами (например, болезнью подсудимого).

Для вологодского чиновничества нередким явлением были превышение должностных полномочий и противозаконное бездействие (65 преступлений). Первое преступление чаще всего выражалось в «самоуправном наказании» невинных лиц, превышении власти при производстве следствия путем нарушения форм делопроизводства и др. Главной причиной распространения таких преступлений были широкие полномочия административных органов, позволявшие злоупотреблять властью. Полиция осуществляла проведение следствия и исполнение приговора. Она нередко брала на себя и судебные функции по незначительным правонарушениям. Примером превышения должностных полномочий может служить следственное дело 1854 года о частном приставе Вологодской градской полиции титулярном советнике Александре Иванове Аннинском. Он был судим за самовольное наказание розгами тотемского мещанина Маракова⁸. Противозаконное бездействие заключалось в неисполнении обязанностей по должности (оставление «без движения» прошений от частных лиц, не проведение вовремя следственных действий и др.). В отличие от медлительности и нерадения, где имело место неисполнение всех обязанностей по службе, здесь речь идёт о непринятии решения по определённом делу. Однако причины и того, и другого вида преступлений во многом схожи: недобросовестное отношение к службе, недостаточный контроль начальства, пьянство, а также корыстные побуждения (например, взятка). Наглядно это иллюстрирует рассмотренное в 1845 году следственное дело о становом приставе Якове Васильеве Булатове. Он обвинялся в «непреследовании» по горячим следам виновников убийства крестьянки Пелагеи Андреевой, и более того позволил захоронить её тело без освидетельствования⁹. Лихоимство по этому делу доказать не смогли, но можно предположить, что столь серьёзное деяние (которое не дало следствию возможности выявить убийц) было сделано из корыстных побуждений.

В ходе исследования были выявлены случаи подделки документов и разного рода поправки в документах (17 преступлений). Как правило, такое поведение имело корыстные мотивы. Также выявлено 2 случая вынесения несправедливого приговора уездными судами, что государство называло «неправосудием». Причинами судебных ошибок являлось несовершенство работы правоохранительных органов и господствующая в то время формальная теория доказательств, при которой главным доказательством вины являлось признание обвиняемого.

Ущерб казённому и частному вверенному по службе имуществу в большинстве случаев наносился посредством растраты и незаконного использования, либо промедлением с отсылкой денежных средств в определённые присутственные места (47 преступлений). Основная причина таких проступков – плохое материальное положение чиновников. Большинство деяний совершено канцелярскими служащими, оклады которых не были фиксированными и назначались начальством «по трудам и достоинству». Примером подобного преступления является следственное дело о служащем в канцелярии вологодского губернатора Петре Лаврове. Он был предан суду из-за «не предоставления полученных им в разные годы 848 рублей 63 копеек серебром»¹⁰, которые он «употребил в свою пользу»¹¹.

Особой проблемой для государства было распространение взяточничества («лихоимства»). В каждом четвёртом должностном преступлении, которое рассматривала Вологодская палата уголовного суда, в обвинение ставилось «получение во взятку денег» (74 преступления). «Лихоимство» считалось одним из наиболее тяжких противоправных деяний, за которое назначалось «лишение чинов и дворянского достоинства и ссылка в Сибирь вечно в каторжные работы»¹². Одним из примеров можно назвать следственное дело, рассмотренное Вологодской палатой уголовного суда в 1819 году. Служащий Вельского уездного суда губернский секретарь Андрей Владимиров обвинялся «во взятии с грязовецкого помещика Волоцкого в лихоимство 25 рублей». Чиновники, служившие вместе с подсудимым, показали, что «дача» была осуществлена не по доброй воле Волоцкого, а вынужденным образом. Владимирову, ранее уже судимому по делу о «лихоимстве» и «оставленному в подозрении», был вынесен обвинительный приговор¹³.

Материалы Вологодской палаты уголовного суда рисуют благополучную картину: только 7 подсудимых были признаны виновными. В остальных случаях чиновники либо были оставлены в подозрении (22 случая), либо оправданы приговором суда (45 случаев). Исходя из полученных данных, напрашивается вывод о том, что взятки были исключительным явлением. Однако можно быть почти уверенным, что все выявленные случаи «лихоимства» имели место в действительности. Доказательством тому служат материалы сенаторских ревизий.

Известно, что по причине накопления большого количества недоимок, в Вологодскую губернию в 1813–1814 годах для ревизии был направлен сенатор Хитрово. На момент его прибытия в Вологду сумма недоимки составляла почти 2 млн. рублей. Сенатор, лично ознакомившись с документацией волостных правлений разных уездов, выявил, что более половины денег, собранных с крестьян за последние годы в

казну не поступило и куда эти деньги были употреблены, выявить было сложно. Несколько волостных правлений на свой страх и риск указали на то, что часть денег шла на подарки чиновникам. В доказательство были представлены расходные книги, в которых подробно описывалось, кому и сколько было заплачено. Так, в расходной книге Глушинской волости значились издержки при отдаче в Вологде рекрутов 5 февраля 1813 года, а именно: исправнику в почтение дано – 50 рублей, заседателю Левину – 5 рублей, для исправника и заседателя – вина на 4 рубля, губернатору – 100 рублей, его дворецкому – 24 рубля, губернаторской сестре рыбы и сахару на 20 рублей, при платеже денег снесено секретарю штоф водки на 3 рубля 50 копеек, при взносе недоимки исправнику штоф водки на 3 рубля 50 копеек и т. д.¹⁴ Общая сумма, затраченная на подарки должностным лицам и их родственникам, составила более 1200 рублей, из них на губернатора с его дворецким потрачено более 600 рублей, на вице-губернатора и его дворецкого около 200 рублей. Однако доказательства, собранные сенатором Хитрово, в суде были признаны недостаточными. И хотя губернатор был смещён со своего поста, всё же чиновники не понесли ответственность за взятки чиновникам (многие из них даже остались при своих должностях).

В такой ситуации естественно возникает вопрос: почему в судах выносилось мало обвинительных приговоров по делам о взятках? Суды очень тщательно рассматривали доказательства по делу и были очень строги к его формальной стороне, особенно это касалось тяжких преступлений. Правила оценки показаний были чётко регламентированы и, если выявлялось какое-либо несоответствие, у судьи появлялось основание освободить подсудимого от ответственности под предлогом недостаточной доказанности вины. Возможно, подобные случаи отражали боязнь вынести несправедливое решение и тем самым подвергнуть лицо строгому наказанию и если существовали сомнения, суд скорее оправдывал подсудимого или «оставлял в подозрении». Но нельзя забывать о том, что в государственном аппарате, где взятка становится привычным явлением, не совсем справедливо карать одних чиновников, а других оставлять безнаказанными.

В первой половине XIX века, когда окончательно оформился бюрократический аппарат, должностные правонарушения получили широкий размах не только на территории Вологодской губернии, но и в общероссийских масштабах¹⁵. Государство, усиливая борьбу с должностными преступлениями, пыталось регламентировать каждое действие чиновника на службе. Однако правонарушений меньше не становилось, а их раскрываемость не повышалась. Излишний формализм при проведении следствия с одной стороны мешал процессу доказывания виновности, а

с другой – давал возможность чиновникам избежать правосудия, когда можно было найти формальные признаки, по которым многие доказательства утрачивали свою силу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 6; Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3–4; и др.

² Свод законов Российской Империи. СПб., 1842. Т. 15, кн. 1: Свод законов уголовных. С. 63.

³ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф.177. Оп.1. Д.113. Л. 743–745.

⁴ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 157. Л. 261.

⁵ Там же. Д. 126. Л. 543.

⁶ Там же. Д. 130. Л. 578.

⁷ Например, если было поручено сразу несколько предписаний и для выполнения одного поручения подсудимому потребовалось отлучиться в командировку (это могло занять от нескольких недель до полугода), то за время отсутствия уже могло быть возбуждено уголовное дело по факту не выполнения другого указания (Там же. Д. 117. Л. 243).

⁸ ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 322. Л. 846.

⁹ Там же. Д. 199. Л. 464.

¹⁰ Сумма огромная, особенно если учесть, что средняя заработная плата канцелярского служащего была 10–20 рублей в месяц.

¹¹ ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 186. Л. 1151.

¹² Российское законодательство X – XX вв. М., 1986. Т. 6. С. 158.

¹³ ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79. Л. 939.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 32. Л. 75–76 об.

¹⁵ Кодан С. В. О наполнении государственных мест достойными и честными людьми...// Чиновник. 2003. № 3. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=392>. Дата обращения 14. 12. 2010 г.

Д. А. Мухин

ПЯТИДВОРНЫЕ ВЫБОРНЫЕ В СИСТЕМЕ СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 года (далее – Общее положение), а так же последующие постановления Правительствующего Сената, создавали единую модель сельско-

го самоуправления как для бывших государственных, так и бывших частновладельческих крестьян вне зависимости от размеров сельского общества и других местных условий. Однако реализовать на практике некоторые нормы было практически невозможно. К таковым относились нормы, касавшиеся необходимого количества домохозяев на сходе.

Общее положение содержало две нормы, касавшиеся кворума. Во-первых, «решения сельских сходов признаются законными тогда только, когда на сходах были: сельский староста, или заступающий его место, и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах» (ст. 52) ¹. Во-вторых, «для решения нижеследующих дел требуется согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих голос на сходе: 1) о замене общинного пользования землею участковым или подворным (наследственным); 2) о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки; 3) о переделах мирской земли; 4) об установлении мирских добровольных складок и употреблении мирских капиталов; и 5) об удалении порочных крестьян из общества и предоставлении их в распоряжение правительства» (ст. 54) ².

Сельские сходы в зимний период (когда чаще всего и происходили наиболее значимые сходы: по выборам должностных лиц, разверстке податей и т.д.) проводились в избах должностных лиц, в общественных квартирах (таких же избах, но нанятых для осуществления административных функций общества у крестьян, иногда у тех же должностных лиц) или в домах тех домохозяев, в интересах которых собирался сход (например, «староста, десятский и некоторые домохозяева собрались в избе домохозяйки, выкупающей землю» (Усть-Вельская волость Вельского уезда)³). Только в случае, если центр общества совпадал с центром волости, сельский сход мог проводиться в здании волостного правления.

Размеры крестьянских изб были невелики (порядка 25–40 кв. м). Однако, согласно приговорам, и в зимнее время в сходах крупных обществ участвовали сотни домохозяев. Например, под приговором схода Богоявленского общества Трегубовской волости Велико-Устюгского уезда от 19 января 1895 года значилось 367 подписей ⁴, под приговором Нижнеегородского общества Страденской волости Никольского уезда от 19 декабря 1899 года – 380 подписей ⁵, а под приговором Брюховского общества Городецкой волости Никольского уезда от 2 февраля 1902 года – 439 подписей ⁶.

Собрать кворум в условиях крестьянской избы было невозможно. М. О. Толмачев на основании сведений Вологодского губернского земского совещания сообщал, что вместо заявленных в приговоре 400 – 500 человек на сходе «были только те, которые могли поместиться в тесной соборной избе»⁷.

Однако приговор схода должен был оформляться как решение «полного» схода, иначе такой приговор мог быть отменен вышестоящим начальством за несоответствие нормам Общего положения, а в отношении должностных лиц сельского управления, присутствовавших при принятии такого приговора, могли последовать санкции. Поэтому в документах, исходивших из сельского общества, способы сокращения количества участников схода практически не упоминались. Однако подобная информация могла содержаться в документах различных типов.

В своем прошении об удалении от должности полицейского сотского крестьянин Семеновского общества Лапшинской волости Никольского уезда Петр Лукин (Лукич – Д. М.) Аксенов, перечисляя должности, в которых ранее служил он сам и члены его семьи, ссылаясь на то, что он уже был ранее пятидворным выборным⁸. Согласно законодательству, в системе управления деревней такой должности не существовало, однако упоминания о ней встречаются в документах из разных уездов Вологодской губернии.

Подробнее функционирование системы пятидворных выборных описано в приговорах сельских сходов Вожбальского общества Тотемского уезда. В приговоре от 21 декабря 1895 года записано: «Мы, крестьяне Вожбальского сельского общества, состоящего из 23 селений, в которых ревизских душ 1211 (например, в соответствии с приговором Вожбальского общества от 31 января 1893 года в обществе значилось 570 домохозяев⁹ – Д.М.) и пятидворных выборных домохозяев, имеющих право голоса на сходе 116 человек, находилось на сходе 98 человек выборных»¹⁰. То есть в данном случае, по аналогии с волостным сходом, крестьяне делегировали право участия в сходе отдельным представителям общества, но если в волостном сходе участвовали десятидворные выборные (по 1 человеку от 10 дворов), то в данном случае 5 дворов представлял один человек.

В результате, в сельских сходах Вожбальского общества могло участвовать не более 20% домохозяев общества, что создавало более комфортные условия для организации и проведения схода. Причем именно количество пятидворных рассматривалось как полная явка, поэтому и необходимые 50% (а отдельных случаях и 66%) присутствующих высчитывалось исходя именно из этой цифры. То есть, чтобы сельский сход состоялся, достаточно было присутствия 10 или 13% всех домохозяев данного общества.

В соответствии с Общим положением все приговоры Вожбальского общества были незаконными и подлежали отмене по причине недостаточной явки крестьян. Однако, поскольку реакции вышестоящего на-

чальства на такой способ сбора схода не последовало, то этот вариант, как наиболее удобный для крестьян, не только закрепился на практике, но и официально прописывался в приговорах.

В Семеновском обществе, откуда исходила жалоба Петра Лукина Аксенова, система делегирования права участия в сельском сходе специальным выборным, видимо, также существовала. Однако приговоры Семеновского общества оформлялись, как решения полного схода, причем приговоры сопровождалась всеми необходимыми подписями. Так под приговором от 28 сентября 1898 года было поставлено 396 подписей (общее количество домохозяев на тот момент составляло 627 человек)¹¹.

Таким образом, система пятидворных выборов являлась одним из способов делегирования права участия в деятельности схода.

Похожим образом обстоит ситуация и в Погореловской волости Тотемского уезда, несколько отличался только способ определения круга участников сходов. Присутствовали на сельском сходе только специально выбранные для этого домохозяева: сельский староста, волостной старшина, писарь, уполномоченные от каждой деревни общества и десятидворные¹². По сообщению корреспондента Тенишевского бюро из Нестеферовской волости Велико-Устюгского уезда Н.М. Маталева, «на сельские же сходы должны являться из малой деревни каждый домохозяин, из большой же – по концам деревни по очереди»¹³.

Интересно, что на государственном уровне идея замены всеобщего участия домохозяев на сельском сходе на представительство в начале XX века только обсуждалась. Саратовский губернский и камышинский уездный комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1904 году предлагали ввести «вместо полных сельских сходов – сходы выборных»¹⁴. Хотя на уровне законодательства такое решение принято не было, на практике же подобные формы проведения сходов активно работали.

Поскольку выбор пятидворных являлся инициативой исключительно самого сельского общества, то и границы их компетенции определялись локальной традицией и потребностями общества. Так в постановлении великоустюгского уездного исправника от 20 января 1893 года: «десятский деревни Опалихова Трегубовской волости Алексей Андреев (Андреевич – Д. М.) Хромцев, сопровождавший Коптяева (арестованного крестьянина – Д. М.) показал, что он вместе с пятидворными препроводил его до деревни Шиленьги, в которой, как имеющей меньше 10 дворов, не оказалось десятского, почему, оставив арестованного под присмотром пятидворных, сам ушел в деревню Самутовино за десятским, в отсутствие его Коптяев убежал и, несмотря на принятые пятидворными меры к задержанию, скрылся в лесу».

Интересно, что Алексей Хромцев описывал пятидворных, как неких должностных лиц, имеющих сходные с полицейскими десятским функции, то есть функции пятидворных в данном случае не ограничивались участием в сходе. Однако исправник отмечал, что «пятидворные – совершенно частные лица»¹⁵. Признавая существование пятидворных в Трегубовской волости, вышестоящее начальство не рассматривало их как должностных лиц. Интересно, что в данном случае, как и в Вожбальской волости, система пятидворных существовала открыто, и вышестоящее начальство было осведомлено о систематических нарушениях Общего положения, однако никаких мер против такой системы не предпринималось, а сами пятидворные несли службу в рамках определенной сельским обществом компетенции.

Для того, чтобы сделать систему управления более пригодной для функционирования в конкретных условиях, сельские общества создавали свои нормы легитимности принятия решений и несения службы. Одним из подобных вариантов была система пятидворных выборных, существовавшая как минимум в Тотемском, Устюгском и Никольском уездах Вологодской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗРИ, собр. 2, т. XXXVI, отд. 1, 1861. СПб., 1863. № 36657. С. 149.

² Там же.

³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. С. 33.

⁴ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф.11. Оп.1. Д.355. Л.63.

⁵ ВУЦА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 353. Л. 9.

⁶ ВУЦА. Ф. 296. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

⁷ Толмачев М.О. Крестьянский вопрос по взглядам земства и местных людей. М., 1903. С. 22 – 23.

⁸ ВУЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 722. Л. 19.

⁹ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 685. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

¹⁰ ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

¹¹ ВУЦА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 660. Л. 6.

¹² Русские крестьяне... Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюгский и Яренгский уезды. СПб., 2008. С. 348.

¹³ Там же. С. 513.

¹⁴ Страховский И.М. Крестьянский вопрос // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 1. СПб., 1904. С. 117.

¹⁵ ВУЦА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 122а. Л. 44.

ЖУРНАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ СЪЕЗДОВ МИРОВЫХ СУДЕЙ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Реализация Судебной реформы 1864 года велась поэтапно. В Вологодской губернии преобразования судоустройства начались с 1873 года с введения мировой юстиции в пяти юго-западных уездах: Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Вельском и Тотемском. В оставшихся уездах преобразование судебной части было отложено на несколько лет. Анализ нормативных источников и архивных документов позволяет выявить три периода становления и деятельности института мировых судей в данном регионе: введение и деятельность института мировых судей в западных уездах губернии (1873 – 1891 гг.); реформирование судоустройства и деятельность мировой юстиции в пяти северо-восточных уездах губернии (1882 – 1899 гг.); введение института земских участковых начальников (в западных уездах в 1891 году, в северо-восточных – в 1899 году) и деятельность почетных мировых судей.

Съезд мировых судей в губерниях, где судебные уставы вводились без изъятий, выполнял множество функций. Во-первых, осуществлял общее руководство деятельностью мировых судей уезда, во-вторых, выступал в качестве апелляционной и кассационной инстанций по решениям и приговорам мировых судей, в-третьих, решал текущие организационные вопросы и, наконец, представлял собой своеобразный орган судейского сообщества, выявлявший и высказывающий основные проблемы в деятельности мировой юстиции округа.

С учреждением судебных установлений предписывалось избирать из состава съезда председателя, неперменного члена, проводить заседания не реже 1 раза в месяц. Более детально деятельность съезда регулировалась наказами судебно-мирового округа. Наказ Вологодского судебно-мирового округа определял порядок работы съезда следующим образом¹. Заседания делились на публичные и распорядительные. Публичными именовались заседания съезда, в которых основным предметом рассмотрения были жалобы на приговоры (решения) мировых судей, иные частные прошения. В распорядительных заседаниях решались вопросы избрания руководящих должностей, распределения судебных участков, рассмотрения отчетности мировых судей, их прошений об отпусках и порядке замещения отсутствующего судьи, рассмотрения рапортов судебных приставов, отчетов о финансовых средствах в кассе съезда и т.п.

В изучении организации и деятельности мировой юстиции в губернии большую роль играют региональные архивные материалы, значительную часть из которых составляет делопроизводственная документация: журналы и протоколы заседаний съездов мировых судей, земских собраний, земских управ, особых присутствий по введению в уездах института мировых судей, формулярные списки, списки кандидатов на должность мировых судей, баллотировочные списки, деловая переписка и т.п. Делопроизводственная документация мировых судей и их съездов по Вологодской губернии хранится в четырех архивах: Государственном архиве Вологодской области, Великоустюгском центральном архиве, Государственном архиве Архангельской области, Центральном государственном архиве Республики Коми ².

Весьма информативным источником при изучении как организационных аспектов, так и практической деятельности мировых судей этого периода являются журналы заседаний съезда мировых судей. Данный вид делопроизводственной документации был стандартизированным, его формуляр включал наименование и дату заседания, список присутствующих лиц, перечень обсуждаемых вопросов, принятые решения, подписи председателя и секретаря. Содержательная часть журнала, как правило, оформлялась в 2 столбца – «слушали» и «постановили». Журнал заполнялся от руки, причем далеко не всегда на бланке, отпечатанном типографским способом.

Следует отметить, что по ряду уездов документы сохранились фрагментарно, отсутствуют журналы за несколько месяцев и даже лет. По некоторым уездам, например по Вельскому, указанные документы не выдаются исследователям ввиду ветхости фондов. Наибольшей сохранностью характеризуются журналы по Вологодскому, Никольскому, Великоустюгско-Сольвычегодскому судебно-мировым округам. Поскольку содержание и форма журналов были достаточно стандартными, анализ документов по указанным округам позволяет делать выводы в целом о данном виде источника.

Наибольший интерес для анализа представляют журналы заседаний по Вологодскому судебно-мировому округу. В фондах Государственного архива Вологодской области за 1873 – 1891 годы хранятся материалы по 234 заседаниям съезда ³. Журналы заседаний съезда по данному округу составляют фонд 228, сведены в одну опись, компактно в хронологическом порядке объединены в 18 дел.

Регламентирующие акты предписывали проводить отдельно организационно-распорядительные заседания съезда мировых судей, отдельно – судебные. Однако практика деятельности съездов существенно скорректировала данное положение: значительные территории, большие

расстояния в северо-восточных уездах, загруженность судей западных уездов не позволяла им являться к заседанию дважды в месяц. Постепенно сложилась тенденция объединения дел, сокращения числа заседаний съезда, но увеличения их длительности, проведения смешанных заседаний. Так, в Вологодском округе было проведено 142 организационно-распорядительных, 13 судебных и 79 смешанных заседаний. Практика «накопления» дел сложилась в северо-восточных уездах: судебные заседания проводились не каждый месяц, что иногда нарушало процессуальные сроки. Так, например, в Никольском уезде в среднем проводилось 6-7 судебных заседаний в год, которые длились от 1 до 6 дней, нагрузка составляла до 25 дел на заседание ⁴. В объединенных судебно-мировых округах (Великоустюгско-Сольвычегодский, Яренско-Устьысольский) судебные заседания проводились попеременно в уездных городах. С одной стороны, это было удобно и для судей, и для сторон, с другой – нарушало законодательные требования о процессуальных сроках. Распорядительные же заседания съезда, на которых решались организационные вопросы, могли проводиться и чаще одного раза в месяц. В северо-восточных уездах сложилась следующая практика: на судебные заседания старались прибыть участковые мировые судьи, для решения организационных вопросов достаточно было и почетных.

Материалы распорядительных заседаний съездов мировых судей являются ценнейшим источником об организационном, финансовом и материально-техническом обеспечении деятельности мировых судей. Так, журналы первых организационных заседаний съездов мировых судей содержат информацию о распределении территорий относительно участков судебно-мирового округа. Например, часть заседаний 1874 года была посвящена вопросу распределения территорий по судебным участкам Вологодского уезда ⁵. Съезд мировых судей остался недоволен распределением, предложенным уездным земским собранием, ходатайствовал о введении дополнительного участка мирового судьи (анализ последующей нагрузки мировых судей показал, что это было бы не лишним). Получив отказ от земского собрания, съезд настоял на более грамотном перераспределении населенных пунктов между участками.

Журналы первых распорядительных заседаний мировых судей нового созыва содержат информацию об избрании председателя съезда и непререкаемого члена, о распределении между судьями судебных участков, установлении очередности замещения отсутствующего мирового судьи, очередности посещения мирового съезда почетными судьями, размещения камер* участкового мирового судьи.

* «Камерой» в официальных документах именовалось помещение, в котором мировой судья принимал посетителей и проводил судебные заседания (прим. автора).

Анализ журналов съезда позволяет выявить проблемы материального обеспечения. Так, например, съезду мировых судей вологодского судебно-мирового округа выделены были комнаты в здании Дворянского собрания, а затем в здании уездной земской управы. Однако в марте 1877 г. на повестку распорядительного заседания съезда мировых судей был вынесен вопрос о необходимости выделения другого помещения, поскольку данное помещение не соответствует нормативным требованиям: тесно и неудобно ⁶.

Изучение журналов заседаний съезда позволяет делать выводы о недостаточном финансовом обеспечении мировых судей и съездов. В частности, в журналах отмечены ходатайства об увеличении ассигнований на канцелярские нужды, выписку законодательства, средств на дорожные расходы мировым судьями (особенно северо-восточных уездов).

Журналы заседаний съездов мировых судей являются одним из многих источников информации о практической деятельности почетных мировых судей. Как известно, почетный мировой судья не закреплялся за определенным участком округа, не имел присутственной камеры и не вел почти никакой документации. В научной литературе содержатся диаметрально противоположные оценки данного института. Одни исследователи считают, что почетные мировые судьи были призваны улучшить деятельность мировой юстиции: в судебную систему привлекались грамотные, достойные, уважаемые люди, которые безвозмездно исполняли свои миротворческие обязанности ⁷. Другие, напротив, утверждают о практической бесполезности данного института ⁸. Третьи указывают на то, что в институте почетных мировых судей была вынужденная «техническая» необходимость ввиду нехватки кадров для мировой юстиции и загруженности судей ⁹. Не вдаваясь подробно в анализ спора, отметим, что по замыслу законодателя, почетные мировые судьи должны были выполнять следующие функции: вести разбор дел при обращении к ним сторон (теоретически разгружая тем самым мирового судью); заменять заболевшего или ушедшего в отпуск участкового мирового судью; участвовать в заседании съезда; исполнять при избрании должности председателя, неперменного члена съезда, а также могли участвовать в освидетельствовании лиц, быть попечителями по надзору за осужденными по приговорам мировых судей и прочее (опять же освобождая от выполнения данных функций участковых мировых судей).

На практике же оказалось, что вышеназванное значение почетного мирового судьи сохранилось лишь на бумаге. Архивные документы не содержат сведений об обращении сторон к почетным судьям и разрешении ими дел без передачи их съездам. Даже свои «технические» функции почетные мировые судьи выполняли неохотно либо вовсе не выполняли.

Так, например, в Вологодском уезде первоначально в качестве председателя съезда мировых судей и неперменного члена были избраны почетные мировые судьи Д. М. Волоцкий и Н. Ф. Андреев соответственно. Уже два месяца спустя Д. М. Волоцкий просил освободить его от выполнения функций председателя съезда, председательство поручено было Н. Ф. Андрееву¹⁰. Другой пример: почетный мировой судья вологодского судебно-мирового округа Х. С. Леденцов, кстати, состоятельный купец, меценат и общественный деятель, был назначен в очередь для замещения должностей участковых мировых судей первого и второго судебных участков (камеры располагались в Вологде) на тот случай, если участковый мировой судья заболит, отбудет в отпуск, а второй по уважительным причинам его заместить не сможет. Ситуация сложная, но, как показывает анализ дальнейшей деятельности, крайне редкая, тем не менее Х. С. Леденцов просил освободить его от данной обязанности, поскольку его торговые дела требуют частых отлучек из города, но от должности почетного мирового судьи он все-таки не отказывался¹¹. Анализ журналов заседаний съезда мировых судей позволил выявить практически единственный случай обращения сторон к почетному мировому судье А. А. Брянчанинову, от рассмотрения которого тот отказался в связи с необходимостью отъезда¹².

Съезды мировых судей, руководствуясь законодательством, пытались установить очередность участия почетных мировых судей в заседаниях съезда. Однако, как показывает анализ журналов, эта практика не была успешной, почетные мировые судьи в юго-западных уездах по-прежнему достаточно редко посещали заседания. Вместе с тем по журналам заседаний съезда можно восстановить такие исключительные случаи успешной деятельности почетных мировых судей. Например, отставной штабс-капитан, почетный мировой судья Н. Ф. Андреев несколько лет совмещал обязанности председателя съезда мировых судей и неперменного члена. Анализ архивных данных по северо-восточным уездам показывает, что почетные мировые судьи (в основном, местное купечество, чиновничество) вполне охотно участвовали в заседаниях съезда. Примечательна и деятельность В. Н. Саблина, отставного подпоручика, проработавшего в качестве участкового мирового судьи с 1873 по 1886 год, в том числе несколько лет в качестве председателя съезда. В 1886 году В. Н. Саблин подал в отставку в связи с избранием на должность председателя Вологодской уездной земской управы, но в этом же году был избран почетным мировым судьей. Несмотря на занятость по основному месту службы В. Н. Саблин весьма активно участвовал в заседаниях съезда, исполнял его поручения и несколько раз рассматривал дела, пере-

даваемые ему от участковых мировых судей или по обращениям сторон. Все крайне редкие упоминания о рассмотрении дел почетным мировым судьей касаются в основном В. Н. Саблина.

Анализ журналов заседаний съезда позволяет сделать вывод и о наличии еще одной функции – урегулирование конфликтов с участием мировых судей. Так, в 1879 году съезд по требованию Правительствующего Сената рассматривал объяснения участкового мирового судьи А. А. Попова по поводу использования им неуместных выражений в переписке с председателем окружного суда из-за вознаграждения экспертов. Указанные объяснения вместе с собственной позицией по спору были представлены в Правительствующий Сенат ¹³. В Никольском съезде мировых судей в 1887 году рассматривалась жалоба на участкового мирового судью Синцова, содержащая обвинение в пьянстве, съезд встал на защиту судьи ¹⁴. Можно, таким образом, говорить о наличии неофициального органа надзора – товарищеского суда при съезде мировых судей.

Исследователи отмечают серьезные трудности в деятельности съездов: большой наплыв дел, неявка судей и срыв заседаний и проч. В итоге, в столичных городах съезды мировых судей фактически превратились не в периодичные, а в постоянно действующие органы, практически особые отделения окружных судов ¹⁵. Материалы по Вологодской губернии в целом свидетельствуют о более или менее успешной деятельности съездов мировых судей, за исключением, пожалуй, Вельского судебного-мирового округа. В 1880 – 1881 году в уезде не удалось полностью укомплектовать штат мировых судей: участковые были избраны, а почетные – нет. Уезд состоял из трех участков, соответственно, отсутствие одного из участковых судей делало невозможным заседание съезда (заседание съезда считалось открытым при присутствии не менее 3 судей). Почти год съезд не функционировал, дела накапливались. Земское собрание ходатайствовало о соединении двух судебного-мировых округов – Вельского и Тотемского – в один. Ходатайство было удовлетворено в конце 1882 года, что проблему в целом не решило: значительные расстояния, небольшое количество судебных участков, отсутствие добавочных судей и пассивность почетных значительно осложняли деятельность съездов мировых судей.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что материалы региональных архивов, прежде всего делопроизводственная документация мировых судей и их съездов, являются ценным и весьма информативным источником изучения деятельности мировой юстиции, позволяют оценить эффективность деятельности данного института, проблемы и трудности, проявившиеся в ходе реформирования судоустройства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наказ Вологодского судебно-мирового округа. Вологда: Тип. В.А. Гудкова-Белякова, 1877. 40 с.

² Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 228. Вологодский уездный съезд мировых судей. Ф. 229. Грязовецкий уездный съезд мировых судей. Ф. 695. Вельско-тотемский съезд мировых судей; МУ «Великоустюгский центральный архив». Ф. 421. Великоустюгский съезд мировых судей. Ф. 336. Съезд мировых судей Великоустюгско-сольвычегодского судебно-мирового округа. Ф. 92. Никольский уездный съезд мировых судей; ГААО. Ф. 900. Вельский мировой округ (съезд мир судей). Ф. 1194. Сольвычегодский уездный съезд мировых судей; ЦГА РК. Ф. 299. Усть-Сысольский уездный съезд мировых судей.

³ Отсутствуют журналы заседаний съезда за полгода 1874 г., январь-июль 1878 г., весь 1880 г., декабрь 1881 г., журналы судебных заседаний за 1884 г. Последнее заседание съезда проведено было 27 июня 1891 года.

⁴ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. 92. Оп. 1. Д. 31, 72.; Оп. 2. Д. 193, 192.

⁵ ГАВО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 133. Лл. 1 – 8 об, 38-39.

⁶ Там же. Д. 136. Лл. 3 – 4 об.

⁷ См.: Шатовкина Р.В. Организация и деятельность мировых судей в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11.

⁸ См.: Лонская С.Ф. Мировая юстиция в России. Монография. Калининград, 2000. С. 56 – 57.

⁹ См.: Каширский С.В. Становление и функционирование мировых судов в судебной системе России: Дисс. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2005. С. 54 – 55.

¹⁰ ГАВО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 131. Лл. 1, 2, 13 – 13 об.

¹¹ Там же. Л. 11 об.

¹² Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 149. – Л. 16.

¹³ Там же. Д. 50 – 52.

¹⁴ ВУЦА. Ф. 92. Оп. 2. Д. 62. Л. 13 – 14 об.

¹⁵ См.: Лонская С.В. Мировой суд в судебной системе пореформенной России// Правоведение. 1995. №3. С. 100.

*Т. А. Лебединская,
И. С. Козай*

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГАВО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ И ОБЩЕСТВЕННОГО БАНКА (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В современной исторической науке растет интерес к исследованию проблем социально-экономического развития России, ставятся новые задачи изучения городского управления, банковского дела в дореволю-

ционный период с привлечением архивных материалов. Городские думы дореволюционной России были созданы и работали на основе «Жалованной грамоты городам» (1785 г.), Городовых положений 1870, 1892 гг. и других. Они формировались на основе всесословности и выборности, получали право юридического лица, могли самостоятельно формировать бюджет, решать вопросы экономического и социального развития города, повышать благосостояние городского населения, хотя выполняли и государственные повинности (фискальные, полицейские и военные расходы, организация пожарного дела и т.д.). На городские думы возлагалось попечение о благоустройстве города, развитии промышленности, кредитного, биржевого дела, торговли, здравоохранения, народного образования, транспорта, благотворительности и т.д. В соответствии с «Жалованной грамотой городам» (1785 г.) разрешалось в пределах своих казенных сумм открывать городские общественные банки для выдачи ссуд жителям своих территорий на разные торговые дела, а также в случае какой-либо нужды. Первый в России такой банк был учрежден в Вологде.

Историю Вологодского городского управления, главным образом, отражают материалы Государственного архива Вологодской области, сосредоточенные в фондах 476 (Вологодская городская дума), 475 (Вологодская городская управа). Систематизированное изучение этих фондов дает возможность раскрыть многообразную деятельность городского самоуправления, в том числе финансово-экономическую. На примере фонда 486 (Вологодский городской общественный банк) рассмотрены документы, которые могут помочь в исследовании истории местного банка (1788 – 1919 гг.) и его участия совместно с местными органами власти в экономическом развитии города¹. Материалы банка можно сгруппировать следующим образом: документы органов управления (ежегодные отчеты банка, журналы заседаний правления, списки членов правления, протоколы заседаний думы и ревизионных комиссий); документы о клиентах банка и банковских операциях (сведения о владельцах промышленных и торговых заведений, ценных бумаг, драгоценных вещей, списки должников банка); хозяйственные материалы (сметы расходов на содержание и управление банком, переписка с губернским правлением, городской думой и управой, переписка между банками, «наряды» разных писем и поручений, например, «о сложении долга ввиду несостоятельности должников»); самая большая группа материалов – бухгалтерские документы (приходно-расходные материалы, текущие счета, лицевые счета, журналы на свидетельство сумм, кассовые книги, главные книги и другие).

Изучение архивных документов о деятельности городских общественных банков позволяет почерпнуть ценный опыт в таких важнейших областях, как развитие предпринимательства и пополнение городского бюджета. Городские власти (в январе 1875 г. банк перешел в ведение городской думы) были заинтересованы в том, чтобы банк оказывал содействие в развитии и поддержке местной промышленности, повышении благосостояния жителей города путем выдачи сравнительно дешевого кредита под залог недвижимости. Именно такие ссуды имели особую важность для горожан, которые не занимались торговлей и не имели другого обеспечения кроме собственной недвижимости.

Данные о финансовой стороне деятельности городской думы, особенно в первой половине XIX века, отрывочны. Более полное представление о бюджете города и его структуре можно получить при анализе генерального отчета Вологодской городской думы за 1853 год².

Доходы города складывались из следующих статей: с городских имуществ и оброчных статей (с выгонных и пастбищных земель, сенокосов, со зданий, принадлежащих городу: ярмарочного дома на Гостинодворской площади, лавок, деревянных балаганов; с разных городских заведений); с недвижимых имуществ (с объявленного капитала с купцов всех гильдий – 0,25%); с торгующих крестьян, мастеровых и ремесленников, мастеровых и рабочих на заводах, служителей трактирных заведений, извозчиков; сборы с заведений промышленности (гостиниц, ресторанов, кондитерских, погребов, лабазов, постоянных дворов, магазинов); косвенных налогов (с судов и барок, за подъем мостов, с судов, остающихся на зимовку, с контрактов и договоров, закладных, векселей, клеймения мер и весов, лотерей, аукционной продажи); вспомогательных доходов (с питейного откупа, от доходов городского общественного банка. Так, по Положению 1836 г. «О доходах и расходах г. Вологды» банк из своих доходов перечислял в городскую казну 285 руб. 72 коп. (1 тыс. ассигнациями); доходов мелочных и случайных (штрафы за нарушение правил по содержанию трактирных заведений, за бродящий по улицам скот, за неочистку домов и улиц, за напрасную тревогу пожарной команды, за невзнос в срок городских доходов); доходов чрезвычайных (взыскание недоимок, запись в городскую обывательскую книгу).

Городовые доходы в 1853 году составили немалую сумму в 53 521 руб. 78,5 копеек. Самые значительные доходы город получал «по отчислению суммы из городского остаточного капитала» – 32 760 руб. 58,5 копеек, с ярмарочного дома на Гостинодворской площади – 2 799 руб., с городских лавок – 1 194,5 рублей, с гостиниц и ресторанов – 1 610 руб.

Интересно, что от питейного откупа город получил всего лишь 85 руб. 71,5 коп, а от городского общественного банка, как указывалось выше, 285 руб. 72 коп.

Расходы в 1853 году распределялись следующим образом: содержание органов городского управления (думы, магистрата, сиротского и словесного судов, канцелярии уездного стряпчего, канцелярии депутатского собрания, сторожей, полицейских органов, пожарной части) – 6 372 руб. 79 коп.; содержание городских имуществ, содержание и наем помещений городских присутственных мест – 1 052 руб. 67 коп.; городское благоустройство (ремонт и содержание помещений, мостов, мостовых, бульваров, освещение города, очистка улиц, канав, домовых труб, земельных водопроводных труб, устройство береговых укреплений) – 2 644 руб. 47 коп.; содержание благотворительных, учебных и других полезных учреждений (богадельня, народное и приходское училища, приказ общественного призрения) – 385 руб. 73 коп.; расходы по военной части (покупка новых и ремонт тулупов для караульных гарнизонного батальона, ремонт и исправление конюшен жандармской части, гауптвахты, тюремного замка и пр.). Самой значительной статьёй расходов в 1853 году было построение трех каменных домов – 32 368 руб. 86 $\frac{3}{4}$ коп.

На 1854 год осталось средств: наличными – 8 674 руб. 71 $\frac{3}{4}$ коп., «обращающихся из процентов» – 45 260 руб. (в Санкт-Петербургском государственном Коммерческом банке – около 33 520 руб., в Вологодском приказе общественного призрения – 10 000 руб.), 4% доходными билетами государственного Коммерческого банка – 31 000 руб.; Вологодского приказа общественного призрения – 10 000 руб.³

В 1890 году городу помимо земли принадлежало недвижимое имущество: здания городских присутственных мест и городской управы, банка, ломбарда, городского полицейского управления, двух приходских училищ, мещанской и ремесленной управ, театр, каменный трехэтажный дом (там находились лавки и балаганы), 3 каменные богадельни (Немировская, Леденцовская, Общественная), каменный дом для бесплатного столования и ночлежного приюта, 3 каменных дома для полицейских частей, лавки, скотобойня, 10 полицейских будок, дом Успенского женского училища, 4 дома для воинских помещений, 60 разных мостов⁴.

Структура доходов в 1908 году выглядела так: оценочный сбор – 20 000 руб., сборы с торговли и промыслов – 29 203,60 руб., сборы с лошадей и собак – 2 460 руб., различные пошлины – 5 000 руб., с городских имуществ и оброчных статей – 50 265,68 руб., с городских сооружений и предприятий – 80 750 руб., возврат расходов – 71 209,30 руб., разные поступления – 800 руб. В целом доходы составили 259 688,58 руб.

Кроме того, пособие городу от городского банка из чистой прибыли 21 739 руб. составило 2 839 руб. Городское управление было заинтересовано в прибылях банка, так как согласно Положениям о городских общественных банках прибыль, за исключением отчисленной определенной части на пополнение собственного капитала и благотворительные цели, поступала в распоряжение города. Прибыли банка составляли проценты от операций по учету векселей, выдаче ссуд, проценты от ценных бумаг запасного капитала, доходы от продажи процентных бумаг, возврата списанных долгов по вексям, доходы от переходных сумм. Большую часть прибыли Банк получал от учета векселей (37%) и предоставления ссуд под залог недвижимости (15%). Часть прибыли по операциям шла на содержание правления, выдачу процентов по всем вкладам, текущим платежам, залог билетов, на покрытие протестованных векселей. Остальная сумма прибыли банка распределялась следующим образом: 10 % отчислялось в резервный капитал, 10 % – в основной, 20 % – на городские нужды, 60 % – на дела благотворительности.

Структура расходов в 1908 году сохранилась. Обращает на себя внимание уплата долгов (42 651,61 руб.) и дефицит – 71 995,77 руб.⁵ По Городовому положению сумма исчисленных по смете расходов должна была соответствовать доходам, но в реальности важнейшей проблемой городского управления по всей стране становится нехватка доходов. В Вологде дефицит устраняли, главным образом, сокращением расходов на благоустройство города и внешними ссудами. Однако заем не являлся доходом, что делало разработку бюджета незаконным, но без кредитов дума не могла решать необходимые проблемы (расходы на водопровод, электрическое освещение, телефонную сеть, строительство и ремонт городских сооружений и т.д.). Размер ссуд, взятых городом в общественном банке, постоянно увеличивался: 1908 г. – 80 000 руб., 1910 г. – 150 000 руб., 1911 г. – 186 500 руб., 1913 г. – 227 715 руб., 1914 г. – 235 398 руб., 1915 г. – 228 898 руб., 1916 г. – 232 898 руб., 1917 г. – 307 500 руб. (сравним, в 1901 г. – 42 000 руб.)⁶.

В 1913 году задолженность города составила 191 728,67 руб. (губернскому земству, городскому запасному капиталу, частным лицам, а также казенные и земские недоимки). Долг городскому общественному банку составил 36 464 руб. В годы войны финансовое положение города ухудшилось, были повышены тарифы на электроэнергию, воду, на вывозку нечистот, увеличены различные сборы⁷. По мнению городской управы «смету на 1915 г. невозможно удовлетворить за полным отсутствием свободных средств и массы неотложных городских нужд»⁸, а в 1916 году «город попал в безнадежную полосу мелких частичных займов, вносящих еще большее расстройство в жизнь города вместо ее регулирования»⁹.

Важнейшими в деятельности городских органов были вопросы благоустройства и благотворительности. Дума ежегодно выделяла средства на содержание городских богаделен и учебных заведений. За 1841 – 1878 гг. было получено городом пособие от банка 131 394 руб. серебром, а именно: на разные нужды города – 12 668 руб., на содержание богаделен – 62 304 руб., бедным гражданам – 19 517 руб., на учебные заведения – 24 498 руб., церквям и монастырям – 10 074 руб., на содержание членов сиротского суда – 2 330 руб.¹⁰ Например, в 1907 году из чистой прибыли банка на содержание городских училищ и субсидии казенным учебным заведениям было выделено 23 093 руб., богадельням – 1 150 руб.¹¹ Состоятельные купцы вкладывали деньги под проценты (вечные вклады) на благотворительные цели. В 1811 году основной капитал банка вырос на 7 500 руб., пожертвованных купцами Лаптевым, Колесовым и Филипповым; в 1836 году еще на 10 500 руб. (купец И. В. Шапошников); в 1864 году на 20 тыс. руб. (потомственный почетный гражданин купец В. И. Грудин)¹².

В начале XX в. для большей эффективности хозяйственного управления в думе действовали постоянные специальные комиссии: ревизионная (проверка состояния управы, городского общественного банка, ломбарда, богадельни), финансовая (разработка и доработка смет), дорожная (создана в 1873 г., постоянно действует с 1906 г.), благотворительная (1906 г.), для составления инвентаря городских имуществ (1905 г.), пожарная (заведование пожарными частями и безопасностью города), продовольственная, техническая, театральная, училищная и различные временные (дровяная, алкогольная и т.д.). Например, благотворительная комиссия думы занималась распределением благотворительных средств, в том числе от частных лиц, которые расходовались на цели, оговариваемые жертвователями. Частные пожертвования контролировались как местными, так и центральными органами. В годы первой мировой войны в 1915 году была создана продовольственная комиссия. Она заведовала снабжением населения предметами первой необходимости по низким ценам – мукой, фуражом, топливом, а также квартирами. Летом 1917 года городская управа приняла решение производить обыски в Вологде для обнаружения продовольственных запасов¹³.

Экономическая, хозяйственная деятельность была ключевой в компетенции городских органов самоуправления, в том числе и Вологодской думы. В пределах города дума была главным субъектом и организатором экономической жизни, помогая государству в решении все более усложнявшихся проблем городского населения. Оценивая деятельность Вологодского городского общественного банка можно сделать вывод об его исключительной пользе для города. Операции банка проводились сооб-

разно к интересам горожан, прежде всего среднего достатка. Кроме того, часть чистой прибыли банка, поступавшая в распоряжение городского общества, и возможность получения ссуды городом позволяли решать насущные проблемы. К тому же прибыли от благотворительных капиталов банка освобождали городское управление от дополнительных расходов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Когай И.С. К вопросу о финансово-экономической деятельности Вологодской городской думы в XVIII – первой половине XIX вв. // Актуальные проблемы экономики и управления: теория и практика. Материалы научной конференции (Вологда, 14 – 15 апреля 2005 г.). – Вологда, 2005. – С.119 – 128; Когай И.С. К вопросу о развитии городского самоуправления Вологодского края в XVIII – начале XX вв. // Европейский Север России: традиции и модернизационные процессы. Ч.1. Материалы научной конференции 2-3 марта 2006 г. – Вологда – Молочное. – 2006. – С. 96 – 102; Лебединская Т.А. Вологодский городской общественный банк и городская дума: проблемы взаимодействия (1788 – 1919 гг.) // Актуальные проблемы экономики и управления: теория и практика. Материалы научной конференции (Вологда, 14 – 15 апреля 2005 г.). – Вологда, 2005. – С.136 – 143; Лебединская Т.А. Вологодский городской общественный банк и городское общество (1788 – 1919 гг.) // Современный бизнес: процессы, перспективы, стратегии. Материалы международной научно-практической конференции. – Вологда, 2008. – С. 287 – 290.

² Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО), Ф. 476, Оп. 1, Д. 351, С. 40 – 132; Ф. 486. Оп. 1. Д. 215. Л. 22.

³ Там же, Л.108 об. – 110 об.

⁴ Отчет о деятельности Вологодской городской управы и о состоянии подведомственной оной частей за 1890 год. – Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1892. – С. 2 – 3.

⁵ ГАВО. Ф.476. Оп.1. Д. 561. Л. 222 – 228; Ф. 486. Оп.1. Д. 1141. Л. 42.

⁶ Вологодский городской общественный банк. Отчет о действиях за 1901 – 1917 гг.

⁷ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 584. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 2 (об).

⁹ Там же. Л. 200 (об).

¹⁰ Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. – Вологда: Легия, 2004. – С. 281.

¹¹ ГАВО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 854. Л. 50 об.

¹² Там же. Д. 215. Л. 17; Д. 1854. Л. 285; Д. 182. Л. 12; Д. 261. Л. 10

¹³ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 594. Л. 32.

МАТЕРИАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО УЧАСТКА ЗАВЕСЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ПРОТИВНИКАМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ РОССИИ. АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ 1918 ГОДА

Важную роль в реконструкции подлинной картины событий, происходивших в тот или иной период истории, играет введение в научный оборот новых документов. Именно такими свидетельствами, позволяющими более глубоко осмыслить события Гражданской войны на Севере России, являются материалы политического отдела Северо-Восточного участка завесы, сохранившиеся в Российском государственном военном архиве.

В исторической литературе традиционно преобладало мнение о том, что решающую роль в борьбе с так называемой «внутренней контрреволюцией» играли исключительно органы ВЧК. Между тем, в условиях противоборства непримиримых политических сил, происходившего как в центре, так и на местах в 1918 – 1920 гг., имели место случаи, когда на первый план в решении этих задач наряду с чекистскими органами выдвигались другие военно-политические структуры. Примером этого могут служить события в августе – сентябре 1918 года в г. Вологде и других городах северных губерний.

После антибольшевистского переворота и высадки войск интервентов в г. Архангельске перед советским руководством остро встала необходимость любыми средствами остановить продвижение противника вглубь территории страны. Для этого на основе директивы Высшего военного совета от 6 августа 1918 года началось создание войсковой группировки, получившей название Северо-Восточного участка отрядов завесы (далее – СВУ), командовал которой командированный в регион по распоряжению председателя Совнаркома В.И. Ленина видный деятель коммунистической партии Михаил Сергеевич Кедров. Важной составной частью решаемых им в тот период задач являлось обеспечение безопасности тыла действующей армии. В силу того, что М. С. Кедров не доверял местному партийному и советскому руководству, он возложил эти обязанности на подчиненный непосредственно ему политический отдел СВУ, возглавляемый Александром Владимировичем Эйдуком.

Как свидетельствуют документы, политотдел СВУ в тот период являлся органом, занимавшимся не столько партийно-политической работой в войсках, сколько борьбой со шпионажем и антисоветским подпольем. В условиях чрезвычайной обстановки он фактически взял на себя

организацию розыска, осуществление предварительного расследования преступлений, рассмотрение во внесудебном порядке материалов следственных дел и принятие по ним решений вплоть до применения высшей меры наказания (расстрела).

Подтверждения этого содержатся в фонде № 188 («Управление 6-й армии Северного фронта») Российского государственного военного архива, а также в фонде следственных дел архива Управления ФСБ России по Вологодской области.

Согласно сохранившимся в них материалам, заведующий политическим отделом СВУ А.В. Эйдук давал указания о розыске бывших офицеров, скрывшихся с мест постоянного проживания от регистрации и мобилизации. Об этом свидетельствует, в частности, относящаяся к августу 1918 года переписка с военным контролем в отношении задержания трех офицеров – братьев Кочиных, бежавших из Томашевской волости Кадниковского уезда. В ответ на распоряжение политотдела об организации их розыска и задержания начальник военного контроля запросил в политотделе описание внешности беглецов¹. В свою очередь 30 августа политотдел направил в местный уездный комиссариат по военным делам телеграмму с указанием сообщить их точные приметы².

Заведующим политотделом отдавались распоряжения о проведении дознания, обысков и арестов граждан, подозревавшихся в причастности к антисоветскому подполью. Ордера для производства этих действий выписывались на типовых машинописных бланках путем внесения в них данных в отношении подозреваемых лиц, заверялись подписью и печатью. Примером может служить ордер, выданный 26 августа следователю Тимофеевскому, командированному на 33-й разъезд Вятской линии Северной железной дороги для расследования «дела политического характера» о Бараевой, Карелином, Люблине и Демидовиче и производства их ареста. Местным властям предлагалось оказывать Тимофеевскому возможное содействие³. О результатах дознания он должен был доложить А. В. Эйдуку⁴. 30 августа заведующий политотделом подписал ордер, предписывавший следователю Данилевскому арестовать проживавшего в г. Вологде гражданина А. Ширикова и «произвести обыск, как личный, так и всех занимаемых им помещений»⁵.

В ряде случаев предписания о производстве арестов адресовались местным органам ВЧК. Так, 17 августа заведующий политотделом А. В. Эйдук направил в Вологодскую губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией распоряжение срочно задержать председателя местного эвакуационного пункта, заключив его под стражу «с содержанием за отделом»⁶. В ответ на подобные директивы Вологод-

* Так в документе.

ская губчека докладывала политотделу о мерах, принятых к розыску и задержанию лиц, подозревавшихся в совершении действий, направленных против советской власти ⁷.

В фонде Управления 6-й армии содержатся документы, раскрывающие историю применения противоборствовавшими сторонами на Северном фронте такого средства, как заложничество.

Первые аресты заложников, произведенные советскими властями на территории региона, относятся к августу 1918 года, т. е. сразу после высадки войск интервентов и антибольшевистского переворота в г. Архангельске. Свидетельством этого является переписка в отношении лиц, задержанных в г. Тотьме. В частности, 13 августа командующий Котласским районом направил командованию Вологодского тылового района телеграмму: «Арестованные заложники г. Тотьмы местные буржуа и офицеры ... из Устюга препровождаются ваше распоряжение просьба не выпускать в течение 2, 3 месяцев ⁸ дабы в городе водворить спокойствие точка» ⁹.

21 августа председатель Военно-полевого штаба в г. В. Устюге переслал в распоряжение Вологодской губернской ЧК вторую группу заложников, арестованных в г. Тотьме ¹⁰.

2 сентября А.В. Эйдук направил в Вологодскую губчека следующие указания: «Прилагая при сем два списка под № 1 и 2 на заложников ¹¹, препровожденных из В. Устюжской ¹² тюрьмы в местную каторжную тюрьму и числящихся содержанием за политическим отделом, прошу срочно распорядиться об отправлении лиц, перечисленных в 1-м списке, в распоряжение чрезследком ¹³ тов. Андреева, а помещенных в списке № 2 – в Котлас в распоряжение Архангельского Чрезвычайкома» ¹⁴.

К взятию заложников прибегали не только большевики. Согласно сообщениям белогвардейской прессы 13 августа Верховное управление Северной области передало по радио в Москву предупреждение в адрес Совнаркома, что «в случае применения репрессивных мер против уведенных большевистской властью деятелей, такая же мера постигнет немедленно и большевиков, арестованных в Архангельске и Мурмане» ¹⁵.

В ответ на подобные заявления принимались ответные меры.

30 августа заведующий политическим отделом СВУ А. В. Эйдук направил в распоряжение Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией С. Г. Луговского, задержанного на ст. Няндомы при попытке пробраться проселочной дорогой по направлению к г. Архангельску. При опросе он заявил, что лоялен к советской власти, является беспартийным, командирован в г. Москву в Центральный комитет Всероссийского союза работников водного транспорта. В результате личного досмотра у Луговского были найдены пропуск военно-морского контроля

на право проезда в г. Архангельск, мандат Беломорского областного комитета Союза работников водного транспорта, удостоверение секретаря Совета старшин Архангельского порта ¹⁶.

В сопроводительном письме в ВЧК А.В. Эйдук сообщал, что из попавших в руки командования СВУ газет, выходявших в «белой» Северной области, стало известно, что на судоремонтном заводе в Архангельске произведены аресты работников, поддерживавших советскую власть. В силу этого он предлагал рассматривать Луговского в качестве заложника, поскольку Совет старшин порта являлся организацией, стоявшей на антибольшевистских позициях. Высказывая свое мнение по данному вопросу, А. В. Эйдук писал: «...Архангельское правительство объявило, что все большевики являются заложниками, а потому считаю, что и нам не мешает заручиться влиятельными заложниками, каковым безусловно является гр. Луговской» ¹⁷.

Начиная с августа 1918 года политический отдел СВУ во внесудебном порядке выносил решения о применении высшей меры наказания. Так, 19 августа заведующий политотделом А. В. Эйдук в письме в Вологодскую губчека сообщал: «Препровождаю настоящую переписку по делу Колодкина с уведомлением, что по постановлению Политического Отдела Командующего он расстрелян» ¹⁸.

В конце августа – начале сентября военному командованию и органам ВЧК удалось раскрыть антисоветскую организацию, возглавляемую доктором В. П. Ковалевским и полковником М. А. Куроченковым, которая занималась переправкой бывших офицеров из Петрограда и других регионов страны на Север к англичанам. В ходе расследования, проведенного следователями политотдела, выяснилось, что заговорщики совместно с членами подпольной организации «Союз возрождения родины» готовили восстание в г. Вологде и других северных городах с тем, чтобы образовать единый фронт против советских войск от Мурманска до Сибири ¹⁹.

При ликвидации антисоветского заговора в тылу Северо-Восточного участка завесы применялись внесудебные репрессии. 9 сентября заведующий политическим отделом СВУ А.В. Эйдук препроводил во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию оконченные производством дела «контрреволюционного характера»: о бывших офицерах полковнике Куроченкове, капитане Геркене, подпоручике Добровольском, Дуваленском, Харченко, Белозерове, Сомминове; юнкерах Цейдлере и Михайлове; летчике Олленгрене; докторе Звереве; начальнике охраны 3-го участка Северо-Западной железной дороги фон Баумгартене; студенте Преображенском и Васьхове ²⁰. Перечисленные лица были расстреляны как участники белогвардейской организации ²¹.

12 сентября А.В. Эйдук направил в Следственную комиссию Революционного трибунала при ВЦИК дополнительные сведения о расстрелянных белогвардейцах из организации Куроченкова. Список казненных включал генерала Асташева, штабс-капитанов Бряткова и Савича, поручиков Степанова и Граура, барона фон Бурза, военного инженера Добровольского²². В последующем к ним был добавлен перечень из четырех человек, в число которых входили прапорщик Телестин, мичманы Телесницкий и Потоцкий, гардемарин Александров²³.

Решения о применении высшей меры наказания утверждали военно-политический комиссар СВУ Н. Н. Кузьмин²⁴, заведующий политическим отделом А.В. Эйдук и следователь Л. А. Плавнек²⁵. О расстрелах докладывалось лично командующему СВУ М. С. Кедрову²⁶.

Решительная деятельность А.В. Эйдука и его подчиненных позволила обеспечить безопасность тыла Северо-Восточного участка завесы, а затем – 6-й армии, образованной на его основе в соответствии с приказом РВСР от 11 сентября 1918 года.

В дальнейшем командующий Северо-Восточным участком завесы М.С. Кедров, заведующий политотделом А. В. Эйдук, следователь политотдела З.Б. Кацнельсон, а также прибывший на Север в составе Советской ревизии инспектор снабжения СВУ А. Фраучи (племянник М. С. Кедрова, получивший известность как Артур Христианович Артузов) стали «крупными», как говорили в те годы, чекистами. В декабре 1918 года Кедров был назначен заведующим Военным отделом, затем в январе 1919 года – начальником особого отдела ВЧК. Эйдук занимал должности заведующего следственной частью военного отдела ВЧК, заведующего секретно-оперативного отдела ВЧК, заведующего активной частью особого отдела ВЧК, председателя Центропланбежа НКВД РСФСР, входил в состав коллегии ВЧК. Кацнельсон являлся начальником Архангельской губчека и Особого отдела охраны северных границ Республики, полномочным представителем ВЧК в Северном крае, возглавлял оперативный отдел секретно-оперативного управления ВЧК, экономическое управление ГПУ-ОГПУ, полномочное представительство ОГПУ по Закавказью и Закавказскую ЧК. Артузов занимал должности начальника контрразведывательного отдела ГПУ-ОГПУ, начальника иностранного отдела ОГПУ. Впоследствии, в конце 30-х – начале 40-х годов, все они были расстреляны в ходе сталинских репрессий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 18. Л. 59.

² Там же. Л. 58.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 35.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Д. 19. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 18. Л. 11.

⁸ Сохранены орфография и пунктуация архивного документа.

⁹ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 18. Л. 83.

¹⁰ Там же. Л. 91.

¹¹ Речь шла о двух списках из 13 и 16 человек. См.: РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 18. Л. 92, 100.

¹² Так написано в тексте документа.

¹³ Имеется в виду Тотемская уездная ЧК.

¹⁴ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 18. Л. 88.

¹⁵ Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 27 октября. № 15. С. 4.

¹⁶ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 18. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Д. 19. Л. 18.

¹⁹ Архив УФСБ России по Вологодской области. Фонд следственных дел. П-10480. Контрольно-наблюдательное дело на Попова П.А. Л. 22.

²⁰ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 18. Л. 99.

²¹ Там же. Л. 99.

²² Там же. Д. 19. Л. 165.

²³ Там же. Л. 169.

²⁴ Кузьмин Николай Николаевич (1883 – 1939 гг.) – с сентября 1918 г. по апрель 1919 г., с декабря 1919 г. по апрель 1920 г. член РВС 6-й Армии. В 1920 – 1921 гг. член РВС, затем помощник командира Балтийского флота по политчасти. Делегат 10-го съезда РКП(б). За участие в подавлении Кронштадтского мятежа награжден орденом Красного Знамени. Член РВС Туркестанского фронта, затем на партийной и дипломатической работе.

²⁵ Плавнек Леонард Янович (1893 – 1938 гг.) – с сентября 1918 г. по февраль 1920 г. член коллегии, заместитель председателя и председатель военного трибунала 6-й армии Северного фронта. В дальнейшем председатель военного трибунала Северо-Кавказского и Московского военных округов

²⁶ Архив УФСБ России по Вологодской области. Фонд следственных дел. П-10480. Контрольно-наблюдательное дело на Попова П.А. Л. 20.

Т. А. Иванова

ПРИКАЗЫ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОРОДА ЧЕРЕПОВЦА

Открытие месторождений руды на Кольском полуострове и растущий дефицит металла в г. Ленинграде еще в 30-е гг. XX века поставили перед страной вопрос о строительстве металлургического заво-

да на Северо-Западе. Дело было за выбором места. Рассматривались самые разные варианты – от Воркуты до Кандалакши. Главная заслуга в том, что выбор пал на Череповец, принадлежит академику И. П. Бардину. Его «Материалы к вопросу об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР» стали отправной точкой в истории города. Окончательное решение было принято Сталиным и оформлено в Постановление Совнаркома под грифом «секретно» 20 июня 1940 года.

Первые полгода работы были использованы для создания инфраструктуры – строительства бараков, лесозавода, гаража, прокладки железнодорожной ветки и водопроводной линии. К сожалению, начавшаяся Великая Отечественная война отложила начало строительства на долгих восемь лет ¹.

Осенью 1948 года город узнал о предстоящей огромной стройке. 4 октября 1948 года было принято Постановление Совета Министров «О создании строительных организаций и о сроках строительства Череповецкого металлургического завода и его рудно-сырьевой базы», а 9 октября этого же года организован строительно-монтажный трест «Череповецметаллургстрой» ².

Историю Череповца невозможно рассматривать вне контекста истории предприятий, учреждений, организаций. Специфика предприятий и организаций нашего города неизбежно оказывала и оказывает влияние на его развитие. Многие вопросы жизни людей связаны с предприятиями, на которых они работают, поэтому жизнь рабочих и служащих становится как бы частью истории организации, а трудовые отношения нередко определяют взаимоотношения в быту.

Таким образом, цели настоящей работы – это, во-первых, обращение к социальной истории города, неразрывно связанной с людьми, их трудами и заботами, праздниками и бытом, к обычной жизни человека и общества; во-вторых, выявление информационных возможностей приказов по личному составу, созданных в организациях и учреждениях Череповца в начале 40-х – начале 50-х годов XX века.

В ходе исследования были проанализированы приказы по личному составу за 1940 – 1955 годы следующих архивных фондов ликвидированных организаций города Череповца: закрытое акционерное общество «Бытовые услуги», общество с ограниченной ответственностью производственно-коммерческая фирма «Обувь», узловая больница станции «Череповец» Северной железной дороги, муниципальное зрелищное предприятие киноцентр «Череповец», Череповецкий филиал Вологодского отделения управления торговли Ленинградского военного округа, открытое акционерное общество «Череповецметаллургстрой», строительные управления «Мартенстрой», «Коксохимстрой», «Доменстрой-1».

В фондах данных организаций выявлены приказы по личному составу с одинаковым по смыслу содержанием и сходной структурой. В констатирующей части приказов содержится обоснование распорядительных действий: сформулированы цели и задачи, стоящие перед организацией, описаны факты или события, послужившие причиной создания приказа, имеются сведения не только о трудовых отношениях, но и другая информация, которую условно можно разделить на следующие тематические группы: об отношениях людей в обществе, о жилищно-бытовых условиях, культурной жизни работников организаций и предприятий.

В начале 40-х годов главной рабочей силой на строительстве металлургического завода были заключенные, осужденные за прогулы, опоздания на работу, воровство с колхозных полей. Это соседство приносило свои особенности в жизнь города. В декабре 1940 года в президиум Череповецкого горисполкома поступил протест депутата от 42-го избирательного округа Л.С. Наседкина: «Сегодня, 04 декабря 1940 года, я узнал, что баня № 2 назначением для населения города занята для санобработки заключенных Череповецкого строительства НКВД СССР.

Этого допустить нельзя, т.к. мытье в бане заключенных может иметь последствия для населения – это в части вшивости, кожных заболеваний и всяких других инфекций». Протест Наседкина был отклонен³.

В то же самое время к разряду «дезорганизаторов» и «вредителей» мог быть отнесен любой житель города, вызывавший подозрение апатичностью или недовольством советской властью. На предприятиях велась проверка всех работающих. Всех «ненадежных, чуждых людей» увольняли⁴.

Борьба с «прогульщиками, летунами, дезорганизаторами производства» велась на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и от 10 августа 1940 года «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство»⁵.

На этих Указах основывались приказы дисциплинарного характера: «Мастер цеха во время обеденного перерыва напился и явился на работу в пьяном виде и не мог работать, а лежал и спал, как дезорганизатора производства передать в судебные органы для привлечения к ответственности»⁶, или «В целях охраны стройматериалов по объектам строительства от расхищения и прекращения уноса с работы строительства так называемые «шабашки» в виде дровяного отхода от работ строительства и

прекращение этого противозаконного явления и сохранения социалистической собственности приказываю: запретить всем рабочим брать какие-то ни было «шашки»⁷.

С 1948 года в город на строительство завода приезжали колхозники, рабочие, демобилизованные солдаты, отправленные на строительство по путевкам райкомов. Приказы по личному составу дают представление, в какие бытовые условия они попадали. Помещения и общежития, в которых размещали людей, не были подготовлены к зиме. В домах текли крыши, так, например, по ул. Заводской, д. 22, Панькинскому переулку, д. 9, ул. Заря Свободы, д. 128 и т. д.

Часть общежитий не регулярно обеспечивалась дровами, поэтому в комнатах было холодно, и «перебои в снабжении дровами общежитий не давали возможности проживающим готовить для себя утром и вечером пищу»⁸.

Поступали жалобы от рабочих, проживающих в общежитиях по ул. Чкалова, д. 23, Пригородной, д. 8, 10, 14, на отсутствие воды в выходные дни. В некоторых общежитиях рабочие на протяжении длительного времени пользовались неисправными умывальниками, «из-за неисправности имеющихся титанов и отсутствия новых титанов кипяченая вода в отдельных общежитиях отсутствовала, и рабочие вынуждены пить сырую воду»⁹.

В приказах отмечалось: «в некоторых домах нарушаются элементарные правила общежития, в ряде общежитий проживают семейные. Так, например, по ул. Металлистов, дом 6, кв. 4 с девушками проживает женщина с детьми и т.д.»¹⁰.

Много жалоб поступало от рабочих деревообрабатывающего комбината, строительных управлений «Промстрой-1», «Дорсантехстрой» на то, что руководители указанных организаций не бывают в общежитиях, даже не знают, где они находятся, не проводят там никакой работы, не интересуются бытом рабочих, а «имеющиеся красные уголки в ряде общежитий работают плохо, не оборудованы, отсутствуют газеты, крайне недостаточно в них игр (шахмат, шашек, домино), музыкальных инструментов. Политические лекции, доклады и беседы для молодежи читаются редко.

Молодежь, проживающая в отдельных общежитиях и комнатах, лишена возможности слушать радио. В комнате № 6 по ул. Западной, д. 7, в красном уголке дома по Панькинскому переулку и другим, несмотря на наличие проводки и репродукторов, радио не работает. Во всех вновь сданных в эксплуатацию домах отсутствует радио»¹¹.

Согласно Постановлению Совета Министров от 19 февраля 1949 года № 707 «О мероприятиях по улучшению трудового использования молодых рабочих, окончивших школы ФЗО и ремесленные училища» особое внимание уделялось производственному обучению молодых рабочих, к тому же, городу требовались квалифицированные рабочие кадры. В целях повышения производительности труда формировались комсомольско-молодежные бригады, учебным комбинатом была организована подготовка рабочих вторым смежным профессиям¹².

В то же время отмечалась большая текучесть рабочих кадров и низкий уровень трудовой дисциплины, которую объясняли, прежде всего, неудовлетворительными производственными условиями рабочих, плохой организацией производственного обучения, отсутствием повседневной борьбы с прогульщиками: «Особенно неудовлетворительно обстоит дело с использованием молодых рабочих в столярном цехе лесозавода, где молодые рабочие вследствие представляемых низко оплачиваемых работ, плохой организации труда, необеспеченности необходимым инструментом, отсутствия шефства со стороны опытных кадровых рабочих, бригадиров и мастеров, проявления отеческой заботы над молодыми рабочими, имеют крайне низкие заработки. В силу указанного в марте месяце 1951 года на лесозаводе самовольно покинуло производство 27 молодых рабочих»¹³.

В приказах по личному составу имеются тексты приговоров Народного суда, являющиеся составляющей частью приказа. Связаны приговоры были с нарушением трудовой дисциплины, но в них отражались трудные, голодные послевоенные годы. Например, в приказе начальника стройучастка 1 от 14 апреля 1949 года № 69 о приговорах Нарсуда 1 участка города Череповца по делу обвинения по статье 5 части 2 Указа от 26 июня 1940 года значится: «Материалами дела виновность суд нашел установленной, допустил нарушение трудовой дисциплины, а именно: 19 и 21 марта 1949 года не вышел на работу, ссылаясь на то, что благодаря задержке выплаты зарплаты за первую половину марта, до 22 марта он находился без денег и хлеба»¹⁴, или «ссылаясь на то, что не имел ни обуви, ни одежды, а также средств на их приобретение»¹⁵.

Несмотря на все трудности, тяжелые условия, производительность труда была высокой, план выполнялся в срок, бригады и рабочие принимали участие в социалистическом соревновании, показывали «образцы социалистического труда, хорошей организованности и слаженности в работе». Особенно ярко это звучит в приказах, изданных с целью поздравления рабочих с праздниками: 8 Марта – международным женским днем, 1 Мая – международным праздником трудящихся, 7 ноября – годовщиной Великой Октябрьской Социалистической Революции: «Вдохновенный

партий наш народ неустанно борется за новый мощный подъем хозяйства и культуры нашей Отчизны... За хорошую работу, за выполнение и перевыполнение плана и социалистических обязательств»¹⁶.

Таким образом, из документов по основной деятельности мы получаем определенные сведения экономико-статистического характера, а для того чтобы наполнить их примерами из жизни работников предприятия можно привлекать приказы по личному составу, в которых раскрываются жилищно-бытовые, социальные, культурные вопросы жизни людей.

Задача выявления информационных возможностей документов по личному составу, в частности приказов, особенно актуальна, т.к. документы по личному составу ликвидированных организаций, не являвшихся источниками комплектования нашего архива, в настоящее время приобретают значение чуть ли не единственных источников по истории этих организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мой город. 1940 – 2000. Книга-альбом./ Гл. ред. М.А. Королев. – Вологда, 2000. – С. 3.

² Там же. С. 11.

³ Труханович Т. Ю. Вопросы строительства Череповецкого металлургического комбината в документах местных органов власти.//Северсталь: История и современность. – Череповец, 2002. – С. 27.

⁴ Череповецкий центр хранения документации (далее – ЧЦХД). Ф. № р-674. Оп. 2. Д. 2. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Ф. № р-1076. Оп. 2. Д. 1. Л. 74.

⁸ Там же. Ф. № р-182. Оп. 8. Д. 72. Л. 80.

⁹ Там же. Л. 81.

¹⁰ Там же. Л. 522

¹¹ Там же. Л. 82.

¹² Там же. Д. 76. Л. 601.

¹³ Там же. Д. 72. Л. 514.

¹⁴ Там же. Ф. № р-1076. Оп. 2. Д. 1. Л. 86.

¹⁵ Там же. Л. 171.

¹⁶ Там же. Ф. №-р 684. Оп. 2. Д. 15. Лп. 48, 91, 280.

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА 1930 – 1960-х гг.

Документы органов социального обеспечения, в частности Вологодского областного отдела социального обеспечения (Ф. 2491 Государственного архива Вологодской области), содержат весьма ценную информацию по проблеме взаимоотношения государства и колхозного крестьянства в 1930 – 1960-х гг. и позволяют увидеть особенности и конкретизировать этапы развития системы социального обеспечения колхозников.

Система социального обеспечения членов колхозов прошла непростое развитие. В большинстве колхозов, возникших еще до начала массовой коллективизации, распределение денежных и натуральных доходов осуществлялось «по едокам», тем самым в какой-то степени учитывались потребности нетрудоспособных колхозников.

В начале 1930-х гг., когда в колхозах вводилась система индивидуальной сдельщины и велась борьба с уравнильным принципом распределения, изменился порядок в распределении денежных и натуральных доходов. Новый принцип распределения предполагал обязательное трудовое участие колхозников в общественном производстве, тем самым нетрудоспособные члены колхозов не могли рассчитывать на гарантированное получение денежных или натуральных выплат от колхоза. Однако забота о престарелых и нетрудоспособных была возложена государством непосредственно на колхозы. На протяжении 1930-х – первой половины 1960-х гг. единственными государственными актами по вопросам социального обеспечения колхозников являлись Примерный Устав сельхозартели 1935 г. и Примерный устав касс общественной взаимопомощи. Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 1 февраля 1932 года, члены колхозов могли создавать кассы общественной взаимопомощи для оказания помощи колхозникам в случаях инвалидности, старости, болезни, беременности и родов¹. Статья 11 Примерного Устава сельхозартели предусматривала создание в колхозах фондов материальной помощи инвалидам, старикам, временно потерявшим трудоспособность, нуждающимся семьям красноармейцев, на содержание детских яслей и сирот. Фонд помощи в колхозах создавался в размере не свыше 2% от валовой продукции, часть фонда постановлением общего собрания колхозников могла передаваться кассе общественной взаимопомощи². Тем не менее эти документы не определяли общего порядка, условий и норм материального обеспечения престарелых и нетрудоспособных членов колхоза.

Социальное обеспечение, включая пенсионное, не было гарантированным и напрямую зависело от экономического состояния конкретного колхоза.

Принципиально новый этап в развитии системы социального обеспечения колхозников наступил с принятием Верховным Советом СССР 15 июля 1964 года Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов³. Этот документ в масштабе всей страны установил единые принципы, условия и нормы пенсионного обеспечения колхозников.

В фондах органов социального обеспечения отложились разноплановые документы, позволяющие анализировать работу касс общественной взаимопомощи в колхозах и практику оказания помощи нуждающимся колхозникам.

Анализ отчетной документации органов социального обеспечения показал, что кассы общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) были созданы и работали далеко не во всех колхозах. Так, в докладе на совещании работников социального обеспечения Вологодской области отмечалось, что к началу 1945 года численность организованных КОВК составляла всего 37% к числу имевшихся в области колхозов, при этом из числа зарегистрированных касс многие не работали. В 1944 году, например, только 14% КОВК представили в областной отдел социального обеспечения отчеты о своей деятельности⁴.

Государство периодически предпринимало попытки активизировать работу касс общественной взаимопомощи в колхозах, нацелить их деятельность на оказание поддержки определенным категориям населения. В 1930-е гг., например, в связи с выходом постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской безнадзорности и беспризорности» под особым контролем со стороны органов социального обеспечения находилось положение и обеспечение детей-сирот, переданных на воспитание в семьи колхозников⁵.

С началом Великой Отечественной войны была предпринята попытка перестроить работу касс общественной взаимопомощи колхозников в связи с необходимостью оказания материальной поддержки семьям военнослужащих и семьям погибших на фронте, инвалидам Великой Отечественной войны. Тем не менее, по ряду объективных причин, включая тяжелое материальное положение многих колхозов и колхозных семей, упорядочить деятельность касс общественной взаимопомощи и колхозов по оказанию материальной поддержки нетрудоспособным не удалось ни в период войны, ни в первое послевоенное десятилетие. Нетрудоспособные получали помощь от колхозов от случая к случаю, как правило, в связи с «острой нуждаемостью», и в большей мере рассчитывали на доходы от своего личного хозяйства или на поддержку родственников.

Делопроизводственные документы органов социального обеспечения позволяют рассмотреть ситуацию в домах престарелых колхозников, содержание которых было возложено на колхозы и кассы общественной взаимопомощи. Колхозы могли совместно содержать дома престарелых колхозников, куда помещались, как правило, одинокие люди, за кем не было постоянного ухода. Например, в изучаемый период в Вологодской области имелось два дома престарелых колхозников: в 1940 – 1950-х гг. функционировал дом престарелых колхозников в Вожегодском районе, в 1941 – 1945 гг. – дом престарелых колхозников в Петриневском районе. Сведений о работе дома престарелых колхозников в Петриневском районе сохранилось крайне мало, известно, что в нем проживали 10 – 16 человек, и его закрытие было вызвано материальными причинами. Сохранившиеся документы о работе Вожегодского дома престарелых колхозников в основном представлены отчетными материалами и содержат разнообразную информацию: о численности проживающих, о штате работников, о материальных и бытовых условиях, о подсобном хозяйстве и т. д.

Материалы проверок, организованных областным отделом социального обеспечения, свидетельствуют о крайне неблагоприятном положении этого учреждения. Например, в документах отмечается, что жилые помещения находились в антисанитарном состоянии и требовали капитального ремонта, питание престарелых было однообразным и некачественным, обеспечиваемые остро нуждались в нательном и постельном белье и т. п. Большинство финансовых проблем дома престарелых колхозников объяснялось тем, что колхозы не переводили во время денежные средства на содержание престарелых колхозников⁶. Областной отдел социального обеспечения вынужден был периодически выделять материальные и денежные средства этому учреждению, подчеркивая при этом, что не следует «полностью принимать всё содержание дома престарелых [колхозников] на государственный счет, нужно здесь поработать с колхозами, иначе он потеряет свое лицо и превратится в обычный дом инвалидов»⁷.

Уже со второй половины 1950-х гг. многие колхозы устанавливали престарелым колхозникам и инвалидам постоянное пенсионное обеспечение путем ежемесячной выдачи им продуктов, денег или начисляли трудовые. Размер и порядок пенсионного обеспечения (пенсионный возраст, размер трудового стажа) определялись общим собранием членов колхоза или собрания уполномоченных. Тем не менее, пенсионное обеспечение колхозников не носило обязательного характера и было ограниченным.

Согласно Закону о колхозных пенсиях 1964 года, пенсию по старости получали колхозники, достигшие пенсионного возраста (мужчины – 65 лет, женщины – 60 лет) и выработавшие определенный трудовой стаж

(мужчины – не менее 25 лет, женщины – не менее 20 лет). Минимальный размер пенсии по старости составил 12 руб. в месяц, максимальный – 102 руб. (минимальный размер пенсии по старости рабочих и служащих на этот момент составлял 30 руб., максимальный – 120 руб. в месяц⁸). Колхозницы, родившие пять и более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, имели право на пенсию по старости по достижении 55 лет и при стаже работы не менее 15 лет. Минимальные размеры пенсии по инвалидности составили для инвалидов I группы 15 руб. в месяц, инвалидов II группы – 12 руб. в месяц, максимальные соответственно – 76 руб. 50 коп. и 51 руб. Минимальные размеры пенсии по случаю потери кормильца имели размеры от 9 до 15 руб. в месяц в зависимости от количества нетрудоспособных членов семьи. Законом предусматривалось, что колхозы, в которых выплачиваемые колхозникам пенсии превышали размер установленных государством в 1964 году, могли сохранить эти размеры пенсий, производя соответствующие доплаты за счет своих средств. Закон от 15 июля 1964 года также установил женщинам-колхозницам гарантированные денежные пособия по беременности и родам.

С введением единой пенсионной системы численность колхозников-пенсионеров значительно возросла. Например, в Вологодской области в 1964 году пенсии за счет колхозов получали 8424 человека, а на 1 апреля 1965 года численность колхозников-пенсионеров составила 62209 человек, т. е. возросла в 7,4 раза⁹. В 1965 году в области средний размер колхозной пенсии по старости равнялся 12 руб. 27 коп., т. е. практически совпадал с установленным минимумом, наивысший размер колхозной пенсии составил 43 руб. 84 коп., т. е. более чем в два раза был меньше утвержденного максимального размера колхозной пенсии¹⁰.

Одной из причин, затруднявших работу по назначению пенсий членам колхозов, явилось отсутствие в общественных хозяйствах надлежащего порядка в учете труда, а также в хранении документации. После вступления в силу Закона о пенсиях выяснилось, что во многих колхозах отсутствуют необходимые для назначения пенсии документы. В колхозе «Мосеево» Тотемского района, например, все документы до 1955 года были сданы в макулатуру; в колхозе «Заветы Ильича» документы хранились в подвале, отсырели, покрылись плесенью и некоторые из них пришли в полную негодность.

Большинство членов колхозов, достигших пенсионного возраста, вынуждены были подтверждать свой трудовой стаж по свидетельским показаниям, что требовало проведения массового опроса свидетелей. Отсутствие документов о зарплатке приводило к назначению минимального размера пенсии.

Таким образом, документы органов социального обеспечения подтверждают, что в период 1930 – 1960-х гг. система социального обеспечения колхозного крестьянства претерпела значительные изменения: если до середины 1960-х гг. попечение о стариках, нетрудоспособных и сиротах лежало исключительно на колхозе, при этом не носило обязательного характера, то с 1965 года определенную ответственность за социальное обеспечение колхозников взяло на себя государство. Введение единой системы социального обеспечения колхозников имело прогрессивное значение, так как способствовало выравниванию социально-правового статуса членов колхозов с другими социальными категориями работников наемного труда. В то же время «колхозное» пенсионное законодательство отличалось тем, что повышение пенсий колхозникам проводилось лишь после того, как повышались пенсии другим категориям населения, и размеры колхозных пенсий оставались самыми низкими в стране. Кроме того, вплоть до 1990-х гг., в деревне сохранялась двойная система пенсионного обеспечения, когда часть колхозников – председатели колхозов, специалисты и механизаторы получали более высокую государственную пенсию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917 – 1958. Т. 1. М., 1959. С. 211 – 212.

² Там же. С. 430.

³ Михалкевич В.К., Шедерова Г.С. Комментарий к законодательству о пенсиях и пособиях членам колхозов. М., 1987. С. 16 – 23.

⁴ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 2491. Оп. 2. Д. 20. Л. 70.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 700. Л. 6.

⁶ ГАВО. Ф. 2491. Оп. 2. Д. 67. Л. 1 – 5; 45 – 47.

⁷ Там же. Д. 20. Л. 122.

⁸ Астрахан Е.И. Развитие законодательства о пенсиях рабочих и служащих. М., 1971. С. 150; денежные суммы указаны в масштабах цен, введенных с 1 января 1961 г.

⁹ ГАВО. Ф. 2491. Оп. 4. Д. 230. Л. 87.

¹⁰ Там же. Д. 231. Л. 301.

Проблемы социальной и политической истории XX века

С. Н. Цветков

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВОЛОГОДСКОГО МОЛОЧНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА (1911 – 1939 гг.) К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ (ПО ДОКУМЕНТАМ КАУ ВО «ВОАНПИ»)

В этом году Вологодский молочный институт (ныне Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия им. Н.В. Верещагина) отмечает свой 100-летний юбилей. Наш молочный институт является одним из старейших высших учебных заведений страны, а в области молочного хозяйства – первым высшим заведением, положившим начало научной разработке вопросов молочного хозяйства и молочного скотоводства, теоретической и практической подготовке образованных специалистов.

За 100 лет своего существования он подготовил большое количество высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства. Достаточно сказать, что только за первые полвека своего существования институт выпустил более 2100 инженеров молочной промышленности, 1179 ученых-зоотехников, 361 ученого-агронома, 411 инженеров-механиков, 64 ветеринарных врачей. В 1961 году на 5 факультетах института обучался 2151 студент¹.

Специалистов, окончивших Вологодский молочный институт, можно встретить в каждом крае и области России и в странах ближнего зарубежья. Многие выпускники вуза стали крупными учеными, успешно трудятся в государственных структурах и общественных формированиях, возглавляют сельскохозяйственные предприятия.

Но мало кто знает, как создавался молочный институт. Почему для его строительства было выбрано место в окрестностях Вологды? Вероятно не только потому, что это живописное и красивое место находится всего в 16 километрах от областного центра.

Организация молочно-хозяйственного института в Вологде не была случайной. Районы, прилегающие к губернскому центру, являлись исторически сложившимися территориями промышленного маслоделия. Самые первые в России молочные предприятия были организованы в помещичьих усадьбах вблизи Вологды, Грязовца, Чесбары. Первые кооперативные молочные заводы в России также были организованы в районе Вологды и Грязовца. Еще в дореволюционное время вологодское масло имело заслуженную славу не только в нашей стране, но и за границей, на мировых масляных рынках.

В создании Вологодского молочного института, большая роль принадлежит видному ученому, крупному специалисту в молочном деле, ученику и соратнику Николая Васильевича Верещагина, доктору сельскохозяйственных наук, профессору, заслуженному деятелю науки Аветису Айрапетовичу Колонтар. Именно он в 1889 году предложил проект создания молочно-хозяйственного института и обосновал место для устройства его в Вологодской губернии, как центра маслоделия и скотоводства.

А еще раньше, в 1882 году, он вместе с основоположником молочного дела в России, инициатором артельного маслоделия, открывшего в 1871 году первую молочно-хозяйственную школу (с. Единоново, Тверская губерния) Н. В. Верещагиным, открыл первую лабораторию.

3 июня 1911 года был принят Закон об учреждении Вологодского молочно-хозяйственного института. В том же году Департаментом Земледелия России было куплено имение «Фоминское», принадлежавшее датчанам Буман, в котором 40 лет существовала практическая школа мастеров маслоделия. На базе этого имения и началось строительство института. Сооружение основных зданий началось в 1912 году. Окончательно институт был достроен (в первоначальном плане) к концу 1916 года. Но свою научную деятельность Вологодский молочно-хозяйственный институт начал уже с 1912 – 1913 учебного года. Как высшее учебное заведение он стал функционировать с 1919 года ².

Период существования Вологодского молочно-хозяйственного института с 1919 по 1932 год был периодом расцвета науки в области молочного хозяйства. В эти годы в институте закладывались основы отечественной науки в области молочного дела. Институт являлся общепризнанным центром научной мысли в данной отрасли.

В этот период времени в молочном институте работала блестящая плеяда крупных ученых, таких, как профессор А. А. Колонтар. Он не только стоял у истоков образования молочного института, но и работал в нем. В 1919 – 1922 гг. он заведовал опытной станцией техники переработки молока, а затем работал заведующим кафедрой организации молочного дела.

В 1930 году по приглашению Совнаркома и Наркомзема Армянской ССР А.А. Колонтар переехал на свою малую родину – в Армению. Там он основал кафедру молочного дела и возглавил в республике научно-исследовательскую работу по молочному делу. Ему присвоено звание «Герой труда Армении»³.

В Вологодском молочно-хозяйственном институте работал академик С.С. Перов. Сергей Степанович Перов родился 23 августа 1889 года в Великом Устюге в семье служащего. В 1913 году окончил Петербургский университет. С 1914 года жил в Вологде, работал лаборантом в молочно-хозяйственном институте. Он был еще и поэтом, в Вологде вышел ряд его поэтических сборников. С.С. Перов занимался в Вологде организацией типографского дела, принимал активное участие в создании губернской библиотеки и краеведческого музея. В 1919 – 1921 гг. возглавлял местное отделение Госиздата. Был делегатом X съезда ВКП(б). В 1921 году был переведен в Москву для работы в Народном Комиссариате Земледелия. Занимал должность заместителя директора Тимирязевского НИИ. В 1929 году создал и возглавил лабораторию по изучению белка и белкового обмена в организме. В 1921 – 1936 гг. и с 1956 года работал профессором Вологодского молочно-хозяйственного института. С 1935 года – академик ВАСХНИЛ. В 1949 году стал лауреатом Государственной (Сталинской премии). Умер С. С. Перов в 1967 году⁴.

В институте также вели преподавание академики Е. Ф. Пискун, Щенников, профессора М. А. Жигунов, Г. С. Инихов, С. А. Королев и др. Именно в этот период времени Вологодский молочно-хозяйственный институт дал стране сотни научных работ, заложивших основу существующей науки в молочной промышленности. Были разработаны методики химического и бактериологического исследования молока и молочных продуктов, производства масла, сыров и других молочных продуктов, разработаны теоретические вопросы созревания разных сортов сыра, хранения масла, прочности молочных консервов, методы борьбы с кишечно-желудочными заболеваниями животных⁵. Все эти и многие другие научные разработки, выполненные в молочном институте, являются классическими работами, они не утратили своего значения и в настоящее время. Без них немыслима работа ни одной заводской лаборатории.

Молочный институт имел хорошую производственную базу. В учебном хозяйстве «Молочное» было 706,6 га земли, в том числе – 483,7 га пашни, 51 га занимало опытное поле для научных работ и прохождения практических занятий со студентами. В учебном хозяйстве имелся племенной скот: красногорбатские коровы, русско-американские рысаки, чистопородные английские свиноматки⁶.

Позднее, в 1959 году, Министерством сельского хозяйства РСФСР на базе учхоза «Молочное» был создан государственный племенной завод по развитию крупного рогатого скота черно-пестрой породы. С 1961 года учхозам Молочного института придана еще одна важная функция – производство сортовых семян для колхозов и совхозов нашей области.

При институте имелась прекрасная специализированная библиотека, насчитывающая до 120 тысяч томов книг по вопросам технологии молока и смежным дисциплинам ⁷.

Положение института резко изменилось в 1932 году, когда он был передан в ведение Наркомата совхозов СССР и реорганизован в сельскохозяйственный институт. Этот Наркомат, не будучи заинтересован в выпуске специалистов для молочной промышленности, взял основной упор на развитие вновь организованных зоотехнического и агрономического факультетов. Факультет технологии молока оказался в тяжелых условиях, препятствующих его дальнейшему развитию. На содержание факультета выделялись ничтожные суммы средств, не позволяющие приобретать современное оборудование. Наркомат совхозов не имел в своей системе предприятий молочной промышленности, где бы студенты могли проходить практику. Кафедры и лаборатории технологического факультета были стеснены, сжаты, на их базе организованы новые кафедры агрофака и зоофака. А учебные помещения института остались теми же, какие имел раньше однофакультетный молочный институт. Из Наркомата совхозов стали раздаваться голоса, что факультет технологии молока будет совсем ликвидирован. Это создало нервную обстановку среди преподавательского состава и студентов. Из плана набора студентов на 1939 год технологический факультет был исключен ⁸.

Создавшееся положение привело к тому, что ранее работавшие в молочно-хозяйственном институте крупные специалисты были вынуждены оставить работу в институте и перейти во вновь организовавшийся институт молочной промышленности в Москве (затем он был ликвидирован) и в Пушкинский сельскохозяйственный институт Ленинградской области.

Следует сказать, что институт на свое развитие получал средств из государственного бюджета явно недостаточно. Так, в 1938 году из 147 тысяч рублей, необходимых для развития института, было выделено только 60 тысяч рублей ⁹. Несмотря на то, что ряд зданий института были построены в 1913 году, многие из них пришли в ветхость и требовали ремонта. Кафедры анатомии и физиологии животных, кормления, зоогигиены и ветеринарии, механизации животноводства были оборудованы слабо.

На первое сентября 1938 года в институте обучалось 600 студентов, комсомольская организация насчитывала 324 человека. В студенческих общежитиях не хватало матрацев, подушек. Не случайно Вологодский обком партии в своём письме от 16 июля 1939 года в ЦК ВКП (б) и Наркомат мясомолочной промышленности СССР просил выделить институту средства на строительство клуба, общежитий и дома для специалистов, а так же на оборудование кафедр ¹⁰.

Не могли согласиться с создавшейся ситуацией руководство института и профессорско-преподавательский состав. По этому вопросу, 2 февраля 1939 года в Вологодский обком ВКП(б) за подписью секретаря парткома института М. Лапшина, была направлена обстоятельная докладная записка. В ней, в частности, говорилось: «Объективные условия показывают, что Вологодский сельскохозяйственный институт должен быть реорганизован в технологический институт молочной промышленности.

В настоящее время для всей молочной, маслодельно-сыродельной и молочно-консервной промышленности инженерные кадры готовят лишь Ленинградский институт молочной промышленности в г. Пушкино с годовым выпуском до 150 человек и технологический факультет Вологодского СХИ с выпуском до 50 человек в год. Другие факультеты технологии молока, находившиеся в системе Наркомзема (Омск и Харьков), были ликвидированы 2 – 3 года тому назад. Между тем, молочная промышленность, насчитывающая до 6000 предприятий, десятки трестов, лабораторий, техникумов требует ежегодно выпуска несравненно большего количества специалистов, чем даёт Ленинградский институт.

Вся история Вологодского института, его местонахождение в центре наиболее развитой области молочного производства определенно говорят о необходимости восстановления этого института в институт молочной промышленности» ¹¹.

Положительного ответа не последовало. Правда, 9 мая 1939 года решением СНК СССР Вологодский сельхозинститут был выведен из подчинения Наркомата совхозов СССР и передан Наркомату мясомолочной промышленности СССР ¹².

Бурно развивающемуся сельскому хозяйству страны требовалось большое количество специалистов высшей квалификации, а их в колхозах, совхозах явно не хватало. Именно этими обстоятельствами и было продиктовано решение о преобразовании Вологодского молочно-хозяйственного института в многопрофильный сельскохозяйственный ВУЗ.

В 1930 году в институте был организован зоотехнический факультет для подготовки ученых-зоотехников, а с осени 1931 года – факультет кормодобывания. В 1935 году – ветеринарный факультет. В 1959 году от-

крыт факультет механизации и заочный факультет¹³. На наш взгляд это решение было правильное и от этого выиграла, прежде всего, наша, Вологодская область.

Свой 100-летний юбилей коллектив профессорско-преподавательского состава и студенты Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии им. Н.В. Верещагина встречают новыми успехами, и верится, что у академии большое будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вологодский район. Факты. События. Люди. Вологда. 1999. С. 35;

² Казенное архивное учреждение Вологодской области «Вологодский областной архив новейшей политической истории» (далее - ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 2. Д. 206. Л. 30;

³ Вологодская энциклопедия. Вологда. 2006. С. 234;

⁴ Там же. С. 379;

⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 206. Л. 30;

⁶ Там же. Д. 180. Лл. 19, 20;

⁷ Там же. Д. 206. Л. 31;

⁸ Там же. Л.33;

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 180. Л.21;

¹⁰ Там же. Л.25;

¹¹ Там же. Д. 206. Л. 33;

¹² Там же. Д. 180. Л. 19;

¹³ г. «Красный Север», 9 июля 1961 г.

А. Б. Першина

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. В. ВЕРЕЩАГИНА. К 100-ЛЕТИЮ ВОЛОГОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОЧНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИМ. Н. В. ВЕРЕЩАГИНА

В июне 2011 года исполнилось 100 лет Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии имени Николая Васильевича Верещагина, который является организатором молочного дела, автором технологии изготовления вологодского масла.

В фондах Государственного архива Вологодской области (Ф.14 – Вологодское губернское присутствие, Ф.18 – Канцелярия вологодского губернатора, Ф.34 – Вологодская губернская земская управа, Ф.947 – Череповецкий городской общественный банк и Ф.469 – Вологодская духовная консистория) отложился ряд документов о жизни и деятельности

Н. В. Верещагина. Прежде всего, это переписка Верещагина с местными органами власти, кредитными организациями, официальными и частными лицами (письма, прошения, уведомления, телеграммы), а также метрическая запись о его смерти. Некоторые из числа исследованных документов вводятся в научный оборот впервые.

Один из ранних документов – прошение отставного лейтенанта Н. В. Верещагина, поданное вологодскому губернатору Л. И. Черкасову, от 29 февраля 1880 года, в котором говорится: «Имею честь, покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне производство сливочного масла на заводах, при деревнях Спасском и Нефедове Грязовецкого уезда Жерноковской волости...»¹. Судя по документам, разрешение на производство и изготовление масла Верещагин получил, положив таким образом начало развитию маслоделия на территории Вологодской губернии.

Особое место в деятельности Николая Васильевича занимала реализация идеи создания передвижных маслоделен. Именно в них он видел доступный и наглядный способ ознакомления крестьян с новыми технологиями, для чего не жалел ни времени, ни денег. В письме председателю губземуправы от 14 марта 1886 года Верещагин напоминал об обещании собрать знатоков молочного дела для обсуждения вопросов об открытии сельскохозяйственной выставки, а также о передвижной маслодельне². В том же году департамент земледелия и сельской промышленности направил в Вологодскую губернию одну передвижную маслодельню, передав её в ведение губернской земской управы. Руководство передвижными маслодельнями, в том числе и вологодской, в техническом отношении было поручено Н. В. Верещагину³.

Николай Васильевич был идейным вдохновителем и всячески способствовал созданию первой артельной маслодельни в Вологодском уезде. 25 июня 1886 года Верещагин, обращаясь в губземуправу, писал: «На основании постановления Вологодского губернского земского собрания от 10 февраля сего года имею честь ... просить губернскую управу отпустить ассигнованную собранием тысячу рублей на требования руководителя передвижной маслодельни Сергея Косарева на покупку молока для маслодельни, затем если значимость передвижной маслодельни будет одобрена местным населением, то согласно мысли директора департамента г. Малютина, я предполагаю на эту сумму устроить первую артельную маслодельню в Вологодском уезде. Для такой маслодельни департамент обещал дать дарового мастера маслодела на первый год»⁴. В итоге запрашиваемая сумма на покупку молока для маслодельни вологодским земством была выделена.

Через три года, подводя итог работе первой уездной маслодельни, гласный Н. Я. Маслеников на заседании Вологодского уездного земского собрания заявил, что одна из её целей, а именно, ознакомление местных жителей с новшествами в технике маслоделия, была достигнута. Сепараторы, с помощью которых производилось отделение сливок от молока, сразу обратили на себя внимание помещиков Вологодского и Грязовецкого уездов и многими из них были приобретены⁵. Однако губернское земство пришло к выводу, что для развития молочного хозяйства больше пользы будет от учреждения постоянных школ маслоделия, нежели от деятельности передвижных⁶.

По этому поводу Н. В. Верещагин в письме от 18 июня 1886 года, обращаясь к земцам, писал: «Прилагая при сем небольшое объяснение цели снаряжения ... передвижной маслодельни имею честь ... просить губернскую управу, если она найдет это полезным напечатать это объяснение для распространяя между жителями уезда добавив от себя где именно будет работать маслодельня.

Как только маслодельня пойдет в ход, я постараюсь приехать в начале июня и если управа найдет возможность, то переговорить... с маслоделами, о средствах к улучшению молочного дела и сообщу свои соображения...»⁷.

В письме от 19 марта 1887 года Николай Васильевич благодарил губземуправу за лестную оценку его деятельности по продвижению маслодельного дела в губернии и напоминал об обещанном пособии для организации выставки, которая открылась в следующем, 1888 году, в Вологде⁸.

В отделе молочных продуктов было выставлено 112 экспонатов, из которых 83 составляло масло. Большинство представленной продукции было произведено в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском и Тотемском уездах. В отделе орудий, машин и посуды было выставлено 6 маслособоек. Большинство представленных предметов принадлежали мастерам г. Вологды и Вологодского уезда. В конце одного из павильонов для скота была установлена передвижная маслодельня Министерства государственных имуществ с конным приводом, на которой в присутствии посетителей перерабатывалось молоко, взятое от представленных на выставке коров. А вечером в зале дома дворянского собрания под руководством Н. В. Верещагина проводились беседы по вопросам развития сельского хозяйства⁹.

Привлекая способных людей, Верещагин помогал каждому сделать первые самостоятельные шаги в маслоделии, не стесняясь беспокоить «вышестоящее начальство». Обращаясь к председателю вологодской губземуправы в письме от 12 января 1888 года, Николай Васильевич пи-

сал: «... Вчера я получил письмо от Ильинского из Курьяково. Он пишет, что для полной ремонтровки завода ему понадобится, к полученным из управы ста рублям, еще такая же сумма. Поэтому, если управа найдет возможным, вместо просимых мною 50 р., выдать Курьяковской маслодельне еще сто р. кои Ильинский надеется выплатить в один год, то этим исполнит мою самую усердную просьбу»¹⁰.

Деятельность Верещагина не ограничивалась организацией артельного сыроварения и маслоделия. Он стремился дойти до основ – работал над выявлением высокопродуктивных коров из местных пород. 24 мая 1888 года Николай Васильевич обратился с просьбой в губземуправу об отпуске реактивов «для производства анализов молока с целью выяснения достоинств местного молочного скота»¹¹. Проблема заключалась в том, что местные породы коров считались не перспективными как в мясном, так и в молочном направлениях животноводства.

Испытания были проведены успешно. Труднее всего, оказалось, победить грязь и жульничество. Так, с грязью и неряшливостью в сыроварении боролись с помощью замены традиционной деревянной и глиняной посуды на луженую, а так же настойчивыми рекомендациями иностранцев соблюдать санитарно-гигиенические требования. С попытками разбавлять молоко стали бороться с помощью надежных химических способов контроля¹².

Как председатель с 1889 года Комитета скотоводства при Московском обществе сельского хозяйства Верещагин ввел в практику проведение ежегодных выставок крестьянского скота. Для обеспечения успеха и повышения авторитета сельских презентаций русских молочных пород Верещагин приглашал губернаторов, титулованных знатоков и экспертов и сам принимал участие в мастер-классах.

В 1895 году губземуправа ходатайствовала перед губернатором о поощрении Николая Васильевича за достигнутые успехи в молочном деле. В докладе «О выражении благодарности Николаю Васильевичу Верещагину», который был зачитан перед вологодским земским собранием, отмечалось: «Губернской управе в нескольких докладах приходилось упоминать о чрезвычайно важном значении для наших сельских хозяйев статьи молочного дела. Не будь этой статьи многие хозяйства давно пришли бы в упадок...»¹³.

В качестве основных проблем местного сельского хозяйства в целом и молочного производства в частности выделялись: незначительный доход от продажи хлеба: содержание скота, прежде всего для получения удобрения, а не молока, из которого вырабатывалось дешевое русское топленое масло. Кроме того, имевший место дефицит квалифицированных специалистов приводил к завышению стоимости их труда. «...По про-

шествии нескольких лет, отмечалось в докладе, положение совершенно изменилось, в хозяйствах нашей губернии появился постоянный доход... Этим ... переворотом Вологодская губерния обязана Н. В. Верещагину. Он указал, что молочный скот, при производстве сливочного масла, может дать положительный доход, и позаботился об открытии рынков для нашего масла. Вопреки всеобщему мнению, он заявил, что наш северный неказистый скот, в отношении производства масла, гораздо выгоднее улучшенного – метизированного и на опыте доказал свою правоту...»¹⁴.

Николай Васильевич Верещагин создал в России новую отрасль народного хозяйства – маслоделие и сыроварение. Деятельность его имела не столько коммерческий, сколько общественный характер. Разработанные технологии Верещагин немедленно публиковал для всеобщего сведения, чтобы каждый мог внедрить их в своем хозяйстве. Патенты, авторские свидетельства, ученые степени ему были не нужны. Его помощники из тех, кто не испугался неудач первых лет, стали миллионерами, либо сделали ученую карьеру, либо поступили на государственную службу – ведь потребность в руководителях новой отрасли была велика. Верещагин же в конце жизни неоднократно закладывал свое родовое имение для оплаты очередных опытов и денежных обязательств¹⁵.

В 1896 году Николай Васильевич получил ссуду от Государственного дворянского земельного банка в размере 30 000 руб. на 66 лет и 6 месяцев под свое имение Пертовка Череповецкого уезда, оцененного в 40 000 руб. Заложив родовое имение, Верещагин вынужден был жить под чужой крышей. Несколько лет он вместе с семьей проживал в имении купца А. И. Баранова – Подолоино Клинского уезда Московской губернии¹⁶.

Грандиозный размах, сложность начатого дела и, зачастую, отсутствие помощи со стороны Министерства земледелия вынуждали Верещагина нарушать сроки возврата ссуд и превышать разрешенный ему кредит. Очень скоро это привело к увеличению долга почти в 2 раза.

Исследуя документы фонда Череповецкого городского общественного банка, можно представить то плачевное финансовое положение, в котором оказалась семья Верещагина в конце его жизни. В книге по залогу недвижимых имуществ Череповецкого городского общественного банка за 5 мая 1904 года под номером 9 указано обязательство на залог имения Николая Васильевича в сельце Макарьино Богословской волости Череповецкого уезда. Документы для получения ссуды были оформлены по доверенности на имя Ф. И. Кадобнова. Имение оценено в 5 100 руб., на руки выдано 2550 руб. сроком на 3 года, причем при выдаче ссуды было удержано 70 руб. 82 коп.¹⁷

Через два года Верещагин повторно обратился в правление того же банка с прошением выдать ссуду под залог недвижимого имения в сельце Макарьино, состоявшего из заливного луга и пахотной земли в 34 деся-

тины, которое было оценено в 8500 руб. Согласно постановлению банка просителю выдана ссуда в размере 4000 руб. сроком на три года и с уплатой процентов за полгода вперед ¹⁸.

2 марта 1907 года уже тяжело больной (это заметно даже по изменившемуся почерку) Николай Васильевич подписал заявление в Череповецкий городской общественный банк о продаже своему старшему сыну Кузьме Николаевичу заложенного в названном банке участка земли в сельце Макарьино в размере 34 десятин и о переводе залоговой суммы в 4000 рублей до срока погашения на имя покупателя, с просьбой уведомить о сделке старшего нотариуса Череповецкого окружного суда не позднее 7 марта 1907 года. С большой долей вероятности можно сказать, что это последний автограф нашего знаменитого земляка, сделанный за 11 дней до его кончины ¹⁹. По сведениям Череповецкого дома-музея Верещагиных, последний ранее известный автограф Николая Васильевича Верещагина датируется 1902 годом.

Также из документа следует, что Николай Васильевич писал его в пути. Проезжая по Николаевской железной дороге, видимо, в сопровождении членов своей семьи, он остановился на станции Березайка в доме Костылева. Туда для оформления купчей был приглашен нотариус села Бологое Валдайского уезда Александр Михайлович Савицкий, державший контору в доме князя Путятина ²⁰.

Согласно сообщению старшего нотариуса Череповецкого окружного суда купчая крепость от Николая Васильевича на его сына была «утверждена» 15 марта 1907 года, т. е. уже после его смерти ²¹. А 28 мая того же года Кузьма Николаевич перепродал заложенную землю своему дяде генерал-майору Александру Васильевичу Верещагину с переводом на него банковского долга в 3000 руб. ²²

Что же касается так называемого дела «о возмещении затрат Н. В. Верещагина», которое рассматривалось повторно уже по прошению его старшего сына в 1909 – 1910 гг., то из-за критических настроений некоторых членов Государственной Думы и заключения Министра финансов решение его затянулось. Позднее вдове Верещагина было назначено негласное пособие 3000 руб. в год, поскольку формально Татьяна Ивановна не имела права на пенсию за мужа ²³. Парадоксально, но организуя доходные предприятия и разрабатывая выгодные в коммерческом отношении схемы, сам Верещагин испытывал постоянную нужду в деньгах и жил на скромное жалование директора молочной школы.

Скончался Николай Васильевич согласно записи в метрической книге Любецкой церкви Череповецкого уезда 13 марта 1907 года в окружении своей семьи в имении Пертовка в возрасте 69 лет, причиной же смерти послужило воспаление легких. Погребение было совершено 16

марта на приходском кладбище, находившемся в селе Любец²⁴. Большой семейный дом до настоящего времени не сохранился, в 1941 году местность была затоплена Рыбинским водохранилищем.

Значение деятельности Н. В. Верещагина трудно переоценить. Благодаря его прямым и косвенным усилиям Россия к началу XX века вышла на 2-е место в мире по экспорту масла, а доход от его продажи давал государственной казне столько же прибыли, сколько все золотые прииски страны. Профессор А. А. Калантар не преувеличил, написав в некрологе на смерть Н. В. Верещагина, что подвижническая деятельность его «принесла лишь нравственное удовлетворение», материально же не дала ему «ничего, так как он не только ничего не получил от богатства, над созданием которого трудился всю жизнь, но умер без всяких средств...»²⁵.

И, тем не менее, Николай Васильевич Верещагин прожил счастливую жизнь человека, увлеченного своим великим делом, плодами которого мы пользуемся до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 3069. Л. 1.

² Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 490. Л. 5.

³ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2630. Лл. 1 – 7 об. (Сообщение председателя Вологодской губернской земской управы Вологодскому губернатору от 28.03.1889 г. о назначении в Вологодскую губернию передвижной маслодельни).

⁴ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 490. Л. 23.

⁵ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2630. Лл. 16 – 18.

⁶ Там же. Лл. 9 – 10 об.

⁷ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 490. Лл. 38 – 38 об.

⁸ Там же. Д. 529. Лл. 53 – 53 а.

⁹ Журналы Вологодского губернского земского собрания 1-ой очередной сессии VII трёхлетия. Вологда. 1899. С. 44 – 45. // Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда. 2004. С. 325.

¹⁰ ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 529. Лл. 186 – 186 об.

¹¹ Там же. Д. 569. Л. 67.

¹² Николай Верещагин. На благо России. Изд. Дом Вологжанин. 2009. С. 21.

¹³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2934. Лл. 2 об. – 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Верещагины «России славу умножая...» СПб. 2008. С. 33.

¹⁶ Николай Верещагин. На благо России. Изд. Дом Вологжанин. 2009. С. 26.

¹⁷ ГАВО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 37. Лл. 6 об. – 7.

¹⁸ Там же. Д. 103. Л. 26.

¹⁹ Там же. Д. 104. Лл. 209 – 209 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 104. Л. 210.

²² Там же. Л. 212.

²³ Николай Верещагин. На благо России. Изд. Дом Вологжанин. 2009. С. 46.

²⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 59. Д. 63. Лл. 346 об. – 347.

²⁵ Верещагины «России славу умножая...». СПб. 2008. С. 33.

А. В. Яньшин

**ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ СЕВЕРА
РОССИИ В 1918 г.: ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С США
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Среди различных аспектов истории российско-американских отношений, отразившихся в архивных документах Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО), особое внимание традиционно уделяется пребыванию в г. Вологде с 28 февраля по 25 июля 1918 г. дипломатических миссий ряда стран, в том числе посольства США. Примерно к этому же периоду относится комплекс документов, связанных с проблемой продовольственного снабжения в 1918 году Европейского Севера России, в том числе Вологодской губернии. Большинство использованных в работе документов до сих пор не были введены в научный оборот. Вместе с тем они освещают одну из первых попыток установления экономического сотрудничества между советской Россией и США.

Основная часть документов по данной проблеме отложилась в архивном фонде Вологодского губернского союза кооперативов «Северосоюз» (Ф. 140). Вологодский губернский союз кооперативов «Северосоюз» (далее – ВГСК «Северосоюз») был образован в 1916 году, а в 1918 году реорганизован. Из объединения отдельных кооперативов был создан союз районных кооперативных союзов. Его деятельность распространялась на территорию Вологодской губернии, объединяя потребительские, производственные и кредитные общества, основными целями которых были сбыт продукции сельского хозяйства и местной, в первую очередь, кустарной промышленности, и снабжение ею населения. Среди документов общего отдела «Северосоюза» имеются, как созданные в самом союзе кооперативов, так и исходящие от органов власти и организаций, с которыми «Северосоюз» вел переписку.

В 1918 году сложилась тяжелая ситуация с обеспечением продовольствием городского населения Вологодской губернии. Даже сотрудники дипломатических миссий США, Японии, Китая, Сиамы и Бразилии в период нахождения в Вологде обращались в Вологодский губернский отдел управления с просьбой о снабжении их продуктами питания за счет

средств городской продовольственной управы ¹. Для решения продовольственной проблемы региональные органы власти и кооперативные организации вступили в переговоры с дипломатическими представителями США и Великобритании. Наиболее ранним из выявленных документов по данной проблеме является протокол заседания Северо-Восточного областного съезда от 24 декабря 1917 года в Архангельске, в котором упоминается соглашение о поставках хлеба из США. Данное соглашение сорвалось из-за отсутствия валюты у местных советских органов ². Вопрос поставок американского хлеба поднимался и на последующих заседаниях 26 и 28 декабря ³.

Особый интерес вызывает письмо организационно-исполнительного бюро Северо-Восточного областного Съезда от 20 февраля 1918 года «Северосоюзу» о возобновлении переговоров по вопросу поставок продовольствия. Большая часть документа посвящена совещанию представителей бюро с американским, английским, французским и норвежским консулами, проходившем в Архангельске 3 февраля 1918 года. На данном совещании консулы США и Великобритании заявили, что уже сделали представления своим правительствам по вопросу установления товарообмена с Северным краем. Обязательным условием начала поставок союзники объявили «лояльность Северного края», то есть «гарантии, хотя бы относительные, что те товары, которые будут направлены из-за границы в Архангельск, пойдут действительно на удовлетворение местных потребностей, но отнюдь не обмена, к примеру с Германией». Совещание согласилось, что такой гарантией может быть поставка продовольствия в количестве (точный объем не был определен), какое может быть потреблено в Северном крае без создания излишков ⁴. Также было согласовано, что товарообмен будет носить натуральный, бартерный характер, что было обусловлено замораживанием счетов в иностранных банках и невозможностью получения кредитов после того как советская Россия отказалась от долговых обязательств прежних правительств ⁵. В завершение давалось распоряжение сообщить количество необходимого Вологодской губернии продовольствия (речь шла не только о хлебе) и количество товаров, которые она может поставить на рынок. При этом давался ориентировочный список товаров, способных заинтересовать иностранные правительства: продукция льноводства, лесные материалы, пенька, конский волос, кожи, шкуры и шерсть, кустарные изделия ⁶.

К этому же этапу переговоров о российско-американском товарообмене относится письмо U.S. Manufactures Export Corporation от 23 февраля 1918 года «Северосоюзу», в котором американские предприниматели выражали надежду на установление прочных торговых связей с Россией, давали характеристику своей роли в американской промышлен-

ности и просили сообщить, какие товары могут стать основой товарообмена ⁷. Протокол № 1 от 4 марта 1918 года объединенного совещания организационно-исполнительного бюро Северо-Восточного областного Съезда, обзор деятельности бюро и бюллетень № 1 (приложения к протоколу № 1 от 4 марта 1918 г.), постановления продовольственной секции Съезда представителей Северной области от 30 апреля 1918 года характеризуют деятельность региональных органов власти по получению продовольствия из США в течение весны 1918 года, а также содержат ценные сведения о благожелательной позиции американского правительства в отношении поставок ⁸.

Последний этап переговоров о получении продовольствия из США отразился в документах ВГСК «Северосоюз», преимущественно датированных июлем 1918 года, когда при союзе было создано Бюро (Комиссия) для получения хлеба из Америки. Журнал заседания Бюро (Комиссии) для получения хлеба из Америки от 16 июля 1918 года показывает, как изменилась ситуация по сравнению с февралем 1918 г. В выступлениях членов комиссии уже не идет речь о товарообмене с Великобританией, единственным партнером остались США. Кроме того, задачей комиссии объявлялся обмен на местные товары 20 тыс. тонн хлеба, а о поставках других товаров и даже других видов продовольствия больше не упоминалось. В то же время, еще лишь собираясь выяснить у американского консула цену на пшеницу, многие члены комиссии считали возможным наладить поставки и в большем объеме, полагая, что смогут расплатиться за них большими запасами льна в Вологодской и Архангельской губерниях. В целом, данный документ освещает ход обсуждения организационных вопросов поставок хлеба ⁹.

В докладе представителя Центрального Совета кооперативных союзов В.В. Шера, сделанном 16 июля 1918 года на заседании Бюро (Комиссии) для получения хлеба из Америки при «Северосоюзе», раскрывается история принятия решения о возможности снабжения Севера хлебом из США. Первоначально такая возможность была одобрена в мае 1918 года на совещании областных объединений кооперативов в Москве, после чего Центросоюз 29 мая обратился в американское генеральное консульство с письмом, в котором указывал объемы желательных поставок и перечень предлагаемых к обмену товаров. До начала июля консульство не давало четкого ответа, но 4 июля 1918 года посол Д.Р. Френсис, находившийся тогда в г. Вологде, объяснил, что несколько раз телеграфировал правительству США с предложением прислать хлеб и сделает это еще раз. Все это позволило В.В. Шеру выразить надежду на то, что пароходы с 20 тыс. тонн хлеба уже в пути. Условия американских дипломатов были теми же, что и полгода назад: 1) разрешение пароходам из США зайти

в Архангельск; 2) гарантия, что хлеб не достанется немцам. Последнее условие считалось выполнимым, только если распределение хлеба будет передано кооперативам, «как организации нейтральной»¹⁰. Это, как и большинство положений доклада В. В. Шера, свидетельствует о том, что кооперативные органы вели переговоры с ведома, но независимо от продовольственных органов советской власти. Помимо подробного освещения организационных вопросов, которые частично были затронуты выше, доклад содержит ценные статистические данные, отражающие обеспеченность хлебом северных губерний¹¹. Дополнительные сведения о переговорах по вопросу поставок хлеба, а также перечень предлагаемых к обмену товаров содержат справки, приложенные к журналу заседания от 16 июля 1918 года. Так, Вологодский союз кооперативов должен был предоставить для обмена кустарные изделия, лен, лес, пушнину и шетину, а Череповецкий союз кооперативов – лодочные гвозди, ивовую кору, грибы и сушеные ягоды¹².

Стремление кооперативов сохранить и закрепить свой приоритет в переговорах с США тем более примечательно, что государственные продовольственные органы также контактировали с американскими фирмами по поводу поставок продуктов и товаров первой необходимости. Так, в архиве имеется копия телеграммы Северной продовольственной управы в Вологодский губернский исполнительный комитет от 20 июля 1918 года. В телеграмме сообщалось о поступившем в управу предложении одной американской фирмы поставить в северные губернии 2 млн. пар обуви. Для дальнейших переговоров по этому вопросу с представителями США Северная продовольственная управа намеревалась командировать в Вологду сотрудника отдела заграничного ввоза¹³. Однако не обнаружено никаких свидетельств того, что эти переговоры в действительности были начаты. Равным образом, в документах местных продовольственных органов освещаются заготовки продуктов на территории губернии, но нет никаких сведений об участии губернской или уездных продовольственных управ в переговорах о поставках американского хлеба. В документах же кооперативных организаций о действиях продовольственных органов советской власти говорится мало, да и само вмешательство управ в поставки и распределение американского хлеба объявляется нежелательным.

Документы ВГСК «Северосоюз» содержат и другие сведения о попытках установить экономические связи с США. В частности, в совместном докладе от 14 апреля 1919 года экономического отдела «Северосоюза» и инструктора «Льноцентра» об организации заграничных агентур, в котором рассматривались различные аспекты создания торговых представительств на американском и английском рынках. В докладе был

дан подробный анализ мировой экономической конъюнктуры, а особое внимание уделено экономическому развитию США и Великобритании. Однако, примечательно, что при обзоре рынка сельскохозяйственной продукции даже не упоминались переговоры о закупках американского хлеба в 1918 году¹⁴.

Единственным архивным документом ГАВО, в котором упоминается об иностранных поставках продовольствия на Европейский Север России, является обзор событий на Мурмане, точно не датированный, сделанный организационно-исполнительным бюро Северо-Восточного областного Съезда не ранее 2 июля 1918 года (объявление Совнаркомом председателя Мурманского краевого Совета А. М. Юрьева вне закона) – не позднее 12 июля 1918 года (арест членов Центромур). В обзоре, наряду с изложением истории создания независимого от большевиков Мурманского краевого Совета и прибытия войск союзников (в том числе 1500 американских солдат), сообщается о получении краем продуктов из Англии и Америки¹⁵. Однако, в архиве не обнаружено документов, подтверждающих, что в 1918 году состоялись поставки продовольствия в Вологодскую, Череповецкую или Архангельскую губернии, либо каким-то образом раскрывающих, чем закончились переговоры об этом, но можно предположить, что поставки сорвались. В середине июля 1918 года кооперативы еще не получили хлеб, а уже 1 августа приказом народного комиссара М.С. Кедрова, «ввиду высадки английского десанта на Беломорском побережье и в целях предупреждения контрреволюционного выступления», г. Вологда, г. Котлас и р. Сухона, а также линии железных дорог от станции Вологда до Буя, Грязовца, Череповца и Архангельска, включительно, были объявлены на осадном положении. На территории Вологодской губернии был создан Вологодский тыловой район, контролируемый военными властями, а всех иностранных подданных следовало в течение суток выслать из района, объявленного на осадном положении¹⁶. Поставки продовольствия из США в Вологодскую, Череповецкую и Архангельскую губернии стали невозможны.

В настоящем обзоре рассмотрены архивные документы лишь по одному региональному аспекту истории российско-американских связей в 1918 г., но эти документы позволяют судить о новом этапе в развитии отношений между Россией и США. Суть его заключалась в том, что американским дипломатам приходилось налаживать сотрудничество в различных сферах с новыми социально-политическими силами внутри России. В ряде случаев эти контакты были успешными, но участие США в интервенции против советской России и отсутствие ее дипломатического признания осложнили дальнейшее сотрудничество. В целом, рассмо-

тренные документы в комплексе с документами российских центральных архивов и архивов США могут послужить основой для дальнейшего плодотворного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 585. Оп. 2. Д. 46. Л. 137.

² Там же. Ф. 140. Оп. 3. Д. 46. Л. 46.

³ Там же. Лл. 55 об, 57 об.

⁴ Там же. Д. 28. Л. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 11 об.

⁷ Там же. Д. 46. Л. 5.

⁸ Там же. Лл. 16 – 24, 28 – 28 об, 31 – 34.

⁹ Там же. Д. 34. Лл. 1 – 2.

¹⁰ Там же. Лл. 5, 6 – 6 об.

¹¹ Там же. Лл. 5 – 6.

¹² Там же. Лл. 10, 11.

¹³ Там же. Ф. 585. Оп. 2. Д. 45а. Л. 337.

¹⁴ Там же. Ф. 140. Оп. 3. Д. 104. Лл. 11 – 13 об.

¹⁵ Там же. Д. 46. Лл. 38 – 39.

¹⁶ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 24. Л. 128.

В. А. Саблин

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ В 1917–1922 ГОДАХ

Современная историография крестьянского вопроса периода Гражданской войны в России начала XX в., пережив, как и вся историческая наука, по выражению В. П. Булдакова, перестроечную моду на умозрительные новшества и игру в альтернативы, пытается возвыситься до концептуального осмысления проблем. Прежде всего, это касается кардинального пересмотра роли крестьянства в событиях 1917–1922 гг. Взамен несостоятельных посылок о пассивном объекте, ведомом классе, попутчике или «союзнике пролетариата» крестьянину возвращается его статус активного субъекта исторического процесса.

Под этим углом зрения В. П. Данилов и Т. Шанин оценивали роль крестьянства и крестьянской революции в социальных и экономических потрясениях 1902–1922 гг. в России. По их мнению все политические и социальные революции совершались на фоне крестьянской революции¹. Определенную лепту в разработку данной проблемы внесла региональ-

ная историография². Следует особо отметить выход в свет капитального историографического обзора новейших достижений в изучении революции и Гражданской войны, написанного В. И. Голдиным³.

Само понятие «крестьянской революции» сегодня также приобрело концептуальное оформление: выделяется ее начальная фаза «общинной революции», – войны крестьянства против всех – государства, помещиков, хуторян, города⁴, с конца 1918 г. – стадия аграрной (собственно крестьянской) революции⁵, которая постепенно трансформировалась в крестьянскую войну против большевистского режима⁶. Зарубежные исследователи склонны раздвигать хронологические рамки этой войны. А. Грациози пишет о Великой крестьянской войне в СССР, охватывающей период с 1917 по 1933 г., считая, однако, что она являлась всего лишь продолжением конфронтации между крестьянством Империи и Российским государством, эпизодом «Сорокалетней войны» 1912 – 1956 гг. – «величайшей европейской крестьянской войны современной эпохи, может быть даже, величайшей крестьянской войны в европейской истории»⁷.

Эвристическим моментом в отечественной историографии российской революции 1917 – 1922 гг. стало изучение ее глубинного смысла и отход ряда исследователей от традиционных критериев при анализе проблем Гражданской войны и изучение психологических факторов в объяснении «красной смуты»⁸.

Результаты крестьянской революции, в свою очередь, вызывают неоднозначные оценки: от победы деревни в войне с большевиками, заставившей тех ввести НЭП⁹, до безусловного проигрыша крестьянства¹⁰ или, в лучшем случае, бесплодных результатов. Последняя позиция активно отстаивается в работах американского историка М. Левина¹¹. Заслуживает внимания оценка событий с позиций теории катастрофического регресса, следствием которого стало, с одной стороны, усиление экономической роли государства, с другой, попятное движение деревни к практике натурального хозяйства.

Мировая война и кризис, порожденный ею, болезненно сказывались на экономике деревни. По мере распада государства в 1917 г. надежда на то, что центральная власть способна вывести страну из кризиса, постепенно угасала и крестьяне взяли в свои руки инициативу по решению всех проблем, стоявших перед ними: минимизации присутствия государства в деревне и перераспределении земли в соответствии с традициями «мирской» справедливости.

Принятые большевиками в течение осени 1917 – зимы 1918 г. основополагающие аграрные законы – Декрет о земле и Основной закон о социализации земли, несмотря на декларативный тон первого и эсеровское облачение второго, не затушевывали главного в их содержании – запре-

щения права частной земельной собственности и национализации земли¹². Вряд ли деревня тогда и после задумывалась о политико-правовой стороне национализации земли. Для нее гораздо важнее было осознание того, что власть не препятствует ее стремлению к разрешению вековой проблемы в крестьянских интересах. Поэтому тот же Декрет о земле был воспринят как некая санкция на самостоятельность действий в аграрном вопросе.

Инициатива в земельных делах постепенно переходила в руки возвращавшихся фронтовиков (только в сентябре 1917 – начале 1918 г. в северные деревни вернулось свыше 150 тысяч солдат), знакомых с популистскими призывами большевиков, много повидавших и желавших немедленно получить землю. В течение зимы 1917–1918 гг. деревня замкнулась в себе и готовилась к масштабному переделу земли.

Наметившееся с весны 1917 г. противостояние общинников и частных владельцев земли завершилось в течение этих лет полной победой идей уравнительности. Повсеместно был избран наиболее радикальный способ решения земельной проблемы – «черный передел»¹³, в результате которого полностью исчезли частновладельческие, купчие, арендованные земли, крестьянские расчистки и распашки. До 31 % крестьянских хуторов и отрубов Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний также пошли в общий раздел¹⁴. Передел сопровождался острыми конфликтами между крестьянами, отдельными селениями и волостями. (Исследователи достаточно точны в определении этого явления, когда пишут о «плебейской» жестокости этого взрыва, или о «неистовстве «черного передела»¹⁵). В 1918 г. ожесточенные столкновения происходили в ряде волостей Вытегорского, Грязовецкого, Никольского, Петрозаводского, Пудожского, Тотемского, Усть-Сысольского и Холмогорского уездов¹⁶. В Вельском уезде Вологодской губернии конфликты имели место в 12 волостях из 18, в Кадниковском – в 30 из 46 волостей¹⁷. Но так или иначе, в 1918–1920 гг. крестьянское сообщество вполне самостоятельно, в меру своего понимания справедливости и правды, пыталось решать земельные проблемы.

Начальным актом острейшего конфликта новой большевистской власти с крестьянством стала весна 1918 г. Причиной тому явилось решение о чрезвычайных методах изъятия хлеба из деревни и создания комитетов деревенской бедноты. Насильственное изъятие хлеба из деревни во второй половине 1918 г. менее всего вписывалось в некую налоговую систему. Объявленный «великий крестовый поход» вооруженных рабочих в деревню за хлебом вылился в тотальную борьбу с крестьянством.

На Европейском Севере традиционно «хлебными» считались Шенкурский уезд Архангельской губернии, Тотемский уезд Вологодской губернии и, в особенности, Никольский уезд Северо-Двинской губернии. В последний было направлено три продовольственных отряда Военпродбюро¹⁸ и продовольственно-реквизиционный отряд из Вологды. Не сложно представить, какая ситуация сложилась в уезде. Только Вологодский продотряд вывез из уезда 850 тыс. пудов хлеба. Доведенные до отчаяния крестьяне подняли восстание, которое началось 11 августа 1918 г. и охватило Соловецкую, Лузянскую, Луптюжскую, Черновско-Николаевскую и Александровскую волости¹⁹. 12 сентября вспыхнуло восстание в Вохомской волости, которое было подавлено лишь 23 сентября²⁰. К восставшим присоединились крестьяне Городецкой волости. В ноябре 1918 г. восстали крестьяне Аргуновской и Заболотной волостей. С 29 ноября по 9 декабря имело место восстание крестьян Северо-Стрельской волости, в декабре 1918 г. – Моломской и Переселенческой волостей²¹.

Действия продотрядов той же осенью 1918 г. спровоцировали крестьянские восстания в Тотемском уезде, которые были подавлены с необычайной жестокостью²².

Решение о всеобщей мобилизации в Красную армию, принятое летом 1918 г., вызвало резкое противодействие со стороны крестьянства, также вылившееся в вооруженное восстание в Шекснинской волости Череповецкой губернии²³.

Подвижки в сознании крестьян, произошедшие под влиянием трудностей и бедствий мировой войны и первых лет революции, в значительной мере определяли их социальное поведение в 1919 г. Важнейшим следствием революции и уравнительного передела земли стало изменение социального облика крестьянства. Резко сократилась численность зажиточного слоя деревни, составив не более 3,0 % от общей массы крестьян²⁴. Зыбкая грань, разделявшая различные категории крестьянства, размывала социальные противоречия между ними, способствовала осознанию общекрестьянских интересов. (Анализируя социальные последствия аграрной революции в северодвинской деревне, губернский организатор РКП (б) по работе в деревне А. И. Глушков писал в ЦК партии о том, что население губернии в своей бедности достигло наибольшей однородности, силы кулака слабы, «да и тот теперь сравнялся уже с бедняком, далее остались привычки, замашки и буржуазно-нахальная душа»)²⁵. Произошла фактическая архаизация прежней социальной структуры аграрного общества при одновременной ее примитивизации, выразившейся в росте маргинальных элементов²⁶. Это, в свою очередь, привело к выходу на поверхность социокультурной архаики, проявившейся в биологизации поведения масс и в росте их агрессивности.

Наблюдалось усиление общекрестьянской (общинной) солидарности, укреплялась автаркия* сельского (крестьянского) социума, – враждебность по отношению к чужакам, возрастание внутриобщинной консолидации на базе традиционных принципов совместного выживания, в первую очередь на основе принципа уравнительного трудового землепользования, оцениваемого в качестве важнейшего регулятора справедливых общественных отношений²⁷.

Между тем, с 1919 г. вмешательство государства в деревенское хозяйство становится более энергичным и выливается в наиболее радикальный способ получения продуктов крестьянского труда – продовольственную разверстку. Введение продразверстки послужило отправной точкой для складывания системы натуральных общегражданских повинностей, завершившейся окончательно к 1921 г. Объем заготовок неуклонно возрастал. Разверстка охватила практически все виды сельскохозяйственной продукции и сырья. В Северо-Двинской губернии по разверстке изымалось 13,5% валового сбора хлебов, в Вологодской – 13,2%, в Олонецкой – 7,5%, в Архангельской – 6,2%. Абсолютные показатели всех крестьянских платежей со временем сравнились с уровнем 1912 г. Продовольственная разверстка, забиравшая до 76,0% всего отчужденного из хозяйства хлеба, и повинности (трудовая, топливная, гужевая, постоянная) составляли примерно 11,9% от реального дохода двора. Основу всех платежей составляли натуральные изъятия по разверстке.

Стремление государства направить деревенское производство в нужное ему и регулируемое русло и складывающаяся система управления деревенским производством постепенно приобретали характер глобального принуждения. При этом власть лавировала, декларируя в том же 1919 г. классовые принципы налогообложения и курс на союз с середняком.

Любое проявление вмешательства государства в производство, в хозяйственные связи крестьянского двора и тотальная система контроля вызывали противоречивую, крайне негативную реакцию со стороны деревни. Разобщенность большевистской власти и крестьянства, усиливающееся противостояние между ними становятся все более заметными.

Таким образом, общественно-политическую обстановку на Европейском Севере до конца Гражданской войны определял сложившийся в деревне с конца 1918 г. внутренний фронт противостояния. По сведениям Политотдела VI Армии с октября 1918 г. по март 1919 г. на Европейском Севере произошло 103 крупных крестьянских выступления, из которых 18 – «по причине продовольственного кризиса», 10 – «изъятия чрезвычайного налога», 19 – «мобилизации и повинностей», 5 – «недовольства

* Экономический режим самообеспечения страны, в котором минимизирован внешний товарооборот.

действиями должностных лиц», 31 – «контрреволюционной агитации», 30 выступлений – по иным и неизвестным причинам²⁸. По большому счету это была крестьянская война с режимом, принимавшая в разные годы самые различные формы.

В 1919 – 1920 гг. наряду с отдельными выступлениями, саботажем, стихийным бунтом в защиту поруганных мощей преподобного Феодосия Тотемского чудотворца²⁹, особо значимое место занимало дезертирство из рядов Красной армии. По сообщениям ВЧК в июле – августе 1919 г. в Вологодской губернии насчитывалось свыше 6 тыс. дезертиров³⁰. В Северо-Двинской губернии с марта 1919 г. по 15 декабря 1920 г. было зарегистрировано 14767 дезертиров³¹.

Большую проблему для властей представляли так называемые оседлые дезертиры. Последних было особенно много в Никольском уезде Северо-Двинской губернии. Бежавшие с фронта красноармейцы селились у себя в деревнях и пользовались поддержкой у местного населения.

В ряде случаев, как это случилось в июле 1919 г., дезертиры объединялись в повстанческие отряды «зеленых». Довольно массовое движение «зеленых» охватило тогда часть Костромской, Ярославской и Вологодской губерний (Вологодский и Грязовецкий уезды). Регулярным воинским частям красных с трудом удалось сокрушить это восстание³².

В свое время автор ввел в научный оборот такой источник, как картограммы политических настроений крестьян четырех прифронтовых губерний – Вологодской, Костромской, Северо-Двинской и Вятской, которые составлялись Политотделом VI Армии Северного фронта с сентября 1918 по март 1920 г., и пришел к выводу, что в течение сентября 1918 – марта 1919 гг. Советскую власть поддерживала или, по крайней мере, доверяла ей только половина крестьянства региона³³.

1920-й г. был годом напряженного затишья, за которым последовал массовый взрыв крестьянского недовольства. Череда локальных вооруженных крестьянских выступлений потрясла страну, обозначив собой высшую точку крестьянской войны. Большевистский режим, поставивший перед собой грандиозную модернизационную задачу создания принципиально нового социалистического типа общества, материальной базой которого должна была стать индустриальная, самая передовая для своего времени экономика, столкнулся с альтернативой: или перманентная война с основной массой населения, или гражданский мир на основе широких компромиссов с крестьянством. По словам В. И. Ленина большевики «натолкнулись на большой ... на самый большой внутренний политический кризис»; «мы, безусловно, имели налицо недовольство

громадной части крестьянства»³⁴. Главной причиной недовольства крестьянства была «разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства социализма»³⁵.

Наиболее массовым было восстание крестьян в Тамбовской губернии. 15 марта 1921 г. вспыхнуло вооруженное выступление в Вельском уезде Вологодской губернии. Примечательно, что оно началось в день открытия X съезда правящей партии, вынужденной, как известно, принять решение о смягчении экономической политики в деревне. Вельское восстание отличалось большим размахом, имело элементы некоторой организации, руководителей, политическую платформу, хотя, в целом, и не выходило за рамки традиционных крестьянских бунтов. Властям удалось справиться с крестьянами лишь в конце марта 1921 г.³⁶

Однако решение о замене продразверстки продналогом, наспех принятое под угрозой социального взрыва в последний день заседаний X съезда РКП (б), не повлекло за собой ни прекращения крестьянских восстаний, ни ослабления карательной политики властей. Иными словами, гражданский мир в стране не воцарился в один прекрасный день весны 1921 г. Замена продразверстки продналогом в 1921 г. не облегчила положение крестьянских дворов. Более того, размер налога в налоговые кампании 1920/21 и 1921/22 гг. оказался выше размеров продразверстки. При этом следует иметь в виду еще и то, что помимо натурального продналога прямые налоги и повинности, уплаченные за это время деревней, включали в себя трудгужналог, единовременный общегражданский денежный налог, местные денежные налоги и сборы, промысловый налог, косвенные налоги и таможенные пошлины³⁷.

Социальная напряженность сохранялась до лета 1922 г., а в некоторых регионах и дольше. Довершали картину засуха и небывалый голод 1921–1922 гг., поразившие центральную часть России. Власти постарались превратить голод в безотказное орудие усмирения населения. К тому же голод послужил для нее предлогом для нанесения решающего удара по Русской Православной Церкви, – в 1922 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей и преследованию духовенства.

В такой обстановке весной 1922 г. власти Северо-Двинской губернии, следуя указаниям Центра, принимают решение с началом навигации на реке Юг вывезти из Никольского уезда собранный по налогу хлеб и провести изъятие ценностей из церквей. Для контроля над ситуацией были посланы воинские команды и части особого назначения (ЧОН). Для подвозки хлеба к пристаням рекомендовалось мобилизовать крестьян в порядке так называемой трудовой повинности. 28 апреля крестьяне Шонгской волости, стремясь помешать отправке хлеба, вскрыли склады и развезли хлеб по домам³⁸. Власти отреагировали незамедлительно.

Практически во всем Никольском уезде было введено осадное положение, направлены регулярные красноармейские части из Вятки, выездная сессия губернского ревтрибунала, тем не менее, предотвратить выступления крестьян в других волостях не удалось. Движение было подавлено только в июне 1922 г. В Шонге к следствию было привлечено более тысячи человек.

По сей день неизвестны многие детали крестьянских выступлений, и самое печальное, – имена репрессированных. Ясно лишь одно, что случившееся явилось частью той великой драмы, которую пережила наша страна в начале XX в. Ограбленные, обманутые и запутавшиеся мужики попали под безжалостный каток репрессивной машины, которая искорежила судьбы сотням тысяч людей. И только в 1996 г. Указом президента РФ от 18 июня 1996 г. за № 931 «О крестьянских восстаниях 1918 – 1922 годов» политические репрессии в отношении крестьян – участников восстаний 1918 – 1922 гг. были осуждены и их жертвы реабилитированы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. вступительную статью к сборнику «Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: «Антоновщина». Тамбов, 1994. С. 6.

² Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998; Гражданская война в России и на русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999; Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сборник статей. М., – Архангельск, 2001; Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 1, 2. Вологда, 2000, 2001.

³ Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000.

⁴ Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в изменяющемся мире. Вып. 2. Казань 1994; Они же. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в России. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Осипова Т. В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М. 1997. С. 90 – 161.

⁵ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 117. В.В. Кабанов полагал справедливым писать о земельной по сути, а не аграрной революции – См. Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Отечественная история. 1993. № 2. С. 27–49.

⁶ Данилов В.П. Шанин Т. Указ. соч. С. 6.

⁷ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. М., 2001. С. 5 – 6.

⁸ Булдаков В. П. Указ. соч.

⁹ Андреев В. М. Российское крестьянство: навстречу судьбе 1917–1920. М., 1997; Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.

- ¹⁰ Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М., 1997.
- ¹¹ См. подробнее: Голдин В.И. Россия в Гражданской войне... С. 86–87.
- ¹² Устоявшимся положением современной историографии этой проблемы стало то, что за дефиницией «обращение земли в общенациональную собственность» скрывалось простое огосударствление земли и превращение крестьян в ее пользователей, – см. подробнее: Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000, С. 72 – 94.
- ¹³ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 20. Оп. 2. Д. 3388. Л. 4–14.
- ¹⁴ Саблин В.А. Хуторские хозяйства на Европейском Севере в годы Гражданской войны // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы*. Вологда, 2001. С. 266.
- ¹⁵ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 102–119.
- ¹⁶ Пирогов М.С. Воспоминания о борьбе за Советы и Гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде. Архангельск. 1928. С. 27; Саутин Н. Великий Октябрь в деревне на Северо-Западе России (октябрь 1917–1918). Л., 1959. С. 44; Установление Советской власти и Гражданская война в Коми крае (1917–1920). Сборник документов и материалов. Сыктывкар, 1966. С. 39; Государственный архив Архангельской области. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 4, 9.
- ¹⁷ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 77. Л. 35–41.
- ¹⁸ Стрижков Ю.К. Продовольственные отряды в годы Гражданской войны и иностранной интервенции 1917–1921 гг. М., 1973. С. 120.
- ¹⁹ Великоустюгский центральный архив (далее ВЦА). Ф. 301. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.
- ²⁰ ВЦА. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 205. Л. 236.
- ²¹ Саблин В.А. Крестьянство Северо-Двинской губернии в 1918–1920-х годах (характер политических настроений) // *Великий Устюг. Краеведческий альманах*. Вып. 4. Вологда, 2007. С. 343–377.
- ²² Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы. (Вологодская деревня в годы Гражданской войны) // *Вологда: Историко-краеведческий альманах*. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 187–188.
- ²³ Гражданская война на Севере (Воспоминания П.П. Сахарова и А.Н. Суворова о шекснинском восстании 1918 года) / Публикация Г.Н. Пахний // *Череповец: Краеведческий альманах*. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 176–223; Саблин В.А. Шекснинское восстание 1918 года // *Череповец: Краеведческий альманах*. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 64–70; Яров С.В. Крестьянские волнения на Северо-Западе советской России в 1918–1919 гг. // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1996*. М., 1996. С. 134–159.
- ²⁴ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 137–140.
- ²⁵ Национальный архив Республики Коми (Далее – НА РК). Ф. 274. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.
- ²⁶ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999. С. 110–111.
- ²⁷ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*. М., 1992. С. 319; *Судьбы российского крестьянства*. М., 1995. С. 100.

²⁸ НА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 127. Л. 29, 31, 51, 53 об, 68, 69, 88–89.

²⁹ См. подробнее: Мясникова Л.Н. Протест против поругания православной святости – мощей преподобного Феодосия, Тотемского чудотворца // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники и методология исследований: Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 411–417.

³⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: Документы и материалы в 4 томах. Т. 1. 1918–1922. М., 1998. С. 153.

³¹ Саблин В.А. Крестьянство Северо-Двинской губернии в 1918–1920-х годах. С. 343–377.

³² Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы ... С. 190–194.

³³ См. подробнее: Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы ... С. 180–194; Он же. Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы Гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Саратов, 1994. С. 64–82; Он же. Крестьянство Европейского Севера в Гражданской войне. Характер политических настроений // Гражданская война в России и на русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 92–94; Он же. Северная деревня в Гражданской войне: векторы политического поведения // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Часть 2. Вологда, 2000. С. 312–325.

³⁴ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 45. С. 282, 285.

³⁵ Там же. С. 158.

³⁶ См. подробнее: Саблин В.А. Вельское восстание 1921 года в контексте Гражданской войны на Европейском Севере России // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 245–253; Воспоминания М. М. Ушакова «Авантюра эсеров в Северном крае в 1921 году. Публикация. // Там же. С. 253–264.

³⁷ См. подробнее: Саблин В.А. Сельскохозяйственный налог в вологодской деревне в годы нэпа (Анализ налоговых кампаний 1921/22–1929/30 гг.) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вып. 2. Вологда, 2001. С. 3–48.

³⁸ ВЦА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–59.

Ю. А. Соколов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ПО ОТЧЕТАМ И ДОНЕСЕНИЯМ АГИТАТОРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Исследование сущности политических взглядов крестьянства в период Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны является традиционным предметом изучения в отечественной историографии. Советскими историками протестные настроения деревни объяснялись ря-

дом факторов, в числе которых назывались антибольшевистская пропаганда, кулацкий саботаж и др. Знаковыми аргументами в подтверждение поддержки деревней советской власти признавались решения VIII и X съездов партии, обеспечивших «союз» беднейшего и среднего крестьянства с большевиками. Отечественной историко-партийной наукой большевистская агитация первых лет советской власти традиционно расценивалась как фактор, «помогавший» крестьянству «правильно понять» существо реформ, произошедших в стране после 1917 г.¹

Современная историография более критично разрабатывает тему взаимоотношений власти и общества, сущности и эволюции политических настроений. Многие исследователи оценивают природу протестных настроений деревни как вынужденную форму самозащиты крестьянской общиной своих традиций². Так, проблему усвоения и интерпретации большевистского политического дискурса жителями села разработал С. В. Яров³. Исследователь связал неустойчивость политических взглядов и настроений крестьянства с ориентацией сельского социума не на политические декларации, а на реальные действия власти. Тем самым С. В. Яров подчеркнул отсутствие идеологических основ в характеристике протестного поведения деревни Северо-Запада России. Между тем, некоторые исследователи отмечают большую, по сравнению с городом, восприимчивость деревни к политическим призывам и агитации⁴.

Значительный вклад в дело изучения политических настроений российской деревни внесли историки, изучающие Европейский Север России. Так, В. А. Саблин отметил специфику данного региона, подчеркнув серьезную оторванность Советов от населения волостей в период Гражданской войны. Данное явление было связано с прифронтовым положением региона, что в свою очередь предопределило первоочередное создание и функционирование на Европейском Севере военных и диктаторских органов⁵. По мнению В. Л. Кукушкина и И. И. Ластунова протестная активность крестьянства Европейского Севера в период 1918 – 1920-х гг. имела локальный характер и была направлена не на разрушение государственной системы, а отражала стремление селян адаптироваться в новых политических и экономических реалиях⁶.

Однако, несмотря на серьезные достижения, в историографии до сих пор мало изучена проблема взаимосвязи политической агитации и настроений в обществе. На наш взгляд, одним из явных упущений в плане разработки вопросов истории пропаганды и политической коммуникации является отсутствие анализа реципиентных оценок на уровнях: партия – агитатор; агитатор – гражданин. Существо этого диалога, интерпре-

тации крестьянством политических установок власти представляют особый интерес в исследованиях общественных настроений, протеста, истории форм и методов агитационного процесса.

Во время работы над темой политических настроений северной деревни наше внимание привлек такой корпус источников, как отчеты агитаторов. Данный вид документов создавался силами рядовых агитаторов с целью предоставления информации о своей текущей работе в агитационно-пропагандистский отдел губернского комитета партии. Типичный отчет имел как установленную форму (опросник, отпечатанный в типографии), так и мог быть представлен в произвольной форме (письма или путевого дневника). Данный источник имеет комплексный характер, т.к. содержит важнейшие сведения по характеру методик пропагандистских акций, их количеству, массовости агитационных мероприятий, происходивших конфликтах, партийном строительстве в волостях и уездах, создании комбедов, дезертирстве.

В фондах Вологодского областного архива новейшей политической истории нами были изучены более 250 отчетов, отложившихся за период 1918 – 1920 гг. Данный комплекс документов включает данные о 173 командировках и 250 проведенных агитационных мероприятиях в различных волостях Вологодской губернии штатными агитаторами губкома ВКП(б).

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что отчеты агитаторов содержат в себе достоверную информацию о настроениях в регионе. Специфика данного источника заключается в том, что отчеты включают информацию, как о непосредственной реакции крестьянства по поводу пропагандистских мероприятий, так и интерпретацию их поведения самим агитатором. В годы Гражданской войны в обязанности пропагандиста входила не только деятельность по организации и проведению агитационных мероприятий, но и целый комплекс чрезвычайных властных полномочий, что заметно влияло на установление контакта как с населением, так и с местными советскими и партийными работниками. Можно говорить о том, что в 1917 – 1921 гг. взаимоотношения агитаторов и пропагандистов с крестьянским миром складывались не просто, проявляясь порой в форме молчаливого игнорирования «человека из города», а иногда доходили и до открытых конфликтов⁷. Причины данной тенденции можно искать как в отсутствии поиска коммунистами диалога с местным населением, так и в замалчивании вопросов, наиболее животрепещущих для деревни. Так же установлению контакта пропагандиста с населением региона мешало непонимание крестьянами многих большевистских лозунгов⁸. Тем самым, тематика крестьянских вопросов, существо их ожиданий и настроений в полной мере не могли быть зафиксиро-

ваны пропагандистами. Однако общая логика рассуждений крестьянства, иерархия их интересов и ценностей, запечатленная в агитаторских отчетах и донесениях, представляет серьезный исследовательский интерес.

Прежде всего, крестьянство Вологодской губернии в период Гражданской войны наиболее волновала проблема голода и отсутствия продовольствия. С данным вопросом деревня чаще всего обращалась к пропагандисту на волостных сходах и собраниях. Характерный вариант проявления крестьянской активности на агитационном мероприятии заключался в поиске виновника, чьи действия стали причиной продовольственного кризиса (типичные вопросы: «кто сделал кризис, который мы переживаем?»); «почему отбирают хлеб?»)⁹. В отчетах агитаторов так же присутствуют редкие упоминания о твердом нежелании деревни контактировать с властью по вопросам продовольственной политики¹⁰.

Тем не менее, мы наблюдаем активный поиск крестьянским миром конструктивного выхода из сложившейся ситуации, а также явный интерес к дальнейшей продовольственной политике советов (примеры вопросов: «откуда мы получим хлеб, когда поделили свой?»; «вопрос о зарплатах – где и как находить?»; «нельзя ли увеличить норму хлеба?»; «почему неравный паек получаем?»)¹¹. Наиболее показательным выступлением крестьянина дер. Кубенской Кубенской волости, записанное в декабре 1918 года агитатором А. С. Бурило: «Я готов идти к царству социализма, но желал бы узнать, хватит ли у меня достаточно материальных продуктов?»¹². Данный пример столь конформистского заявления – попытка сгладить «острые углы», демонстрирующая уже достаточное научение и использование большевистского дискурса. Данный факт публичного проявления политической лояльности деревенским жителем, на наш взгляд, можно расценивать двояко. С одной стороны, оперирование аспектами политического мифа о построении социализма отвечало исконным мечтам крестьянина о царстве справедливости и равенства, но, с другой стороны, воспринималось им, скорее, формально и исключительно для решения конкретной цели.

Не менее важным для крестьянства стало желание оградить собственное имущество от посягательств на него со стороны государства. У сельского социума вызывали негодование реквизиции скота и хлеба, запрет самовольных порубок, дезорганизация снабжения деревни промышленными товарами. На митингах и собраниях крестьянство пыталось выяснить причины столь несправедливой, по их мнению, политики власти. Тяжкий груз продразверстки и чрезвычайного налога, легший на плечи деревни, вызывал недоумение у крестьян¹³. Показательны так же вопросы крестьян, связанные с опасениями по невыполнению возложенных на них обязательств и возможных санкций военного времени¹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что отчеты агитаторов свидетельствуют об активном желании крестьян сотрудничать с Советами. Например, озвученные на митингах просьбы о предоставлении промышленных товаров обычно мотивировались не целью собственного внутреннего потребления, а необходимостью помощи советской власти. Сельский социум предлагал следующее: если у деревни будет «чем обрабатывать землю», то они смогут помочь государству сельскохозяйственной продукцией. 20 ноября 1918 года в Вотлановской волости Вологодского уезда крестьяне в ходе агитационного мероприятия сделали следующее заявление: «Если бы советская власть в ближайшее время постаралась снабдить (деревню) примерами (товаров первой) необходимости, то лучше советской власти не один крестьянин и не пожелал бы»¹⁵. Так же деревня активно использовала пафос большевистской риторики о причинах продовольственного и товарного кризиса. Так, вопрос о том, «как буржуи обрабатывают землю, когда не имеют крупного рогатого скота?»¹⁶ – характерный пример накладывания сразу нескольких пропагандистских штампов (о засилье в деревне кулаков-«мироедов», «буржуев» в городах) в крестьянской оценке товарного голода и реквизиций в данный период.

К 1918 году мы можем отметить укрепление иждивенческих настроений среди беднейшего крестьянства северной деревни. Их надежды на привилегированное положение в сельском социуме воспринимались уже как само собой разумеющееся. К примеру, бедняками на митингах задавались такие вопросы: «Пришлют ли нам сверху хлеба, обуви, мануфактуры в большом размере?» «Как удовлетворят беднейшее крестьянство лошадьми из взятых по конской мобилизации?»¹⁷. Вопрос, заданный 18 октября 1918 года в Нефедовской волости на станции Харовская, который был записан агитатором В. Ф. Романовым: «Сдавать ли хлеб ничего не делавшим лодырям и лентяям?»¹⁸, прекрасно иллюстрирует презрительное отношение сельского социума к государственной политике помощи беднячеству.

Одной из проблем, серьезно волновавших село в эти годы, стала иностранная военная интервенция, мобилизация крестьянства в Красную армию и судьбы дезертиров. В ходе агитационной работы пропагандисты отмечали широкий спектр вопросов, интересующих деревню: поиск причин прекращения Первой мировой войны, интервенции, сущности Гражданской войны¹⁹. В отношении мобилизации деревню интересовало, в чем причины повторной мобилизации крестьян в Красную армию, после подписания Брестского мира²⁰. Отметим, что в вопросах и мнениях крестьян, запечатленных в сводках агитационных мероприятий, явственно прослеживается нежелание деревни становиться «пушечным мясом» на фронте Гражданской войны²¹.

В то же время деревня болезненно реагировала и на факты дезертирства призванных в армию членов общины. Несмотря на массовость данного явления, в общении с агитаторами крестьяне высказывали свое негодование по поводу того, что некоторые односельчане скрываются от мобилизации и при этом властями не преследуются, в то время, как часть селян мобилизована в Красную армию. Данные факты обостряли в обществе чувство несправедливости от проводимой государством политики (к примеру, задавались такие вопросы: «Почему не выгоняют дезертиров?»; «Почему никаких мер не применяется к дезертирам?») ²². Однако, приведенные нами свидетельства отражают только точку зрения семей мобилизованных, что говорит о явной избирательности пропагандистов в отборе материала для составления отчетов.

Сельский мир так же волновала проблема возможной потери на войне основного кормильца семьи, изменение социального статуса крестьянина после мобилизации в Красную армию ²³. Но, тем не менее, в крестьянских комментариях и вопросах, посвященных теме войны, заметно чаще используются категории «мы» – «они». Здесь деревня противопоставляет себя внешнему врагу, а не Советам. К тому же, восприняв агитационную риторику, часть граждан лелеяла надежды о том, что с окончанием интервенции и Гражданской войны прекратятся и многие беды села ²⁴.

Можно предположить, что не менее остро волновавшими крестьян проблемами были вопросы, связанные с сохранением духовных традиций православной общиной. На митингах и собраниях крестьянство активно защищало Церковь от обвинений со стороны большевиков, а также интересовалось судьбой самого института Церкви, преподавания Закона Божия, наличия икон в школах и учреждениях ²⁵.

Подводя итог, мы можем отметить, что северное крестьянство в период «военного коммунизма» не замкнулось в рамках своей общины, волюти. Северная деревня довольно быстро адаптировалась к большевистскому дискурсу и использовала пропагандистскую риторику в прагматичных целях. Тем не менее, крестьянство воспринималось правительством как «объект» государственной политики, вследствие чего потенциальная возможность конструктивного диалога с деревней использована не была. Негативная оценка политики советской власти была обусловлена поиском крестьянами возможности выжить в обстановке Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Степанов А.М. Работа партии по коммунистическому воспитанию крестьянства в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вологда, 1958; Умнов А.Г. Гражданская война и среднее крестьянство (1918 – 1920 гг.). М., 1959; и др.

² См., например: Посадский А. В. Восприятие власти и механизмы самозащиты саратовского крестьянства в годы Гражданской войны // Российский исторический журнал. 2000. №2. С.30–38; Осипова О.А. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001; и др.

³ Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада советской России 1918–1919 гг. СПб, 1999.

⁴ Шульман М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет Советской власти: октябрь 1917–1920 гг. (По материалам Калужской и Тульской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2004.

⁵ Саблин В.А. Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы Гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее: Межвуз. сборник науч. тр. Саратов, 1994. Вып. 3. С. 69–70. См. так же: Саблин В. А. Крестьянство Европейского Севера в гражданской войне. Характер политических настроений // Гражданская война в России и на Русском Севере: Проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 92 – 93.

⁶ Кукушкин В.Л. Социальный протест крестьянства Европейского Севера России в 1918–1920-х гг. (на материалах Архангельской, Вологодской и Северодвинской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2002. С. 20 – 21; Ластунов И.И. Крестьянство и власть на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: Матер. науч. конф. 6-7 февраля 2003 г. Вологда. 2002. С. 96.

⁷ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ) Ф. 1853. Оп.3. Д.73. Л. 136, 178.

⁸ ВОАНПИ Ф. 1853. Оп.2. Д. 56. Л. 51. Л. 98; Оп.3. Д.74. Л. 47; Красный Север – 1920 – 24 января.

⁹ Там же. Д. 56. Л. 2-3, 159, 186; Оп. 3. Д. 46. Л. 131; Д. 73. Л. 151.

¹⁰ Там же. Л. 51.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 46. Л. 92; Д. 73. Л. 54 об., 159 об., 189 об.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 56. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 46. Л. 113, 121; Д. 56. Л. 10, 190.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 46. Л. 122, 126.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 56. Л. 10.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 46. Л. 159.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 56. Л. 121; Оп. 3. Д. 73. Л. 16 об.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 73. Л. 112 об.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 56. Л. 55, 201; Оп. 3. Д. 73. Л. 16 об., 23 об.

²⁰ Там же. Л. 155.

²¹ Там же. Д. 73. Л. 88 об.

²² Там же. Д. 56. Л. 47, 51, 52, 55, 227.

²³ Там же. Оп. 3. Д. 73. Л. 56 об., 59 об.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 56. Л. 236.

²⁵ Там же. Л. 11-12, 155, 159, 197, 229, 230; Оп. 3. Д.46. Л. 92; Д. 73. Л. 23 об., 184 об., 270 об.

М. Н. Глумная

**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КОЛХОЗАМИ В 1930-е гг.
(ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДА ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА
ВКП(б) ВОАНПИ)**

Особенностью политической модели СССР являлось то, что практически на протяжении всего времени ее существования советы как конституционные органы власти являлись лишь исполнителями решений правящей партии. В реальной политической жизни СССР отсутствовало разделение властей в привычном для нас теперь смысле: законодательная, исполнительная, судебная. Однако разделение властей, тем не менее, существовало. И органы советской власти здесь выступали как органы исполнительной власти, а законодательная ветвь была представлена вертикалью партийных комитетов. «Законодательная» деятельность советских органов власти была сведена к одобрению партийных решений и адаптации этих решений применительно к местным задачам.

Сама партийная система отличалась высокой степенью централизации и дисциплины. На протяжении значительной части советского периода реальная власть в СССР принадлежала Центральному комитету (ЦК) партии, а именно ее постоянно действующему органу – Политбюро. Роль местных партийных комитетов сводилась к проведению в жизнь установок вышестоящих партийных органов. Они в свою очередь выступали «законодательной» ветвью власти для всей системы местных советских органов.

Когда говорится, что власть в СССР принадлежала коммунистической партии, то подразумевается реализация конкретных управленческих функций со стороны партийных органов. Партия определяла направление развития страны. Она устанавливала конкретные цели, которые следовало достичь, другими словами, планировала будущее страны. Она организовывала массы на их выполнение, координировала их действия. Партия же мотивировала и стимулировала эти массы к действиям. Именно партия, наконец, контролировала весь процесс развития и подводила итоги. Реализация этих управленческих функций получила отражение в документах, отложившихся в архивных фондах партийных комитетов разных уровней. Эти источники позволяют исследовать систему, особенности и процесс управления советским обществом.

Аграрный сектор был одним из основных объектов управления. Коллективизация сельского хозяйства была призвана решать не только социально-экономические задачи, но и проблемы управления деревней. На смену миллионам крестьянских хозяйств пришла колхозная система, насчитывавшая к концу первого колхозного десятилетия более 230 тыс. артелей¹. Несмотря на прописанные в Примерных уставах сельскохозяйственной артели 1930 и 1935 гг. параметры внутриколхозной демократии, повсеместное распространение этой системы означало практически полное огосударствление сельского хозяйства. Коллективные хозяйства стали частью единого народно-хозяйственного механизма и были встроены в единую государственную систему управления.

Параллельно с созданием колхозов шел процесс создания системы управления коллективными хозяйствами со стороны органов власти, в котором можно выделить несколько этапов².

В период сплошной коллективизации большую роль в управлении процессом создания коллективных хозяйств, организации их внутренней жизнедеятельности играли колхозные органы. Во главе этой системы стоял Колхозцентр СССР и РСФСР, в регионах – колхозсоюзы (союзных и автономных республик), краевые (областные) колхозсоюзы, на местах – сначала райколхозсекции, затем – райколхозсоюзы. Эти колхозные структуры находились под контролем соответствующих комитетов партии как через представительство в них коммунистов, так и через организационное подчинение.

В декабре 1932 года Колхозцентр и его местные органы были ликвидированы, как выполнившие свои задачи. Руководство колхозным строительством было передано в руки МТС и земельных органов.

В январе 1933 года, в связи с кризисным состоянием сельского хозяйства были созданы политотделы МТС – чрезвычайные органы управления колхозами, выведенные из прямого подчинения местным партийным органам и подчиненные непосредственно ЦК ВКП(б).

Правда, на Европейском Севере роль политотделов МТС в управлении колхозами была не столь всеобъемлющей как в районах производящей полосы. Это связано с тем, что здесь было меньше МТС, чем в районах первой очереди коллективизации, соответственно, и доля колхозов, охваченных деятельностью МТС и их политотделов, была незначительна.

Так, к концу 1934 года в Карельской АССР имелось 7 МТС, которые обслуживали 155 колхозов³, или 19,2% от их числа⁴, в Северном крае – 19 МТС, в зоне действия которых находилось 857 колхозов⁵, или 13,5%⁶.

После того, как политотделы МТС были ликвидированы, роль МТС в руководстве колхозами, хотя постоянно и подчеркивалась партийными органами, была относительно невелика. Тем более, что значительная часть колхозов все еще находилась вне сферы обслуживания МТС⁷.

Таким образом, на Европейском Севере с 1933 года основным органом управления колхозами на уровне района стали земельные отделы, на уровне края (области) – земельные управления, на уровне автономной республики – наркомат земледелия. В то же время и колхозы, и земельные органы были объектом пристального внимания, изучения и контроля местных и региональных партийных структур.

Архивный фонд комитета ВКП(б) Северного края, фонды областных (Архангельского, Вологодского, Карельского, Коми) комитетов ВКП(б) отражают систему и механизм управления колхозами в 1930-е гг.

Решения, определявшие общее направление деятельности колхозов, принимали партийные комитеты – Политбюро в центре, партийные бюро регионов – на местах. Они оформлялись на соответствующих партийных форумах – съездах, конференциях, пленумах. Это протоколы заседаний комитетов партии, резолюции и решения конференций, пленумов.

Кроме того, в партийных органах действовали специальные подразделения, осуществлявшие управление колхозами. В 1927–1929 гг. это были отделы по работе в деревне, в 1930–1932 гг. – секторы коллективизации, в 1932 году – секторы сельскохозяйственных районов и кампаний, с 1933 года – сельскохозяйственные секторы и секторы сельскохозяйственных кадров, с 1934 года – сельскохозяйственные отделы.

Непосредственную связь с колхозами осуществлял аппарат этих подразделений. Поэтому в архивных фондах партийных комитетов сохранился большой документальный материал, позволяющий восстановить систему управления, охарактеризовать сам механизм управления, стиль и методы воздействия.

Существовала система отчета районных комитетов ВКП(б) – через информационные записки и сводки, справки – в вышестоящий комитет по всем основным политическим и сельскохозяйственным кампаниям.

Здесь следует отметить, что одной из особенностей системы управления в СССР было то, что процесс управления имел дискретный характер: управление велось в виде кампаний по решению той или иной проблемы. В литературе это явление получило название «кампанейщина». Как только выявлялась проблема в той или иной отрасли, ее начинали активно «решать». Кампания начиналась с появления соответствующего постановления партии и правительства, которое дублировалось и конкретизировалось применительно к регионам, далее начиналась череда различных организационных мероприятий на местах, контроль над их исполнением по всей властной вертикали, составление отчетности, подведение итогов. После этого наступало некоторое затишье до выявления той же или новой проблемы.

В сельском хозяйстве такая практика управления имела еще более выраженный характер, что обуславливалось цикличностью сельскохозяйственного производства. Основные кампании, которые здесь можно выделить – это посевная, уборочная, заготовительная, распределение доходов в колхозах по трудодням, подготовка к зимовке скота, подготовка к весенним посевным работам. Эти производственные кампании в силу специфики сельского хозяйства следовали одна за другой, часто совпадая по времени. Наряду с этими ежегодными могли быть кампании, имевшие разовый или чрезвычайный характер, например, кампания по вручению колхозам государственных актов на вечное пользование землей, по обмеру приусадебных земель колхозников и единоличников, по сселению хуторов и пр.

Важную роль в системе управления колхозами играл институт инструкторов районных и областных (краевых) комитетов ВКП(б). Инструкторы должны были оказывать методическую и организационную помощь колхозникам в проведении различных мероприятий. Особенно важна была их контролирующая деятельность. Докладные записки инструкторов сельскохозяйственного отдела ВКП(б) о командировках в разные районы и колхозы Вологодской области сохранились в большом количестве в фонде Вологодского обкома ВКП(б). При этом следует отметить, что тщательному контролю подлежала управленческая деятельность и районных структур (райкома партии, райисполкома, РЗО и т.д.), и сельских советов по отношению к колхозам, и состояние дел в самих колхозах. При этом особое внимание уделялось качеству управленческой деятельности колхозных руководителей.

Ситуация, которую отражали в своих докладных записках инструкторы, проводившие большую часть своего времени в «поле», после сравнения с другими группами источников, представляется вполне объективной. Особенно информативны докладные записки инструкторов сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б) Артюгина, Пелевина, Шелепина, Воротникова и др.

Еще одним инструментом руководства и контроля над колхозами был институт уполномоченных советских и партийных органов, направлявшихся на период конкретной хозяйственно-политической кампании в сельсоветы и колхозы. Он формировался из так называемого партийного и советского актива – руководителей различных подразделений партийных и советских органов, общественных организаций (ВКЛКСМ, профсоюзов), хозяйственных структур.

Как правило, командированный в район инструктор или уполномоченный получал информацию не только в результате общения с районными руководителями или изучения разного рода управленческой докумен-

тации на местах, но и лично посещал несколько колхозов, принимал участие в колхозных собраниях, общался с колхозниками. И хотя интерпретация тех или иных фактов в устах таких проверяющих имела определенную идеологическую заданность, тем не менее, воссоздать реалии колхозной жизни на основании этих документов возможно.

Целью направления инструкторов и уполномоченных в районы было оказание помощи на местах в организации сельскохозяйственных кампаний, ликвидация разного рода нарушений и «прорывов».

Круг вопросов, которые попадали в сферу внимания и компетенции инструкторов и уполномоченных, был широк и выходил за рамки текущей сельскохозяйственной кампании. Это и процесс укрупнения и разукрупнения колхозов ⁸, и расстановка рабочей и тягловой силы в колхозах в период посевной или уборочной страды ⁹, и организация «звеньев высокого урожая» и т.д.

Особое внимание уделялось «человеческому» фактору в обеспечении успеха сельскохозяйственных и политических кампаний. Поэтому докладные записки инструкторов и уполномоченных содержат качественные характеристики руководителей колхозов и сельсоветов. Если, по мнению представителей областного звена управления, колхозный аппарат не справлялся с возложенными на них задачами, они ставили вопрос перед районными властями о замене колхозных руководителей ¹⁰.

В записках, которые представляли в обком инструкторы и уполномоченные, преобладают негативные оценки руководящего аппарата как колхозов, так и сельсоветов. Так, старший инструктор сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б) Артюгин сообщал: «Актив сельсовета ходил в колхозы только за сведениями, а практической помощи не оказывалось колхозам» ¹¹.

Негативно оценивался и районный уровень управления колхозами. Так, инструктор обкома ВКП(б) Ф. Д. Пелевин докладывал о поездке в Вожегодский район: «Примеры по колхозу «1 мая» Новожиловского сельсовета подтверждают о том, что руководители районных организаций колхозами конкретно (выделено – М. Г.) не руководят, в суть дела колхозного производства, в жизнь и быт колхозов не входят, поэтому необходимой и своевременной помощи колхозам не оказывают» ¹².

«Конкретное» руководство предполагало точное знание разных сторон жизни колхозов, что достигалось непосредственным общением с колхозниками. Распространенная в районах практика руководства через совещания с председателями колхозов давала неполное, одностороннее представление о положении дел.

Хотя посещение колхозов представителями районных партийных органов приветствовалось, оно, по мнению инструкторов и уполномоченных, часто не приносило никакого результата: «инструктор райкома был в колхозе не один раз, мер не принял»¹³, «уполномоченные райкома гастролируют по колхозам, а помощи оказывают мало»¹⁴.

Все это позволяло сделать вывод о том, что райком партии руководил колхозами «слабо», и поставить вопрос об отчете того или иного секретаря на заседании Бюро обкома партии¹⁵.

Уполномоченные в тот или иной район в течение командировки сами посещали несколько колхозов, а также организовывали обследование колхозов силами районного актива. Например, уполномоченный Вологодского обкома ВКП(б) по Вохомскому району И. К. Шорников в январе 1939 года организовал обследование 30 колхозов (из 258) по разным вопросам: соблюдение устава сельхозартели, состояние животноводства, подготовка к севу. Для отъезжающих в колхозы активистов был организован тщательный инструктаж. В результате удалось выявить в проверенных колхозах множество проблем. Характерно, что возвратившиеся в район обследователи заявили: «только сейчас мы так глубоко узнали колхозную жизнь, тогда как раньше проходили мимо нарушений устава сельскохозяйственной артели, не замечая их»¹⁶.

Одной из особенностей системы управления было привлечение к реализации каких-либо задач разных категорий управленцев и передовиков через съезды, слеты, совещания при партийных и советских органах по разным вопросам развития сельского хозяйства, стенограммы которых также сохранились в архивных фондах партийных комитетов. Помимо реализации принципа участия в проведении того или иного курса, озвученного вышестоящим партийным органом, подобные встречи с властью выполняли сразу несколько функций. Они способствовали мобилизации управленцев соответствующих уровней на решение различных задач, мотивировали на достижение лучших результатов. Их участники получали новую и полезную информацию, отработывали алгоритм управленческих действий.

Власть, в свою очередь, получала еще один канал информации о положении на местах, в колхозах, представление о настроении той части общества, которая была настроена на взаимодействие.

Таким образом, система управления колхозами, сложившаяся к концу первого колхозного десятилетия, была многоуровневой и многозвенной, и в целом, с поставленными перед ней задачами справлялась. Произошел переход от организационного хаоса начала 1930-х гг. к более-менее устойчивым организационным формам колхозного производства.

В то же время следует признать, что большинство функций дублировалось несколькими структурами, а значит, эта система была затратной и недостаточно эффективной. Это обуславливалось целым комплексом причин. Среди них следует, прежде всего, назвать качество управленческого персонала (субъекта), с одной стороны, и качества управляемого объекта – с другой. Низкий уровень общей и организационной культуры, высокая текучесть управленческих кадров, ставшая следствием борьбы за формирование удовлетворяющего власть типа руководителя, общая политическая обстановка в стране не способствовали установлению демократических принципов управления. Однако, в силу ряда причин, и управляемый субъект не был готов принять на себя функции управления. Поэтому на начальной стадии существования колхозного строя альтернатив сложившейся системе управления, по-видимому, не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив экономики. Ф.1562. Оп.323. Д.405. Л.135.
- ² См., напр.: Глумная М. Н. Колхозы и власть на Европейском Севере России в 1920-1930-е гг. // Актуальные проблемы экономики и управления: теория и практика. Материалы научной конференции (г. Вологда, 14–15 апреля 2005 г.). Вологда: Легия, 2005. С. 163–175. Она же. Колхозы, крестьянство и власть на Европейском Севере России в 1920–1930-е годы // История российского крестьянства XX века. Токио, 2006. С.511–536.
- ³ Лепя И., Петров И. Сельское хозяйство к X съезду советов Карелии // Советская Карелия. 1934. № 9–10. С.37.
- ⁴ Гильберт И. Сельское хозяйство // Советская Карелия. 1934. № 5. С.58.
- ⁵ Государственный архив Архангельской области. Ф.106. Оп.5. Д.249. Л.123.
- ⁶ Рассчитано по: Отчет III краевому съезду Советов. 1931–1934. Архангельск: Сев. КИК, 1935. С.64.
- ⁷ См., напр.: Глумная М. Н. Колхозы и МТС на Европейском Севере России в 1930-е гг.: к вопросу об организационно-хозяйственном укреплении колхозов // Институциональные реформы: история и современность. Материалы научной конференции. (г. Вологда, 6–7 апреля 2007 г.). Вологда: Легия, 2007. С.171–183.
- ⁸ Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 176. Л. 89.
- ⁹ Там же. Д. 175. Л. 156.
- ¹⁰ Там же. Л. 68.
- ¹¹ Там же. Д. 176. Л. 143.
- ¹² Там же. Л. 89.
- ¹³ Там же. Л. 175.
- ¹⁴ Там же. Д. 181. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Д. 176. Л. 170.
- ¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 183. Л. 29.

**КРАСАВИНО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: 1946 – 1947 гг.
(ПО ДОКУМЕНТАМ КРАСАВИНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ)**

Ценным источником по истории городов, районов и более мелких населенных пунктов являются документы местных Советов депутатов трудящихся, в частности – итоговые доклады их исполнительных органов, которые содержат информацию о работе советских органов, состоянии промышленности и социальной сферы. Данные документы содержат не только информацию о достижениях местных властей, но и критические выводы по работе советских органов. Так, по содержанию одного доклада Красавинского горисполкома можно в деталях восстановить жизнь города (поселка) Красавино Великоустюгского района Вологодской области в трудные годы послевоенного восстановления.

После Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Коммунистическая партия и Советское правительство развернули работу по выполнению пятилетнего плана, подъему сельского хозяйства. Более чем когда-либо от Советов требовалось умение развивать местную хозяйственную инициативу, приводить в движение еще неиспользованные резервы. Послевоенная обстановка, сложность стоящих перед страной задач требовали повышенной ответственности местных Советов за состояние всех отраслей хозяйства и социальной сферы. По документам Красавинского поселкового (с марта 1947 года – городского) Совета депутатов трудящихся можно судить, как эта работа проводилась на местном уровне¹.

До войны выборы в Красавинский поселковый Совет проводились в 1939 году. По 25-ти избирательным округам было избрано 25 депутатов, из них к 1946–1947 годам осталось только 13 депутатов. Двенадцать депутатов выбыли в период войны по различным причинам, 9 из них были мобилизованы на фронт, в том числе трое: Югов Максим Иванович, Тчанников Савватий Александрович, Перминов Савватий Иванович – пали смертью храбрых в боях за честь и независимость нашей Родины.

На 1-м заседании сессии Красавинского поселкового Совета депутатов трудящихся, состоявшемся в декабре 1939 года, было образовано 7 постоянно действующих комиссий, в состав которых вошли 24 депутата и привлечено 69 человек актива. На заседании 44-й сессии Красавинского поселкового Совета от 20 августа 1945 года были образованы еще 3 постоянно действующие комиссии, они также пополнились новым активом.

Таким образом, после войны в поселковом Совете насчитывалось уже 10 постоянно действующих комиссий, в состав которых входили 12 депутатов и 140 человек актива.

Наименование постоянно действующих комиссий Красавинского поселкового Совета и их состав ²:

Бюджетная	Пред.комиссии Старковский	18 чел.
Благоустройства	Пред.комиссии Корелин	15 чел.
Здравоохранения	Пред.комиссии Кандакова	15 чел.
Промышленная	Пред.комиссии Стрельцов	15 чел.
Торговая	Пред.комиссии Угловская	15 чел.
Народного образования	Пред.комиссии Баринава	15 чел.
Оборонная	Пред.комиссии Бушковский	11 чел.
Сельскохозяйственная	Пред.комиссии Паутов	14 чел.

Одной из задач постоянно действующих комиссий являлось оказание помощи поселковому Совету в укреплении связей с трудящимися, выявлении их нужд и запросов. Члены постоянно действующих комиссий принимали активное участие в подготовке вопросов, обсуждаемых исполкомом. На сессиях Красавинского поселкового Совета председатели комиссий выступали в качестве содокладчиков. Необходимо отметить значение отчетной кампании исполкома перед местным Советом, так как исполком отчитывался перед Советом и избирателями с 1939 года. Таким образом, депутаты проверяли состояние советской работы и критически анализировали деятельность исполнительного комитета.

За отчетный период (1946–1947 гг.) работы Красавинского городского (поселкового) Совета было проведено 63 сессии и 61 заседание исполкома, на которых обсуждались важнейшие вопросы хозяйственной и культурной жизни города (поселка) Красавино ³. Так, в 1946 году обсуждались вопросы: о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР, о подготовке к весенней посевной кампании, о выполнении плана товарооборота торговых организаций, о выполнении производственных планов промышленных артелей, о создании инициативного фонда при поселковом Совете для оказания материальной помощи инвалидам Великой Отечественной войны, семьям погибших на фронте и семьям военнослужащих, временно попавшим в нужду, об итогах работы школ, о работе жилищно-коммунального отдела, об использовании и утверждении бюджета поселкового Совета на 1946 год, о развитии местной промышленности и организации промысловой кооперации. В 1947 году рас-

смагивались следующие вопросы: о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства, исполнение бюджета, итоги учебно-воспитательной работы школ города и благоустройстве города.

Однако следует отметить, что в работе поселкового, а затем городского Советов имели место значительные недостатки:

– в 1946 году исполком провел только 7 заседаний сессий, а в 1947 году – 6, хотя Конституция СССР требовала их ежемесячного созыва;

– в своей работе исполком не достиг того, чтобы на сессиях рассматривались разнообразные и актуальные для города вопросы;

– иногда сессии городского Совета превращались в своеобразное совещание хозяйственного актива, так, на 63-й сессии Красавинского горсовета присутствовали 13 депутатов и более 25 человек приглашенных. В обсуждении доклада выступил один из 13-ти депутатов и 7 активистов ⁴.

Следует также отметить, что исполком не всегда привлекал депутатов к повседневной работе Совета, поэтому треть членов Совета не принимала участие в его работе. В своей деятельности исполком основную часть времени затрачивал на составление проектов решений по различным вопросам, а организацией их исполнения по-настоящему не занимался. Так, за 1947 год на заседаниях исполкома Красавинского горсовета вынесено 37 решений, исполнено только 12. Одной из проблем, повлиявшей на деятельность Совета, была частая смена руководства. С 1939 года по 1947 год руководство исполкома менялось 4 раза, неоднократно менялось и руководство Совета ⁵.

Таким образом, перед исполкомом в послевоенный период встали задачи улучшения организационно-массовой работы, вовлечения в деятельность Совета каждого депутата, активизации работы постоянно действующих комиссий, изменения отношения к заявлениям и жалобам трудящихся.

Значительный интерес для анализа представляют сведения о задачах, решаемых партийными и советскими органами в важнейших отраслях народного хозяйства. Основными задачами в сфере народного образования являлись: реализация закона о всеобщем обязательном образовании детей, улучшение учебно-воспитательной работы, повышение квалификации людей, проведение внеклассной работы, обеспечение всех условий для плодотворной работы учащихся. В 1947 году на народное образование в г. Красавино из местного бюджета было израсходовано 538 400 рублей ⁶. Всего в городе Красавино в 1947 году было 6 школ, 1567 учащихся, в том числе средняя школа № 15 (436 чел.), неполная средняя школа № 16 (359 чел.), начальная школа № 14 (318 чел.), начальная школа № 17 (226 чел.), вечерняя школа для рабочей молодежи (95 чел.), школа ФЗО (133 чел.). Кроме того, в городе имелось 8 детских учреждений: 5 детских садов, 1 ясли, 1 детский дом, 1 детский санаторий ⁷.

В послевоенные годы городской Совет и учительство города провели значительную работу, направленную на выполнение закона о всеобщем семилетнем обучении в городе. Во всех школах города имелись достижения в улучшении качества учебно-воспитательной работы, лучшие коллективы учителей и отдельные работники школ своим упорным трудом добились хороших результатов в учебно-воспитательной работе с учащимися, о чем свидетельствовали результаты весенних экзаменов в 4-7 классах и экзамены на аттестат зрелости в 10-х классах, проведенные весной 1947 года. В школах города значительно выросли пионерские и комсомольские организации, улучшилась и внешкольная работа, в школьных кружках города работало 700 чел. учащихся, улучшилась дисциплина в школах, улучшился контроль за работой учителей со стороны директоров и заведующих школ. Но вместе с тем в работе школ города исполком отмечал и ряд серьезных недостатков. Успеваемость учащихся школ города оставалась низкой: 247 учащихся были оставлены на повторный курс обучения, 90 учащихся – на осеннее испытание.

В 1947 году на отдел здравоохранения из местного городского бюджета было выделено 2 074 700 рублей ⁸. В 1947 году в городе Красавино существовала следующая сеть лечебных учреждений: городская больница, амбулатория, здравпункт, малярийный пункт, тубсанаторий, ночной и детский санатории, детская и женская консультации, молочная кухня, детские ясли, госсанинспекция, рентгеновский кабинет. В докладе горисполкома отмечалось, что в 1947 году город почти полностью был обеспечен врачами всех специальностей, что наряду с профилактическими мерами дало возможность избежать в 1947 году крупных эпидемий и таких болезней, как корь, скарлатина, тиф.

В г. Красавино проживали 103 инвалида Великой Отечественной войны, которые получали государственные пенсии в соответствии с группой инвалидности. Исполком Красавинского городского Совета депутатов трудящихся оказывал им большую материальную помощь: кожаная обувь – 150 пар, валяная обувь – 15 пар, бельевое полотно – 300 м, хлопчатобумажное – 57 м, трикотаж – 15 штук, хлеб печеный – 20 кг, картофель – 150 кг ⁹. Также оказана материальная помощь семьям погибших на фронте и демобилизованных из Советской армии: кожаная обувь – 53 пары, валяная обувь – 5 пар, мануфактура – 114 м, трикотаж – 115 штук ¹⁰. Тридцати двум детям-сиротам, находящимся на патронировании городского Совета, ежемесячно выдавалось по 50 рублей каждому, хлебные карточки («вместо 300 грамм – 400 грамм»), а также была оказана материальная помощь в размере 4700 рублей, выделены 81 пара кожаной обуви, 22 пары валяной обуви, 743 м мануфактуры, 32 штуки трикотажа ¹¹. По линии государства большая помощь оказывалась многодетным

и одиноким матерям, которых в Красавино насчитывалось 170. Многодетные матери, родившие и воспитавшие 5 и более детей, имели право на награждение орденами и медалями материнства (в Красавино – 39 человек)¹².

Значительное внимание в деятельности городского исполкома и Совета уделялось вопросам состояния и развития промышленного производства. Государственная промышленность была представлена Красавинским льнокомбинатом и Удимским леспромхозом, промышленная кооперация – артелями «Красный Инвалид» и «Красный Кустарь», местная промышленность – Красавинским торгом и мастерскими райпромкомбината. В 1946 году были выполнены производственные планы Красавинским льнокомбинатом на 106%, Удимским ЛПХ – на 127%, артелью «Красный Инвалид» – на 122,7%, артелью «Красный Кустарь» – на 103%. В 1947 году не выполнили свои производственные планы артели «Красный Инвалид» (94,1%), и «Красный Кустарь» (66,1%)¹³.

Постоянно на повестке дня исполнительной власти стоял вопрос о работе подсобных хозяйств предприятий, обеспечивающих продовольственное снабжение рабочих. В 1946 году в Красавино у предприятий и организаций имелось 10 подсобных хозяйств, занимавших площадь 88,5 га, а в 1947 году – 101,4 га. В том же году под индивидуальные огороды трудящихся было выделено 113,42 га и обеспечено земельными участками 3413 семей, а в 1947 году под индивидуальные огороды уже использовались 138,45 га, обеспечивалось земельными участками 4166 красавинских семей. В 1946 году в поселке Красавино числилось 93 головы крупного рогатого скота и 486 коз, а в 1947 году уже имелось 96 коров и 563 козы¹⁴.

Снабжение города товарами первой необходимости обеспечивали Красавинский Торг, ОРС льнокомбината, ОРС Удимского ЛПХ и некоторые другие организации. Розничная торговая сеть в городе на 25 августа 1947 года включала 14 магазинов и 3 ларька. Сеть предприятий общественного питания состояла из 4-х столовых и 2-х чайных. 10 сентября 1947 года на 4-ом участке открылась третья чайная¹⁵. Товарооборот по городу Красавино выполнялся успешно: за первую половину 1947 года Красавинским Торгом – на 111,5%, ОРСом льнокомбината – на 122%, ОРСом Удимского леспромхоза – на 120%. За 1946 год по всем торгующим организациям допущено 125 случаев растрат и хищений на сумму 178 110 рублей. Горисполком признавал, что в работе торговых организаций города имели место перебои в торговле товарами первой необходимости: соль, спички, керосин и другие товары¹⁶.

Общая полезная площадь жилого фонда в г. Красавино по состоянию на 1 августа 1947 года составляла 64487 кв.м, в том числе жилая площадь – 56287 кв.м. На одного жителя Красавино приходилось жилой площади – 5,2 кв.м.

Основная часть жилой площади принадлежала предприятиям и организациям: Красавинскому льнокомбинату (18 253 кв.м), Удимскому ЛПХ – 7374 кв.м, другим организациям и учреждениям города – 6928 кв.м. Жилая площадь частного сектора домовладений составляла 18700 кв.м.¹⁷ Из строений жилого фонда принадлежало городскому Совету – 38 домов, Красавинскому льнокомбинату – 103 дома, другим организациям и ведомствам – 111 домов, частному сектору (индивидуальная застройка) – 738 домов¹⁸. Капитальный ремонт был фактически проведен в 81 доме, затрачено 515 939 рублей. Владельцам частных домов через коммунальный банк было выдано на новое строительство ссуд на сумму 60000 рублей, построено 210 кв.м жилой площади¹⁹.

В 1947 году городской Совет предусматривал проведение следующих работ по благоустройству города с финансированием в объеме 170 000 рублей:

- благоустройство сквера Ленина (15000 руб.);
- строительство водоема на уч. №3 (22500 руб.);
- улучшение водопроводной сети и капитальный ремонт действующего водопровода (35000 руб.);
- строительство грунтовых дорог протяженностью 100 п.м (7500 руб.);
- строительство тротуаров протяженностью 1200 п.м (25 000 руб.);
- мощение и ремонт дорог протяженностью 500 п.м булыжным камнем (7000 руб.);
- ремонт мостов и переездов (30000 руб.);
- зеленое строительство 1 га (3000 руб.);
- строительство парка культуры и отдыха (25000 руб.).

Общий объем бюджета городского Совета на 1947 года составил по доходам 2 783 400 рублей и такую же сумму по расходам²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 марта 1947 года поселок Красавино Великоустюгского района Вологодской области был преобразован в город районного подчинения. (Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА)). Ф.Р–147. Оп.1. Д.1153. Л.2.

² ВУЦА. Ф. Р–969. Оп.1. Д.69. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Лл. 4–5.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же Л. 8.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же. Лл. 10, 11.

¹² Там же. Л.12.

¹³ Там же. Л.13.

¹⁴ Там же. Л.14–15.

¹⁵ Там же. Л.15.

¹⁶ Там же. Л.15–16.

¹⁷ Там же. Л.17.

¹⁸ Там же. Л.17.

¹⁹ Там же. Л.17–18.

²⁰ Там же. Л.19.

А. А. Яскунова

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В КОЛХОЗНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

(В КОНЦЕ 1930-х – 1950-е гг.)

Труд – важнейшая составляющая жизни крестьянина. В 1930-е гг. в результате раскрестьянивания существенные изменения претерпели формы организации повседневного крестьянского труда, мотивации колхозников к выполнению своих обязанностей. В данной статье планируется рассмотреть повседневные организационные формы трудовой деятельности колхозников Вологодской области в указанный период, проследить становление и трансформацию этих форм, а также выявить отношения к ним простых крестьян.

Процесс раскрестьянивания, как известно, включает в себя две составляющие – внешнее и внутреннее раскрестьянивание ¹. По мнению Н. А. Ивницкого, наиболее важным в этом процессе явилась насильственная коллективизация начала 1930-х гг., когда крестьянин не только был отчужден от орудий труда и средств производства, был превращен даже не в наемного работника, а в раба колхозной системы ². В 1930 – 1950-е гг. сложилась особая система крестьянских повинностей, которая включала в себя отработочную, натурально-продуктовую и денежную ³. Окончательно в форме повинности работа в общественном хозяйстве колхоза

была закреплена 17 мая 1939 года. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР был установлен обязательный годовой минимум трудодней, который распространялся на нетрудоспособных и подростков ⁴.

Трудодень – мера затрат труда и мера потребления в колхозах, применявшаяся в 1930 – первой половине 1960-х гг.; служила основой распределения доходов ⁵. Оплата труда колхозников не была гарантированной, колхоз распределял денежные и натуральные доходы после того, как рассчитался с государством по налогам и платежам, государственным поставкам, сформировал специальные внутренние фонды. По данным Л. В. Изюмовой, в районах европейского Севера России каждый трудоспособный колхозник обязан был в течение года выработать 60 трудодней, а с апреля 1942 года – 100 трудодней ⁶. В период Великой Отечественной войны была установлена уголовная ответственность за невыполнение обязательного минимума трудодней.

Трудодень являлся одной из важнейших составляющих колхозной жизни. Анализ частушечного творчества колхозников свидетельствует о большой роли трудодня в жизни колхозников, в том числе о негативном отношении к трудовой повинности в колхозе. Трудодни крестьяне именovali «палочками и палками», выражали недовольство уровнем оплаты трудодня, отдельно в частушках поднималась тема «веса» трудодня и несправедливого распределения самих «палочек», а так же продуктов и денег на них.

Задушевная подружка,
Хорошо в колхозе нам.
У нас каждая горошина
И та по трудодням ⁷.
(1940 – 1950 гг.)

Бригадир идет по полю, –
Начинает брать тоска:
Он намеряет, да мало, –
Вот и черная доска ⁸.
(1940 – 1950 гг.)

Хорошо тому живется,
Бригадир кому родня:
Поработает немного,
Пишет боле трудодня ⁹.
(1940 – 1950 гг.)

Труд колхозный уважаем,
Всегда будем с урожаем.
Только жаль, что за наш труд
Нам лишь «палочки» дают ¹⁰.
(1940 – 1950 гг.)

Власти стремились к выполнению обязательного минимума трудодней всеми колхозниками. Но, как свидетельствуют архивные материалы, огромной проблемой для руководства было нарушение трудовой дисциплины колхозниками. Многочисленные факты нарушения трудовой дисциплины фиксировали уполномоченные обкома ВКП(б) по районам Вологодской области. Можно выделить следующие факты нарушения трудовой дисциплины: не выход на работу или прогул, отказ от выполнения работ, пьянство в рабочее время и др. Причины нарушений были различны. Колхозники стремились обеспечить себе достойный уровень

жизни, работая на приусадебном участке, собирая ягоды и грибы в лесу, женщины занимались воспитанием детей. Иногда нарушение трудовой дисциплины являлось, своего рода, социальным протестом, выражением недовольства колхозной системой организации труда. Так, это зафиксировал уполномоченный в колхозах «Правда», «Правда Севера», «1-е мая», «Рабоче-крестьянский», «Красный металлист» в декабре 1940 года, 40% трудоспособных не выходят на работу ¹¹. Колхозница колхоза «1-е мая» Пирогова Анна с семьей в 1938 году заработала всего 60 трудодней, «а клюквы продала на сумму 4200 р.» ¹². Случаи нарушения трудовой дисциплины обсуждались на общих собраниях членов колхоза. За нарушение крестьяне могли получить выговор, штраф в виде списания трудодней, самой крайней мерой считалось исключение из колхоза. В период конца 1930-х – 1950-е гг. проблема соблюдения трудовой дисциплины в колхозах так и не была решена.

Трудовая деятельность колхозников была четко регламентирована Примерным Уставом сельскохозяйственной артели, принятым II Всесоюзным съездом колхозников-ударников в феврале 1935 года. По Уставу одной из важных форм организации труда крестьян являлась производственная бригада. Производственные бригады создавало правление из числа колхозников (полеводческие – «на срок не менее полного севооборота» и животноводческие – «на срок не менее трех лет») ¹³. Работу между членами бригады распределял бригадир. По данным О. М. Вербицкой, во второй половине 1940-х гг. в колхозах, кроме полеводческих бригад, стали создаваться специализированные производственные бригады (овощеводческие, «по кормодобыванию», садоводческие, виноградарские и др.), а с середины 1950-х гг. – комплексные полеводно-животноводческие бригады, которые обслуживали весь цикл сельскохозяйственных работ в двух взаимосвязанных отраслях ¹⁴.

В Вологодской области в 1955 году в 1341 колхозе существовало 5301 полеводческая бригада, 33 бригады «по кормодобыванию» и 87 овощеводческих бригад. В 1956 году в сводном годовом отчете колхозов области зафиксирована численность комплексных бригад (обслуживающих животноводство и растениеводство) – 2354 бригады на 1363 колхоза области ¹⁵. Важной составной частью создания бригад являлась ликвидация так называемой «обезлички» в пользовании землей и сельскохозяйственным инвентарем. За каждой бригадой закреплялся определенный участок пашни или сенокоса, а также инвентарь для работы. Одним из важных требований было сохранение состава бригады на весь период сельскохозяйственных работ (от весеннего сева до уборки урожая).

В 1930 – 1940-е гг. колхозники Вологодской области использовали традиционный (общинный) принцип комплектования бригад. Так, в колхозе «Большевик» Вожегодского района число бригад равнялось числу населенных пунктов, из которых состоял колхоз¹⁶. Такой принцип комплектования был удобен для колхозников, но количество членов в бригадах и объемы выполняемых работ в разных бригадах существенно отличались. Например, в том же колхозе «Большевик», за первой бригадой закреплялось 20 трудоспособных колхозников и 44 га пашни, за второй – 19 колхозников и 46 га, за третьей соответственно – 13 и 30¹⁷.

Зачастую колхозники выполняли работу сообща, и во многих колхозах Вологодской области к 1950 году бригады существовали формально. Так, по свидетельству уполномоченного, в колхозе «Дружные всходы» Харовского района «все работы производятся сообща. Делается это так: в период весенней посевной кампании выбирается участок пахоты и на его обработку направляются пахари обеих бригад. Обработали один участок, посеяли, переходят на другой и т.д. Уборка происходит также сообща, скопом. [...] учет в разрезе бригад не ведется. Если производится списание трудней за невыполнение плана, то списывается с обеих бригад одинаково»¹⁸.

По данным проверки, проведенной в колхозах области в 1950 году представителями Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Вологодской области (проверкой было охвачено 188 колхозов), организация бригад имела серьезные недостатки. Было выявлено, что бригады в преобладающем большинстве колхозов являются мелкими, непостоянными, планирование работы в бригадах осуществляется формально, происходит частая смена бригадиров¹⁹.

Особое место в организации труда колхозников занимала звеньевая система. По мнению О. М. Вербицкой, звенья существовали лишь внутри бригад в период полевых работ и не всегда сохранялись до конца уборки. При этом на звенья делились далеко не все бригады, а лишь наиболее многочисленные... Звеньевая система была практически незаменима там, где еще мало использовалась техника²⁰. Становление звеньевой организации труда в Вологодской области происходило постепенно. Наиболее удобной и передовой в этом отношении оказалась льноводная отрасль. Согласно данным анализа производственной деятельности шести льносемянниц Вологодской области в 1939 г. звеньевая система организации труда создавалась повсеместно. Она позволяла колхозникам распределять премии и надбавки, получать высокий урожай. За звеньями закреплялась определенная посевная площадь. Численность звена коле-

балась от 3 до 5 человек. Звеньевые организовывали всю работу, начиная с подготовки к севу и кончая сдачей семян, кроме того они являлись инициаторами разветвления стахановского движения²¹.

В период своего становления звеньевая организация труда была непрочной. В 1940-е гг. в Вологодских колхозах наблюдался массовый распад звеньев (обычно в середине или в конце посевной, либо уборки). Причины такой ситуации состояли в следующем: перевод звеньевых на другие руководящие посты в период Великой Отечественной войны; кадровые перестановки, «трудности в момент уборочной»²², недостаток рабочей силы, «боязнь ответственности»²³.

В послевоенный период звеньевая система организации труда не потеряла своего значения. В Вологодской области звенья внутри бригад формировались повсеместно во всех отраслях. Так, по данным сводного годового отчета по колхозам области за 1955 год в колхозах области было организовано 784 звена в полеводческих бригадах, 13 звеньев в бригадах по кормодобыванию, 169 – в овощеводческих²⁴.

Организация жизни колхозника, его распорядок дня полностью зависел от трудовой деятельности, от работы, которую он должен выполнять. Во многих колхозах закреплялись правила внутреннего распорядка дня. Так, в колхозе «Большевик» Борисово-Судского района распорядок дня был следующий: продолжительность рабочего дня «декабрь – январь (зимние работы) – с 8 до 16 ч 30 мин; февраль (подготовка к весеннему севу) – с 7 до 19 ч; весенний сев – с 6 до 21 ч 30 мин; сенокос – с 3 до 22 ч; осенние работы – с 7 до 19 ч»²⁵. Таким образом, наиболее трудным для колхозника был период весенне-полевых работ и сенокоса. Необходимо отметить, что именно в этот период правление колхоза имело право продлить период работы, но с введением дополнительного перерыва на завтрак.

Не только работы в поле были полностью регламентированы по времени. Так, рабочий день конюха начинался в 2 – 3 часа утра, а заканчивался в 9 – 10 часов²⁶. А работа доярки начиналась в 4 часа утра. Причем особенностью являлось то, что доярке необходимо в определенное время кормить и доить корову, кроме того, убирать навоз и чистить животное.

Таким образом, в колхозах Вологодской области в конце 1930-х – 1950-е гг. складываются такие формы организации труда как бригада и звено. Трудовая деятельность крестьян полностью регламентируется и зависит от особенностей выполняемой работы, от необходимости выполнения обязательного минимума трудовых, от организации труда в колхозе. Тем не менее, в среде колхозников в этот период имеются факты отступления от регламентированного образа жизни, нарушения определенных правил и порядков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. – М. – Вологда, 1991. С. 224 – 226.
- ² Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. // Отечественная история. 1994 № 2. С. 50–51.
- ³ Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах. Вологда, 2001. С. 6.
- ⁴ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938 – 1940 годы. М., 1940. С. 41 – 47.
- ⁵ Осипов Н.Т. Некоторые вопросы оплаты труда в колхозах // Правоведение. 1959. – № 1, с. 55 – 67.
- ⁶ Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах. Вологда, 2001. С. 55.
- ⁷ Частушки / Сост., авт предисл. и коммент. Л.А. Астафьева. – М., 1987. С. 165.
- ⁸ Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М., 1990. С. 157.
- ⁹ Частушка. – М.–Л., 1966. С. 409.
- ¹⁰ Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: В 2 т. Т. 2: Политические частушки. / Издание подгот. А.В. Кулагина. – М., 1999. С. 37.
- ¹¹ Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 181. Л. 2.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967, с. 519 – 530.
- ¹⁴ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40 – начало 60-х гг. М., 1992. С. 39.
- ¹⁵ Рассчитано по: Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 1705. Оп. 22. Д. 57, 60.
- ¹⁶ ГАВО. Ф. 1705. Оп. 9. Д. 435. Л. 72.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 73.
- ¹⁹ Там же. Д. 435. Л. 60 – 70.
- ²⁰ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40 – начало 60-х гг. М., 1992. С. 40
- ²¹ ГАВО. Ф. 1705. Оп. 9. Д. 4. Л. 42, 55, 56, 57, 70, 76, 90.
- ²² Там же. Д. 39. Л. 88.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Оп. 22. Д. 57.
- ²⁵ Правила внутреннего распорядка колхоза «Большевик» Ново-Лукинского сельского совета // Колхозный путь. Орган Борисово-Судского райкома ВКП(б) и райисполкома. 1939, № 56 от 7 мая. С. 2 – 3.
- ²⁶ Хороший конь обеспечит успех весеннего сева. совета // Колхозный путь. Орган Борисово-Судского райкома ВКП(б) и райисполкома. 1942, № 34 от 18 марта. С. 2.

ПИСЬМА КРЕСТЬЯН КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ 1960 – 1970-х гг.

В советской и современной литературе достаточно много написано о судьбе российского Нечерноземья. Действительно, развитие данного региона, населенного преимущественно русскими, сложилось трагически. Переселение «неперспективных деревень», миграция жителей в города, падение рождаемости привело к значительному снижению числа сельских жителей. Цифры статистики передают лишь тенденцию количественных и качественных изменений, происходивших на селе. Между тем изучение жизни обычной крестьянской семьи, отдельного человека значительно дополняют круг исследований социально-демографических процессов.

Одним из важных источников по этой теме являются бюджетные обследования семей колхозников. Обследования позволяют проследить жизнедеятельность крестьянских семей по ряду параметров на протяжении нескольких лет. Бюджетные обследования отражают натуральные и денежные доходы семьи, расходы, иные поступления, изменения в составе семьи. Совершенно очевидно, что жизнь семьи колхозника постепенно менялась. Совершалось больше покупок (т.к. расширялась сеть торговых заведений), росли денежные поступления, личное подсобное хозяйство колхозников постепенно утрачивало натуральный характер. Одними из наиболее нуждающихся семей были многодетные семьи и семьи пенсионеров-одиночек. Важную роль играл социальный статус главы семьи – чем значительнее была занимаемая должность, тем выше был уровень обеспеченности семьи.

В фонде министерства сельского хозяйства СССР Российского государственного архива экономики (РГАЭ) содержится ряд обращений колхозников Брянской области, поступивших в министерство в конце 1960-х гг. Одно из обращений направил министру сельского хозяйства колхозник-пенсионер Ч. из деревни Сныткино: «Вот я скажу Вам, что у нас много колхозов и совхозов, а доярки даже молока не кушают, ибо своих коров не имеют. Не продает нам государство зерно, мясо, очень редко рыбу, а арбузы – никогда. Особенно плохо людям больным и детям. У нас в деревне сейчас хуже, чем было в 1941 году. Дороги разбиты, колодцы грязные. На всю деревню один магазин. Самые ходовые товары завмаг продает родственникам и председателю сельсовета. На день сельского хозяйства выдали колхозникам по два рубля денег и все. Наши колхозники получали за труд граммы зерна, а сейчас дают пенсию 12 рублей,

нет столовых в деревне, домов для инвалидов». Какова же была реакция органов власти на данное обращение? Была запрошена справка об авторе письма и получена следующая информация: Ч.Д.Ф. – инвалид, за 2 года написал в различные инстанции более 70 писем, во время оккупации работал на немцев, был кладовщиком, спекулировал солью. Рассмотрение жалоб считаем законным, большинство данных, изложенных в письме, не подтвердилось ¹.

При этом проведенные проверки в Красовском районе Брянской области в конце 1960-х гг. показали, что «во многих сельских магазинах района в продаже не всегда имеется хлеб, а если и есть, то черствый. ...В магазинах нельзя купить рыбу, сельдь, колбасных изделий, рис, гречневую крупу. ...Проблемы со спичками и солью. ...Плохо обстоит дело с продажей дошкольной и школьной одежды и обуви. ...Невозможно в сельских магазинах купить топор, лопату, вилы, бидоны. Колхозникам приходится отрываться от работы и ездить в Брянск» ². Брянский облисполком обращал внимание в 1968 г. на неправильное распределение фондов промышленных и продовольственных товаров между городом и селом. В 1967 г. товарооборот в среднем по области составил 473 руб., в том числе по госторговле 710 руб., по линии потребкооперации в сельской местности 174 руб., что в 4,1 раза меньше, чем в городе ³.

Поступали от колхозников и жалобы на руководителей колхозов и совхозов. Одно из обращений было направлено в адрес министерства сельского хозяйства по поводу недопустимого поведения председателя колхоза «Победа» Унечгского района Брянской области. Колхозники пишут: «Председатель А. работает у нас около 8 лет. ...За это время он сумел выстроить себе в Рюхово за счет колхоза дом, сарай, баню, подвал, забор. Выстроил дом в Белоруссии, в Аленовке, а также взял лес у государства и продал его. Также сумел купить мотоцикл «Урал». ...Если председатель копит злобу на колхозника, то он может лишить приусадебного участка, не дать помощи. Сам имеет личного шофера, конюха, прислугу. Взял себе земельный участок в колхозной полосе. ...Жена его нигде не работает, а если колхозница имеет 6 детей, самому старшему 10 лет, а младшему 3 месяца, за невыход на работу с таких женщин снял около 3 тысяч трудодней за два года» ⁴. Проверка данного обращения показала, что сведения подтвердились лишь частично, председатель был предупрежден.

Официально достаточно долго не признавались просчеты советского руководства в организации колхозного строя. Социально-бытовая неустроенность деревни воспринималась как временное явление, не оказывающее решающего воздействия на жизнь обычного колхозника. В стенографическом отчете Третьего Всероссийского съезда колхозников, состоявшегося в Москве в ноябре 1969 г. было сказано: «В процес-

се колхозного строительства мы не избежали ряда ошибок. Но это были ошибки поиска, ошибки из-за отсутствия опыта. ... Конечно, еще и по сей день находятся любители преувеличивать издержки в большом революционном деле. ... Колхозный строй принес крестьянству новую жизнь, свободу от эксплуатации, нищеты, постоянного страха за себя, за семью, за хозяйство. ... С точки зрения социальной колхозный строй не только избавит трудовое крестьянство от эксплуатации и нищеты, но и позволит установить в деревне новую систему общественных отношений, которые ведут к преодолению классовых различий в современном обществе»⁵.

В целом обращения крестьян в Министерство сельского хозяйства достаточно полно дают описание состояния дел в колхозах Нечерноземья. Очевидно, что в конце 1960-х гг. социально-экономическое развитие данного региона оставляло желать лучшего. Помимо неразвитости сельской инфраструктуры, колхозники получали крайне низкую заработную плату, испытывали постоянное давление со стороны колхозного начальства. Индивидуальной реакцией-протестом против существующего положения дел являлась миграция крестьян в город. Жалобы, направленные колхозниками, как правило, проверялись, но конкретных мер по исправлению ситуации не следовало. Проверяющие ограничивались частичными замечаниями в адрес руководителей колхозов, некоторые санкции применялись к жалобщикам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1859. Лл. 46–49.

² Там же. Л. 39.

³ Там же. Л. 40.

⁴ Там же. Д. 2016. Лл. 82–84.

⁵ Там же. Д. 1881. Лл. 10–11.

М. Н. Слатова

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГОРОДСКОЙ КИНОСЕТИ И ЕЕ ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С 1939 ГОДА ПО 1985 ГОД

(ПО ДОКУМЕНТАМ МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

«МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АРХИВ г. ВОЛОГДЫ»)

На хранении в муниципальном архиве г. Вологды находятся документы по личному составу и основной деятельности Вологодской городской киносети, кинотеатров г. Вологды.

До 1968 года кинотеатры и киноустановки г. Вологды находились в подчинении треста «Волкино» и Вологодского областного управления кинофикации.

В июле 1939 года в Вологде, на площади Революции после ремонта был открыт кинотеатр им. Горького, который находился в здании Спасо-Всеградского собора. Прибыль от показа кинофильмов в год открытия составила 223,5 тысяч рублей ¹. План был выполнен на 103%. В августе 1939 года в кинотеатре перед сеансами стал выступать джаз – оркестр. В состав оркестра входили скрипачи, саксофонисты, трубачи и другие музыканты. Некоторые из них являлись студентами музыкального училища г. Вологды. Оркестру запрещалось играть «на стороне» без согласия дирекции ². Строго обстояло дело с дисциплиной. Так, киномеханик ... за опоздание на работу на 3 минуты, в мае 1941, был строго предупрежден, а за опоздание билетера ... на 25 минут, в ноябре 1939 года, последняя была снята с работы. Но это были единичные случаи. Все работники трудились самоотверженно на благо развития своего кинотеатра. В приказе директора кинотеатра им. Горького к 20-летию советского кинематографа от 21 февраля 1940 года указывалось: «...своим стахановским трудом и повседневной заботой культурного обслуживания трудящихся г. Вологды выведем кинотеатр на первое место в области...» ³.

В предвоенное время в кинотеатре им. Горького показывали киножурналы, самым популярным из них был «Чапаев с нами» ⁴. Во время войны демонстрировали художественные фильмы, такие как «Зоя», «Украина», документальные фильмы про войну. Многие работники кинотеатра, в том числе и сам директор, в первые дни войны были мобилизованы в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В сентябре 1941 года на случай воздушной тревоги в кинотеатре была создана группа самозащиты ⁵. На чердаке в каждом углу находились ящики с песком, бочки с водой для тушения пожаров ⁶. В 1944 году в кинозале была установлена радиоточка для передачи «важных сообщений». Работниц, которые «честно и добросовестно трудились на своем посту, давая возможность трудящимся города получить культурный отдых после напряженного труда»⁷, премировали отрезами ткани на «летнее платье», бельем. Сотрудники кинотеатра оказывали помощь по добыче торфа на Вологодском предприятии «Новый Север» ⁸.

В первые годы после Великой Отечественной войны в кинотеатре стали больше демонстрировать художественных фильмов, среди которых: «Дети капитана Гранта», «Маленький погонщик слонов», «Центр нападения», «Собор Парижской богородицы», «Немая баррикада», «У них есть Родина».

Были в кинотеатре им. Горького и чрезвычайные происшествия. Так, в марте 1951 года во время быстрой перемотки вручную кинофильма «Новый Гулливер» воспламенилась пленка, в результате чего сгорело 70 метров фильма. Пожара в кинотеатре удалось избежать благодаря «находчивости и быстроте действий»⁹ кинемеханика.

За перевыполнение плана работников кинотеатра поощряли как денежной премией, так и различными вещами, в том числе свитерами, трико, настольными часами. Для детей сотрудников ежегодно выделялись средства на приобретение путевок в загородные лагеря, книг-подарков в связи с успешным окончанием учебного года¹⁰. Ежегодной традицией стало проведение новогодних елок. Так, в приказе директора объединенных кинотеатров им. Горького и «Искра» (объединение состоялось в ноябре 1960 года)¹¹ от 27.12.1961 года № 66 читаем: «В связи с установкой новогодней елки в фойе кинотеатра «Искра» ответственность за пожарную безопасность возложить на пожарника кинотеатра ...»¹².

В целях улучшения руководства работой городских кинотеатров в 1968 году была создана Вологодская городская дирекция киносети, в состав которой входили 14 киноустановок г. Вологды, в том числе 6 кинотеатров: им. Горького, «Искра», «Октябрь», «Родина», «Спутник», «Мир».

В январе 1969 года на базе кинотеатра «Искра» начал свою деятельность специализированный детский кинотеатр «Салют». В 1971 году кинотеатр им. Горького был передан кинотеатру «Салют» на правах филиала¹³. Работники кинофикации осуществляли подбор соответствующего детского кинорепертуара, активизировали деятельность специализированного детского кинотеатра «Салют». В кинотеатре работу с детьми проводил педагог-организатор¹⁴. Самыми активными внештатными киноорганизаторами по распространению билетов были школьники¹⁵. При кинотеатре также действовал передвижной кинотеатр «Малыш».

В октябре 1975 года в «Салюте» большой зал был переведен на автоматический кинопоказ. Помимо демонстрации фильмов в кинотеатре проходили вечера, различные конкурсы, такие как «А ну-ка, девушки». Кинотеатр «Салют» в 1979 году занял первое место в смотре-конкурсе киноаппаратных.

В год сорокалетия Победы советского народа в Великой Отечественной войне большое внимание уделялось демонстрации фильмов военно-патриотической тематики. С января по май 1985 года проводился кинофестиваль «Победа». Открылся он в кинотеатре «Салют» премьерой хроникально-документального фильма «Маршал Жуков. Страницы биографии». Премьерными сеансами вышли на экран многие советские фильмы о Великой Отечественной войне. На основании распоряжения государственного комитета РСФСР по кинематографии от 10 июня 1986

года № 01-23/85 «за лучшую организацию кинообслуживания детей и подростков по итогам Всесоюзного смотра-конкурса специализированных детских, общенациональных кинотеатров и школьных киноустановок»¹⁶ кинотеатр «Салют» был награжден переходящим знаменем и дипломом ЦК ВЛКСМ.

В связи с закрытием кинотеатра им. Горького в августе 1971 года всех работников кинотеатра перевели во вновь открывшийся широкоформатный кинотеатр имени Ленинского комсомола. Возводили кинотеатр рабочие строительных управлений №№ 208, 210, 211¹⁷. Ежегодно план по кинопосещаемости перевыполнялся. В 1973 году в кинотеатре прошел областной фестиваль молодежи¹⁸. В 1982 году комиссия при городской киносети по итогам соревнования присудила кинотеатру им. Ленинского комсомола звание «Кинотеатр высокой культуры»¹⁹. В октябре 1957 года был открыт кинотеатр «Родина». Кроме демонстраций фильмов работники кинотеатра «Родина» организовывали выставки. Так, к 50-летию Октябрьской революции в фойе кинотеатра прошла выставка «Город Вологда и область за 50 лет».

В январе 1961 года на ул. Лечебной в г. Вологде начал функционировать кинотеатр «Октябрь».

Для культурного обслуживания жителей п. Молочное на ул. Набережной в 1959 году был открыт кинотеатр «Мир».

Каждый кинотеатр своими силами обслуживал киноустановки в клубах, на предприятиях города. Так, киноустановки городского Дома культуры, мебельной фабрики были подведомственны кинотеатру «Родина». «В целях повышения культуры обслуживания зрителей, улучшения культуры труда» у работников кинотеатров была единая форма одежды²⁰. Лучших внештатных киноорганизаторов (распространителей билетов) «за активную работу по привлечению зрителей и пропаганду советских фильмов»²¹ поощряли денежной премией, награждали почетными грамотами. В период эпидемии гриппа в кинотеатрах между сеансами проводили проветривание помещений, делали влажную уборку с хлоркой. Перерывы между сеансами увеличивались до 30 минут, поэтому демонстрация художественных фильмов начиналась без хроникально-документальных фильмов²².

В советское время кинотеатры совместно с правоохранительными органами проводили работу по профилактике правонарушений. Так в приказе директора городской киносети от 21.06.1973 года № 30 читаем: «За последние два года кинотеатры города Вологды совместно с административными органами проделали определенную работу по профилактике правонарушений средствами советского кино ... В кинотеатрах организовано проведение кино клубов «Человек и закон», «Подросток и

закон», «Светофор» и тематический показ фильмов под девизом: «Пьянству – бой»»²³. В 1973 году при Вологодской дирекции киносети и Отделе внутренних дел Вологодского горисполкома был создан совет по профилактике правонарушений для координации работы кино клубов и оказания им практической помощи.

В 1985 году в Вологде функционировали пять стационарных кинотеатров. Это широкоформатный специализированный молодежный кинотеатр имени Ленинского комсомола, детский специализированный кинотеатр «Салют», широкоэкранные кинотеатры: «Родина», «Октябрь» и «Спутник». В поселке Молочное работал кинотеатр «Мир». Также кинопоказы проводились во Дворце культуры железнодорожников, Доме офицеров. Киноустановки имелись во многих школах, рабочих общежитиях, медицинском училище, педагогическом институте, городском Доме пионеров и школьников. Летом функционировали киноплощадки в парках и местах массового отдыха. Большое значение в успехе проката картин имело то, что фильмы широко рекламировались: заранее выпускались листовки, приглашения. О выходе того или иного фильма на экран сообщалось киноорганизаторам в школах и других учебных заведениях. Ежегодно плановые задания по продаже билетов перевыполнялись. Роль кино в культурной жизни вологжан в анализируемый период с каждым годом возрастала.

Благодаря сохранившимся документам есть возможность прикоснуться к истории развития Вологодской городской киносети.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Муниципальный архив города Вологды. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

² Там же. Д.5. Лл. 3–4.

³ Там же. Д.1. Л.18.

⁴ Там же. Д.2. Л.1.

⁵ Там же. Л.12.

⁶ Там же. Д.4. Л.16.

⁷ Там же. Д.5. Л.7.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д.11. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 12. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 19 Л. 25.

¹² Там же. Л. 53.

¹³ Там же. Д. 46. Л. 16.

¹⁴ Там же. Ф. 603 Оп. 1 Д. 4 Л. 40.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 30. Л. 9.

¹⁷ Там же. Ф. 605 Оп. 1 Д. 4 Л. 29.

¹⁸ Там же. Ф.600. Оп.1. Д.4. Л.12.

¹⁹ Там же. Ф.605. Оп.1. Д.28. Л.17.

²⁰ Там же. Ф. 603. Оп.1. Д. 22. Л. 11.

²¹ Там же. Д.18. Л.12.

²² Там же. Ф.605 Оп.1 Д.21 Л.15.

²³ Там же. Д. 9. Л.7.

Т. Н. Канунова

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КИНОЛЕТОПИСЬ ВОЛОГОДЧИНЫ В 1960 – 1980-е ГОДЫ XX ВЕКА

Документальное кино на Вологодчине имеет свою историю. Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что создана документальная кинолетопись Вологодской области. Большую работу по сохранению документальной киноистории вологодской земли всегда проводила областная кинопрокатная организация, сегодня это – ГУК ВО «Вологодский областной киноvideопрокат». Если раньше документальные фильмы снимались только на киноплёнке, то в настоящее время в фонде Вологодского областного киноvideопроката имеются документальные фильмы и киносюжеты на видео и DVD.

Во времена СССР на Вологодчине снимали фильмы все самые крупные студии документального кино страны: «Центрнаучфильм», Центральная студия документальных фильмов, «Леннаучфильм», Ленинградская студия документальных фильмов, Творческое объединение «Экран». Картины о вологодском крае создавали документалисты, которые уже в то время и в последующие годы были удостоены государственных наград и профессионального признания.

На студии «Центрнаучфильм» в 1965 году снят десятиминутный фильм «У Сиверского озера» (режиссер Яков Миримов), рассказывающий о Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь у режиссера отчётливо проявилась тенденция поэтизировать предмет популяризации, создавать научно-художественные произведения, приобретавшие самостоятельное эстетическое значение.

В 1989 году кинематографисты вновь рассказали об истории монастырской обители в г. Кириллове в ленте «Крепость неодолимая» (студия «Леннаучфильм») ¹. Режиссер Валентина Матвеева в 1990 году представляла свой фильм на Вологодчине в рамках большого фестиваля документального кино «Спешите делать добрые дела». Кинопоказы проходили в

гг. Вологде, Череповце, Соколе, Грязовце, Кириллове, Вологодском районе. Среди организаторов кинофестиваля были киновед Наталья Серова и публицист Анатолий Ехалов ².

К 830-летию г. Вологды в 1977 году Кировским комитетом по телевидению и радиовещанию снят фильм «Вологда» (режиссер А. Погребной), рассказывающий об исторических памятниках нашего родного города, об его прошлом и настоящем того времени. Заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственных премий РФ за 2000 и 2004 годы, режиссер Алексей Погребной и сегодня продолжает работать в г. Кирове. Через год, в 1978 году, вышла лента «Северные плесы» (режиссер Евгений Эратов), созданная на студии «Центрнаучфильм». В фильме показана историческая и индустриальная Вологда, то, чем славится вологодский край (вологодское масло, вологодские кружева, северная чернь). Рассказано о Череповецком металлургическом заводе, Кирилло-Белозерском монастыре, о Северо-Двинской водной системе и Волго-Балтийском канале.

В фонде областного киноvideопроката есть два фильма, посвященных самым известным народным промыслам Вологодчины: вологодским кружевам и северной черни. О промысле чернения по серебру в Великом Устюге повествует лента «Северная чернь» киностудии «Леннаучфильм» (режиссер Александр Братуха), снятая в 1972 году в популярном цикле «10 минут по СССР». В фильме мы видим город Великий Устюг – зимний, снежно-белый на фоне голубых небес ³. Камера оператора З. Якобсона показывает изделия художников разных веков: М. Климшина, М. Чиркова, Е. Шильниковского, Н. Тропиной. Другая картина – о кружевном промысле вологодчины – имеет поэтическое название «Нетающий иней Вологды» (Творческое объединение «Экран», 1980 г.). В ленте рассказ ведет известная мастерица Вологодского объединения «Снежинка», Герой Социалистического Труда Нина Ивановна Васильева, а также показаны учащиеся профессионального училища № 15 г. Вологды.

В конце 1970-х – 1980-е гг. документалистика стремится ближе подойти к человеку: крупный план, длинный кадр, синхронное выступление занимают всё большее место. Центр внимания сместился на человеческую личность. В 1978 году Творческим объединением «Экран» был снят фильм «Зеленые цветы» — это первая лента о поэте Н.М. Рубцове (режиссер Борис Конухов). Стихи в фильме читают диктор, а также известный критик Вадим Кожинов, в звукозаписи звучит голос самого Николая Рубцова. О друге рассказали писатели Глеб Горбовский и Станислав Куняев, учителя Никольской школы. Многие кадры сняты в селе Никольское, городах Тотье, Вологде. Прозвучала первая песня на сти-

хи Рубцова «В этой деревне огни не погашены» в авторском исполнении Алексея Шилова. О фильме писал корреспондент газеты «Красный Север» В. Чужгин 6 декабря 1978 года ⁴.

В фонде Вологодского кинопроката хранится фильм «Константин Батюшков» киностудии «Леннаучфильм» режиссера Николая Левицкого, нашего земляка, уроженца Грязовецкого района. Н. Левицкий работал режиссером и директором студии «Леннаучфильм», являлся лауреатом Государственной премии РСФСР, всесоюзных и международных кинофестивалей. В 1970-е годы и в начале 1980-х годов Николай Левицкий снял несколько картин, посвященных жизни и творчеству деятелей русской литературы и искусства. Последняя картина «Константин Батюшков», где Левицкий был режиссером и сценаристом, закончена им в 1982 году – в год смерти. Для съемок фильма он приезжал на родину в Вологодскую область, снимал в местах пребывания поэта Батюшкова на Вологодчине: в Вологде, Даниловском, Хантонове.

В 1985 году на Ленинградской студии документальных фильмов вышла лента «Коммунисты Северной Магнитки», повествующая о людях – строителях г. Череповца и рабочих металлургического завода. Режиссер фильма – Павел Коган, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат международных кинофестивалей.

Центральная студия документальных фильмов (ЦСДФ) в 1987 году познакомила зрителей с династией вологодских художников–реставраторов Федышиных в фильме «Хранители» (режиссер Геннадий Распопов) ⁵. В 1988 году в фонде кинопроката появилась картина «Мелочи жизни» режиссера и оператора Анатолия Заболоцкого, повествующая о съемках Василием Шукшиным художественного фильма «Калина красная» в 1973 году в Белозерском районе. Вступительное слово писателя Виктора Астафьева к фильму «Мелочи жизни» записано в г. Вологде в 1979 году к 50-летию В. М. Шукшина.

С конца 1960-х до середины 1980-х годов создан ряд картин, в которых показаны развитие сельского хозяйства Вологодской области и люди, его поднимающие. В фильмах можно увидеть тружеников колхоза «Родина» и совхоза «Майский» Вологодского, колхоза «Заря» Грязовецкого, совхоза «Тотемский» Тотемского районов и других хозяйств области. На студии «Центрнаучфильм» сняты ленты: «На Вологодских пастбищах» (1967 г.), «Совет бригады» (1975 г.), «Земля – наш общий дом» (1985 г.). На ЦСДФ выпущены ленты: «По земле Вологодской» (1968 г.), «Войди в дом крестьянина» (1980 г.) ⁶. Студией «Леннаучфильм» созданы фильмы: «Зерновые в северном колхозе» (1971 г.), «Северная нива» (1985 г.). Ленинградской студией документальных фильмов – «Вологодские свадьбы» (1974 г.), «Глубинка» (1985 г.) ⁷. Творческим объединением «Экран»

были предложены зрителям картины: «Трудная земля» (1975 г.)⁸, «Деревенские повести: Операция «Юг», «Дом на угоре» (1982 г.)⁹, «Семья Тропаревых» (1983 г.)¹⁰.

Более подробно следует остановиться на фильме «Вологодские встречи» (1979 г.), снятом на киностудии «Центрнаучфильм». Наш земляк, поэт и очеркист Сергей Викулов не только автор сценария, но и действующее лицо, своеобразный ведущий в картине. Фильм можно рассматривать как продолжение его очерков и стихотворения «Разговоры с попутчиком»:

Край наш – это верно, брат, – виноградом не богат.

И земля у нас сырая, и болота широки.

Но, на свете лучше края нет, считают земляки.

На экране Викулов вспоминает историю своего родного Белозерья, памятные, дорогие встречи, вызывает на разговор десятки людей, среди которых: член ЦК КПСС, первый секретарь Вологодского обкома КПСС А. С. Дрыгин, председатель колхоза «Родина» Вологодского района, Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов и механизатор колхоза Петров, председатели «Колхоза XXI съезда КПСС» Бабаевского района В. С. Басников и В. С. Исаков, председатель колхоза имени Ленина Белозерского района Богданов, семья Плоховых из колхоза «Россия» Харовского района, писатель-земляк В. И. Белов, первый секретарь Белозерского райкома КПСС Ю. А. Прилежаев. Авторы фильма волнует преемственность поколений в деревне. Они не уходят от острых проблем. Публицистическая документальная повесть о Нечерноземье, о преобразении вологодской земли – несомненная удача советской кинодокументалистики¹¹.

В СССР, кроме документальных фильмов, выходили периодические киножурналы, содержанием которых обычно являлась информация о жизни страны, союзных республик, регионов РСФСР, внутренних и международных общественно-политических событиях. Киножурнал состоял из отдельных эпизодов, которые принято было называть сюжетами. Ленинградская студия документальных фильмов (ЛСДФ) выпускала в 1960 – 1970-е годы киножурнал «Наш край», а с 1980-х годов для регионов Северо-Запада страны — «Северные зори». В городе Вологде в 1970 – 1980-е годы работал специальный кинокорреспондентский пункт ЛСДФ. О деятельности Вологодского корпункта во главе с оператором С. А. Лаврентьевым писала газета «Красный Север» 5 января 1978 года¹². Тогда только что на экраны страны вышел, снятый сотрудниками корпункта, специальный выпуск киножурнала «Наш край», посвященный 200-летию г. Череповца.

Вологодский областной киноvideопрокат сохранил большинство киносюжетов киножурналов «Наш край», «Северные зори» о вологодской земле. Сложился целый цикл киносюжетов, посвященных известным людям. Так, специальный выпуск киножурнала «Наш край» 1965 года назывался «Космические братья в Вологде» (режиссер Павел Коган). В нем рассказывалось о пребывании на Вологодчине в 1965 году нашего земляка, космонавта Павла Беляева и космонавта Алексея Леонова. Киносюжет киножурнала «Наш край» (№ 5, 1980 г.) рассказывал об открытии памятника космонавту П. И. Беляеву в г. Вологде в 1979 году. В киносюжете о 20-летию Череповецкой студии телевидения (№ 46, 1979 г.) показано участие космонавта Алексея Леонова в почетной плавке на Череповецком металлургическом заводе.

Председателю колхоза «Родина», дважды Герою Социалистического Труда Михаилу Лобытову посвящен специальный сюжет киножурнала «Северные зори» (№ 16, 1985 г.).

В середине 70-х годов XX века фонд кинопроката пополнился сюжетами киножурнала «Наш край», посвященными творчеству вологодских художников Александра Пантелеева (1976 г.), Яна Крыжевского (1977 г.), Владимира Корбакова (1978 г.). В 1979 году в киножурнале «Наш край» (№ 1) один из киносюжетов рассказывал о встрече писателя Виктора Астафьева, лауреата Государственной премии СССР (за книгу «Царь-рыба»), с учащимися технического училища № 7 г. Вологды. В 1983, а затем в 1985 годах в киножурнале «Северные зори» появились сюжеты, посвященные 50-летию писателя Василия Белова и 60-летию писателя Виктора Астафьева

Целый раздел киносюжетов можно объединить под условным названием «Культурные события на Вологодчине». Среди них, 50-летний юбилей Вологодского областного краеведческого музея («Наш край», 1973 г.), о премьере балета «Дон Кихот» народной студии Макса Миксера Дворца культуры железнодорожников («Наш край», № 33, 1977 г.), о выставке прикладного искусства в г. Вологде («Наш край», №21, 1978 г.), о 135-летию Вологодского областного драматического театра («Северные зори», 1984 г.), о 50-летию театра «Теремок» («Северные зори», 1987 г.) и некоторые другие киносюжеты.

В периодических киножурналах «Наш край», «Северные зори» появлялись киносюжеты, связанные с развитием промышленности, строительства, сельского хозяйства и бытового обслуживания населения Вологодской области. Так, в фонде Вологодского областного киноvideопроката хранится 36 киносюжетов, рассказывающих о ведущем промышленном предприятии области Череповецком металлургическом заводе (се-

годня – «Северсталь»). Есть киносюжеты, посвященные жизни вологодских предприятий ГПЗ-23, ВРЗ, РМЗ, мебельной фабрики «Прогресс» и многим другим предприятиям городов и районов области.

Сегодня в системе средств массовой информации документальный кинематограф уступил место ведущего аудиовизуального канала телевидению, однако, сохранил значение важнейшего исторического источника, представляя жизнь страны как живое, нерасторжимое целое.

Удивительным свойством обладает кинохроника: чем больше времени проходит, тем ценнее становится каждый кадр. И то, что сегодня снимает кинореporter, и что кажется нам подчас событием заурядным, обретет со временем великую значимость. Останется потомкам и кинолетопись жизни вологжан в 1960 – 1980-е годы. Часть фильмов и киносюжетов уже готовится в 2011 году для сдачи в областной государственный архив кинофотофоно и электронных документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баранова Н. Крепость неодолимая // Красный Север. 1990. 27 декабря.

² Серова Н. В поисках реальности (заметки перед просмотрами I фестиваля неигрового кино) // Вологодский комсомолец. 1990. 15 апреля. С.4.

³ Синев Н.10 минут о «Северной черни» // Красный Север. 1973. 11 апреля. № 85. С.4.

⁴ Чужгин В. На экране «Зеленые цветы» // Красный Север. 1978. 6 декабря. С.4.

⁵ Соколова Е. Съёмки в Вологодском Кремле // Красный Север. 1986. 28 сентября. № 223. С.4.

⁶ Ратомская Г. Войди в дом крестьянина // Красный Север. 1980. 30 сентября. № 225. С. 4.

⁷ Брагин А. Деревенская песня // Вологодский комсомолец. 1987. 13 июня. № 71. С. 4.

⁸ На экранах – Вологодская область // Красный Север. 1975. № 277. С. 1

⁹ Егоров А. Отчий дом (на экране – проблемы и люди современного села) // Литературная газета. 1982. 16 июня. С. 8.

¹⁰ Петров В. С любовью к селу // Красный Север. 1983. 15 марта.

¹¹ Кибардина А. Вологодские встречи // Красный Север. 1980. 15 октября. № 237. С.4.

¹² Рыбников В. На экране – вологжане (Киносъёмки о нашем крае) // Красный Север. 1978. 5 января.

Из истории Вологодской епархии

А. Н. Красиков

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА БИБЛИОТЕК ВОЛОГОДСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ПО ДАННЫМ ОПИСЕЙ МОНАСТЫРСКОГО ИМУЩЕСТВА XVI – XVIII вв.

За свою многовековую историю северные монастыри сформировали уникальный по своему масштабу и составу книжный фонд, включающий рукописные и старопечатные книги как религиозного, так и светского содержания. Многочисленность северных монастырей, их генетическая принадлежность к школе преподобного Сергия Радонежского, уникальная духовная среда, сложившаяся в обителях региона делают сформировавшуюся здесь книжную культуру ценнейшей для понимания историко-культурных процессов Средневековой Руси.

Одной из первейших задач изучения северорусской монастырской книжности является реконструкция состава монастырских библиотек. Под реконструкцией следует понимать наиболее полное воссоздание состава книжного фонда, выяснение репертуара произведений библиотеки и, наконец, идентификацию известных нам по историческим документам рукописных и старопечатных книг с экземплярами, хранящимися в современных архивохранилищах и отделах рукописей.

Основным источником для реконструкции служат описи монастырского строения и имущества, иногда именуемые отписными или переписными книгами. Практика их составления пришла на Русь из Византии во второй половине XV в., а в северных регионах страны известна уже в начале XVI в. Юридически практика составления описей монастырского имущества была закреплена решением Стоглавого собора 1551 г. Однако систематическое составление подобного рода документации в вологодских монастырях относится к концу XVI – началу XVII вв.

Описи имущества в своем составе, как правило, имеют специальный раздел, посвященный описанию библиотеки, что, однако, не исключает упоминания книг и в других разделах документа. Все описания конкретных книг выполнялись в рамках достаточно четкого формуляра, позволяющего вычленить основные параметры для дальнейшей работы по реконструкции библиотеки. Анализ формуляров описаний рукописных и старопечатных книг в монастырских описях дает нам возможность выде-

лить ряд наиболее распространенных элементов. Их можно разделить на основные и дополнительные. Под основными здесь понимаются элементы, наиболее важные для описания книги (наименование, тип, формат); под дополнительными – элементы, уточняющие и дополняющие основные (место печати, материал, прибор, переплет и т. д.).

В исторической литературе проблема реконструкции книжных собраний русских средневековых монастырей поднималась неоднократно. Первые работы в этом направлении были выполнены А. Е. Викторовым, который подготовил описания рукописных собраний целого ряда северных монастырей по состоянию на конец XIX в.¹ Оригинальный подход к реконструкции монастырских библиотек был предложен Н. Н. Зарубиным, который предпринял попытку восстановить на основе текстов монастырских описей особенности расстановки книг в библиотечном хранилище².

Огромная работа по реконструкции книжных собраний проделана в современной исторической науке. Особо следует отметить работы по реконструкции библиотек Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, проведенные группой петербургских специалистов под руководством З. В. Дмитриевой при публикации описей этих обителей³. Важно отметить, что исследования подобного рода касаются, как правило, крупных монастырских корпораций, а мелкие и средние обители, составлявшие большинство православных монастырей в регионе, остаются малоисследованными. Среди немногочисленных работ такого рода следует отметить статью С. К. Севастьяновой о библиотеке Анзерского скита во второй половине XVII в.⁴ Пожалуй, единственной работой, посвященной реконструкции состава библиотек вологодских монастырей, является статья А. Г. Сергеева о реконструкции библиотеки Корнильево-Комельского монастыря⁵.

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу реконструировать какую-то конкретную монастырскую библиотеку. На данном этапе исследования важно выявить основные этапы процесса реконструкции, охарактеризовать возникающие проблемы и методы их решения.

Процесс реконструкции средневековой монастырской библиотеки, на наш взгляд, следует разделить на три основных этапа. Первый – восстановление перечня наименований книг, входящих в состав монастырской библиотеки. Основой для реализации данного этапа являются описи монастырского имущества. В формулярах описания книг наименование является основным и наиболее часто встречающимся элементом. Однако уже на этом этапе возникают некоторые проблемы.

Во-первых, в некоторых (пусть и редких) случаях переписчики не указывают наименования книг, ограничиваясь общими формулами. Как правило, это относится к рукописным и печатным книгам в ветхом состоянии, которые уже не используются для богослужения и монашеского чтения. Так, например, в описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г. читаем: «Да ветхих книг и тетратей всяких тритцат»⁶, аналогично в описи того же монастыря 1688 г.: «Да в коробке всяких печатных книг и писмях осмнатцет книг»⁷. Как не сложно догадаться, подобные записи делают дальнейшую идентификацию невозможной.

Во-вторых, для ряда категорий книг существует специфическая манера описания. Так, для святоотеческой, религиозно-назидательной и агиографической литературы, как правило, в качестве наименования книги выступает имя ее автора без раскрытия внутреннего содержания, например, «Дионисий Ареопагит», «авва Дорофей» и т. д., иногда житие ничем не выделяется из ряда книг других жанров («Книга Иасафа царевича в полдествь»⁸). Специально обозначаются в основном особо почитаемые в монашеской среде произведения, например, «Лествица» Иоанна Лествечника.

Обратная ситуация имеет место быть с рядом богословских произведений, вышедших в Москве и Киеве в XVIII в., так «Камень Веры» описывается без упоминания имени Стефана Яворского, а «Меч духовный» без упоминания Лазаря Барановича. Названия небогослужебных книг, вышедших в XVIII в., значительно сокращается, чаще всего до имени автора. Так, книга «Деяния церковная и гражданская от рожества господя нашего Иисуса Христа из летописаний Цезаря Барония собранная», вышедшая в Москве в 1719 г. в описи Корнильево-Комельского монастыря 1775 г. обозначена просто «Бароний»⁹.

В-третьих, названия некоторых книг сформулированы крайне не четко, что не позволяет нам даже приблизительно соотнести их с известными текстами. Например, в описи Спасо-Каменного монастыря 1670 г. упомянута книга «Герван»¹⁰.

В целом, можно говорить о том, что информация описей монастырского имущества достаточно полна для проведения первого этапа реконструкции. Перечень наименований книг, входящих в монастырскую библиотеку может быть реконструирован в среднем более чем на 90%, а для некоторых обителей и полностью. Создание подобного перечня дает нам первое приближение к пониманию круга доступного монашеского чтения в той или иной конкретной обители и позволяет сформировать представление о книжной культуре региона в целом.

Однако, значительная часть книг монастырской библиотеки представляет собой сборники достаточно сложного содержания. Данное обстоятельство требует второго этапа реконструкции – формирования репертуара текстов монастырской библиотеки. Реализация этой задачи значительно сложнее, так как раскрытие содержания сборников в описях не производится. Их содержание или вообще не раскрывается или указывается только первая статья сборника, например, «Две книги Соборника писмяных, в полдесть, один в начале пишет О Пути Иеросалимском, а в другом пишет Предисловие и Канон за Единоумершаго, в нем же и Житие Соловетцких чудотворцов»¹¹. По содержанию могут быть описаны и некоторые отдельные книги: «Како в царствующем граде Москве учинился патреаршеский престол и о Римском отпадении»¹². Помимо сборников следует отметить многочисленные Псалтыри с воследованием, в качестве дополнительных статей которых достаточно часто встречаются редчайшие и ценнейшие памятники, способные значительно изменить наше представление о книжной культуре северорусского монастыря. Такая ситуация для описей имущества как источников вполне естественна. Опись не ставила своей целью полное описание библиотек, а лишь имущественный учет материальных ценностей. Более того, в ряде случаев монашествующие не были заинтересованы в полном раскрытии информации о составе своих книжных фондов, так как среди текстов в сборниках встречались и те, которые не были рекомендованы для православного чтения и включались в «Индекс запрещенных книг». Увеличение контроля государства над составом и структурой книжных фондов вело к усилению противодействия монастырей и все более неполному отражению книжного фонда в письменных источниках.

Некоторое подспорье в этом вопросе может оказать использование крайне редких памятников рекомендательной библиографии. Прежде всего, это руководства для уставного чтения, которые устанавливали перечень литературы, читавшейся за богослужением и за трапезой. К сожалению, в нашем распоряжении находится всего два памятника подобного характера. Это опубликованный И. А. Шляпкиным «Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокаго» 1584 г.¹³ и «Церковный обиходник Кирилло-Белозерского монастыря», подготовленный к печати Н. К. Никольским, но вышедший в свет лишь в 2006 г., благодаря усилиям З. В. Дмитриевой и других¹⁴. Важной особенностью памятников рекомендательной библиографии является раскрытие внутреннего содержания некоторых сборников четьего характера. Сопоставление данных подобного рода источников с материалом описей позволяет выявить совпадающие тексты и хотя бы частично уточнить их внутренний состав.

Полная реконструкция репертуара текстов монастырских библиотек не представляется возможным из-за низкого уровня сохранности рукописных книг XV – XVIII вв. в современных рукописных собраниях.

Решить эту задачи возможно только на основе реализации третьего этапа реконструкции, то есть выявления книг, происходящих из монастырских библиотек в современных рукописных собраниях и их идентификации с упомянутыми в описях имущества книгами. Реконструкция печатного сегмента монастырской библиотеки возможна и без нахождения конкретных экземпляров путем простого сопоставления данных описей с каталогами старопечатных книг XVI – XVII вв. Реализация же этой задачи для рукописной части собраний крайне затруднена.

Подводя итоги, следует констатировать тот факт, что полная реконструкция монастырских библиотек Русского Севера XVI – XVIII вв. не представляется возможной. Однако даже частичная реализации поставленной задачи позволит дать комплексную оценку книжной культуры региона в исследуемый период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. – СПб., 1890.

² Зарубин Н. Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусской библиотеке и его возникновение // Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 2. Вып. 1. – Пг., 1924. – С. 190 – 229.

³ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание. / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. – СПб., 1998; Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. – СПб., 2003.

⁴ Севастьянова С. К. Библиотека Анзерского скита первой половины XVII в. (Опыт реконструкции по описи 1676 года) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. – СПб., 2001. – С. 146 – 196.

⁵ Сергеев А. Г. Библиотека Корнильево-Комельского монастыря: проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. – СПб., 2008. – 4777 – 492.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 113. Л. 46.

⁷ ВГИАХМЗ. Ф. 3. Ед. хр. 3. Лл. 273 – 273 об.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 113. Л. 45.

⁹ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. №748. Л. 45.

¹⁰ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 44. Л. 43 об.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. №392. Лл. 14 – 14 об.

¹² ВГИАХМЗ. Ф. 3. Ед. хр. 3. Л. 103.

¹³ Шляпкин А. И. Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 г. – СПб. 1914.

¹⁴ Церковный обиходник Кирилло-Белозерского монастыря // Из рукописного наследия Н. К. Никольского. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397 – 1625). Том 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. / Подгот. изд. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. – СПб., 2006. – С. 285 – 388.

А. В. Всеволодов

КАМПАНИЯ 1863 ГОДА ПО ПОДАЧЕ «СВЕДЕНИЙ ПО ДЕЛУ ОБ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА» В ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ

Для изучения практики преобразований в православной церкви 1860 – 1870-х гг. немалый интерес представляют так называемые «Сведения по делу об улучшении быта духовенства» (далее – «Сведения»), собранные по епархиям в 1863 г. в рамках деятельности Присутствия по делам православного духовенства. С.В. Римский отмечает, что «материалы опроса причтов 1863 г.» количественно представляют собой «огромный массив»¹. При этом, если первичный фактический материал «Сведений» вполне востребован современными исследователями², то вопрос об особенностях организации их сбора на местах, хотя и частный, но важный для уяснения механики так называемой церковной реформы, еще не получил в историографии сколько-нибудь подробного рассмотрения.

В настоящей работе предпринимается попытка реконструкции хода опросной кампании на примере Вологодской епархии – в границах, с конца XVIII в. совпадавших с губернскими, которые установились после 1802 г. и оставались неизменными вплоть до 1917 г.³ Источниковую основу статьи составили материалы, отложившиеся в фондах Государственного архива Вологодской области (ГАВО, г. Вологда) и Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург)⁴.

Общероссийский сбор информации об уровне благосостояния приходских причтов был инициирован уже на первом заседании Присутствия 17 января 1863 г. Рассмотрев существовавшие к тому времени источники содержания духовенства и признав значительную зависимость их качества от местных условий, его члены постановили, что вопрос об улучшении быта причтов может быть решен «... не иначе, как по предварительном обстоятельном соображении тех местных нужд и условий, которые могут быть известны только на местах, и заявлены положительно и, так сказать, поименно, епархиальными архиереями»⁵. В свою очередь, председатель Присутствия митрополит Санкт-Петербургский и Новго-

родский Исидор добавил к этому собственное мнение о необходимости предоставления преосвященными всех необходимых материалов, для чего решено было составить единую для всей страны программу ⁶.

Подготовка предварительного варианта прошла быстро: уже 31 января решено было составить программу окончательно и передать на утверждение Присутствию ⁷. В доработанном своем виде она состояла из четырех разделов, первый из которых посвящался как раз проблеме «расширения средств материального обеспечения» причтов; второй раздел посвящался увеличению гражданских прав духовенства, третий – поиску возможностей для детей духовенства «для полезного труда на всех поприщах гражданской деятельности», и четвертый – путям привлечения клира к участию в деятельности сельских и приходских училищ.

Интересующий нас начальный раздел программы включал три пункта:

«О расширении средств материального обеспечения.

1. Какими и в каких размерах средствами пользуется ныне духовенство: а) денежными – жалованьем, где оно полагается, и другими доходами; б) вещественными: а) землею; б) помещением; с) отоплением; д) ругою и разными добровольными приношениями.

2. Как велико народонаселение прихода, т.е. число душ мужского пола и отдельно женского. Какое самое дальнейшее расстояние жилищ прихожан от церкви.

3. В чем именно признается неудовлетворительность нынешних средств содержания и не представляется ли местных способов к его улучшению» ⁸.

Для работы, согласно требованию Александра II, первоначально были установлены сжатые сроки. Архиереям не позже 1 марта следовало представить свои замечания по поводу программы, а сведения с причтов – не позже 1 июля ⁹. Между тем, в Вологодскую епархию соответствующее отношение от Присутствия поступило в начале второй декады марта вместе с десятью экземплярами полного текста программы. Кроме того, были получены и печатные экземпляры краткого «Извлечения» из программы, предназначавшиеся для рассылки причтам.

В пространной резолюции, наложенной епископом Вологодским и Устюжским Христофором на отношение ¹⁰, предписывалось разослать во все духовные правления, а также протоиерею и братии Кафедрального собора и благочинным Вологды и уезда, указы с необходимыми инструкциями. Духовные правления через благочинных должны были довести содержание отношения до подведомственного им духовенства, та же обязанность возлагалась на кафедрального протоиерея и благочинных епархиальной столицы. После обсуждения вопросов I и IV разделов програм-

мы собранные сведения необходимо было представить в консисторию в срок до 15 мая ¹¹. Одновременно предусматривалась и подача частных мнений на архиерейское имя.

На деле поставленные временные рамки соблости, как всегда, не удалось: епархиальные архиереи в переписке с Присутствием сетовали на недостаток времени для сбора и предоставления в Петербург всех нужных материалов. Епископ Херсонский Димитрий указывал, например, что в случае допущения при сборе «Сведений» поспешности духовенство «едва ли может обдуматься и обсмотреться, как должно, а дело так важно, что всякая ошибка или опущение может остаться неисправимой надолго, если не навсегда» ¹²). Прислушавшись к его мнению, Присутствие ходатайствовало перед императором о продлении первоначального срока до 1 октября, на что получило согласие ¹³.

В Вологодской епархии имела место не спешка, а наоборот – затягивание работы. Не последнюю роль в этом сыграла обширность территории и сама излишне бюрократизированная, по российскому обыкновению, процедура сбора и обработки информации. Ее низовой уровень включал два звена. «Сведения» составлялись приходскими причтами по единой выработанной в консистории табличной форме, причем на третий вопрос программы Главного Присутствия – о неудовлетворительности средств содержания – ответ в последней графе следовало изложить словесно. Затем, подписанные всеми членами причты, поступали на рассмотрение благочинному священнику, который посылал дела в уездное духовное правление, сопроводив их рапортом. Оттуда бумаги поступали в консисторию. Иногда благочинный, минуя правление, направлял «Сведения» и прямо в Вологду.

Первая партия документов пришла в епархиальный центр уже к 4 мая (ряд благочиний Усть-Сысольского и Вельского уездов), основной же их поток пришелся на первые две декады месяца. Завершилась эта волна кампании 21 – 23 мая, когда консистория приняла документы из Вологодского, Кадниковского и Тотемского уездов, и 4 – 11 июня, с досылкой оставшихся дел из северо-восточных районов, а также некоторых вологодских и тотемских благочиний ¹⁴. Интервал между написанием рапорта благочинным и его получением консисторией колебался от 1 – 2 дней для Вологды и ближайших к ней уездов до двух с небольшим недель для более отдаленных территорий. Срок доставки в силу многих обстоятельств мог продлеваться и еще больше. Так, священник Усть-Сысольского уезда Лев Заварин закончил свой рапорт только 5 мая – и лишь через 23 дня, на исходе месяца, бумага была получена консисторией. Проволочку Заварин

объяснил тем, что получил указ с изложением сроков подачи «Сведений» только в середине апреля, а многие священники его округа попросту не успели составить их к нужной дате ¹⁵.

Качество опросных материалов, пусть и доставленных вовремя, оставляло желать много лучшего. Не случайно епископ Христофор 13 июня 1863 г. предписал «в облегчение консистории предварительного рассмотрения доставляемых к епархиальному началству священно-церковнослужителями здешней епархии сведений <...>, для возвращения оных с замечаниями причтам, от коих будут представлены оные ... в неудовлетворительном виде», учредить «Временный частный комитет по делу об улучшении быта духовенства». В число его членов вошли священники церковей Вологды Александр Баклановский, Иоанн Виноградов, Николай Алексин и Николай Кедровский ¹⁶.

Комитет, рассматривая материалы по благочиниям, готовил для консистории рапорты с перечислением обнаруженных в документах причтов недочетов и замечаниями по их исправлению. Прежде остальных ему было рекомендовано проверить «Сведения» по отдаленным Никольскому, Усть-Сысольскому и Яренскому уездам, которые и были рассмотрены в начале июля. Выявившиеся в них ошибки, как оказалось, были общими практически для всех уездов епархии. В первую очередь, указывали члены комитета, писания причтов изобиловали лишними «не идущими к делу рассуждениями», были многословны, сбивчивы и притом неполны. Клирики, например, за длинным перечнем собственных неустroйств, часто «забывали» обращать внимание на указанные сверху способы улучшения своего быта – земельные угодья, мукомольные мельницы, рыбные ловли и др. Никольское духовенство информацию по материальному обеспечению поместило вообще в раздел, отведенный под мысли об участии его в деле организации народных училищ ¹⁷. Усть-сысольские и грязовецкие причты указывали средства содержания часто без разделения по группам, а цифры доходов, денежных и земельных, подавали только приблизительные ¹⁸. Как признак неудовлетворительного качества документов комитет расценивал даже высказанное причтами желание отказаться от земельного надела в пользу денежного жалованья или возложить обязательную обработку своей земли на прихожан ¹⁹.

23 июля консистория вынесла решение вернуть все неверно составленные документы в приходы для исправления ошибок, поручив переписать их «на белой хорошей бумаге хорошим четким письмом чрез наемного письмоводителя» в двух экземплярах для повторной отправки в Вологду не позже, чем к 1 сентября ²⁰. По прочим уездам количество подлежащих переделке «Сведений» было также велико. Например, по четырем благочиниям в Вельском и Устюжском уездам их насчитыва-

лось 52²¹. Документы тотемского городского духовенства, напротив, найдены были во всем удовлетворительными, единственное упущение заключалось в том, что на них отсутствовала подпись благочинного – из-за этого проверявший их Н. Алексин рекомендовал вернуть «Сведения» назад в Тотьму²². Рядом подобных решений во второй половине – конце июля завершился первый, подготовительный, этап опросной кампании и начался второй ее период – редакционный.

В открывшейся вынужденной редакторской работе значительно возрастала роль благочинных и, следовательно, сужалось пространство свободного маневра у подотчетного им духовенства. Еще 11 июня консистория в определении по поводу «Сведений» из округа священника Никифора Иконникова (Вологодский уезд) вменила ему в обязанность лично проконтролировать исправление причтами указанных прямо в присланных ими текстах неточностей и нарушений. Помимо этого, благочинный должен был созвать общее собрание духовенства в округе с целью выработки на нем единой формы ответа – возможно более ясной, краткой, с обязательным указанием рекомендованных местных способов улучшения быта. Каждый причт отдельно мог изложить мнение об источниках собственного содержания, не упуская, однако, из виду, что оно обязательно должно соотноситься с реальными возможностями территории²³.

Между тем, 14 июня 1863 г., всего днем позже Частного комитета, в Вологде открылось Губернское Присутствие об улучшении быта православного духовенства²⁴. Оно, как предписывалось в отношении митрополита Исидора от 30 апреля 1863 г., состояло из епархиального архиерея, губернатора и управляющего местной палатой государственных имуществ. На правах приглашенных членов входили в Присутствие губернский предводитель дворянства и городской голова губернского города²⁵. На заседаниях Присутствия проходило конечное обсуждение «Сведений» на уровне епархии. Его вердикт в каждом конкретном случае завершал делопроизводственный цикл: после этого собранные материалы направлялись уже в Петербург.

17 сентября Присутствие выслало в столицу обширную записку, в которой обосновывало, что не сможет собрать и представить нужные данные к октябрю. Промедлению способствовали, по словам источника, многочисленные дополнительные распоряжения, на доведение которых до причтов тратилось немалое время. В записке указывалось, что Главное Присутствие 21 и 26 июля разослало по епархиям два предписания, к одному из них приложив выдержки из известного проекта П. А. Валуева о мерах к улучшению материального положения духовенства. К этому

епархиальные власти добавили и собственное распоряжение, требовавшее от духовенства подать всю документацию почти на месяц раньше прежнего, то есть, в первых числах августа ²⁶.

Резонные оправдания вологодского Присутствия, как показывает изучение консисторской входящей документации, страдали мелкими фактическими неточностями. Они, хотя и уведат нас несколько в сторону от общей линии изложения, должны быть рассмотрены подробнее.

Два новых предписания из Петербурга действительно поступили. Одно из них с приложенной к нему выдержкой из проекта Валугева было издано 26 июня, и, по резолюции епископа Христофора от 21 июля (что и послужило основанием для даты, упомянутой в записке), должно было быть разослано по духовным правлениям ²⁷. В другом (от 18 июля – с епископской резолюцией восемью днями позже) Преосвященному сообщалось об открытии в Казанской епархии комитета для проверки «Сведений» под председательством ректора местной семинарии в составе пяти священников – как видно, весьма схожего с вологодским Частным комитетом. На это совпадение Христофор сразу же откликнулся распоряжением, по которому главой вологодского комитета был сделан освободившийся от занятий ректор семинарии Ионафан, а к числу прежних членов был добавлен пятый – вологодский градский благочинный Александр Садоков. В той же резолюции срок подачи «Сведений» действительно перемещался на 1 августа. Было в ней и другое значительное новшество – благочинные, по решению архиерея, обязаны были подготовить извлечения (экстракты) из поприходных дел и представить их на обсуждение консистории к названному дню ²⁸.

В результате в прокрустово ложе новых сроков сумели уложиться только причты Вологды и ближайших к ней уездов. Их материалы Губернское Присутствие начало изучать с 9 августа, заседая по два-три раза в неделю ²⁹. С северо-восточными уездами епархии ввиду их отдаленности, огромной площади и экстремальных природно-климатических условий, ситуация была куда сложнее. В записке Присутствия говорилось, что в них одной из причин задержки послужили «затруднительные обстоятельства тамошних причтов по случаю прошлогоднего (т.е. 1862 г. – А.В.) неурожая хлеба» ³⁰.

Неторопливость реакции благочинных северо-восточных уездов могла быть связана и с куда более прозаичными обстоятельствами, например, с отсутствием на месте в нужный момент приходского священника. В этой связи очень характерен случай, описанный благочинным 3-го округа Усть-Сысольского уезда Александром Щетининым в его рапорте Вологодской консистории от 2 сентября 1863 г., повторяющий во многом уже знакомую нам историю Льва Заварина. Указ с образцом

формы составления «Сведений» от 15 июля 1863 г. Щетинин получил, по собственным словам, только 1 августа – и сразу же отправился в поездку по вверенному ему округу, чтобы собрать с причтов нужные бумаги. Предприимчивый пастырь, «... проехав вперед и обратно водой 810 верст и сухим путем 660 верст», то есть 410 и 330 верст в один конец, не смог выдержать даже сентябрьский срок подачи «Сведений», о переносе же крайней даты на месяц назад ему стало известно лишь 25 августа – с присылкой указа Усть-Сысольского духовного правления³¹. Задача его осложнилась неожиданно и тем, что один из подчиненных ему священников – настоятель Нившерского Воскресенского прихода Александр Попов в то самое время, когда ему следовало бы ожидать прибытия благочинного, «уехал в город для произнесения по назначению проповеди в Усть-Сысольском Троицком соборе». Об этом Щетинин узнал со слов другого своего подопечного – священника Вишерской Богородской церкви Сократа Попова. Столь некстати случившаяся отлучка Нившерского настоятеля вынудила благочинного лично «составить ... вновь от них (причта Нившерской церкви – А.В.) сведения по данным формам и ответы по программе вопросов, сообразуясь с клировыми ведомостями и с возвращенными из Вологодской духовной консистории сведениями»³². Сделано это было, как только поступили документы со всех остальных приходов, над которыми надзирал Щетинин, чтобы не затягивать общую передачу дел в Вологду. Несмотря на это его желание, документы высылались не одновременно, а в три приема. 5 мая он отправил рапорт Усть-Сысольскому духовному правлению, а 25 и 28 мая два рапорта по его округу (в общей сложности по 10 причтам) из духовного правления ушли в консисторию. При этом 27 мая сам Щетинин выслал консистории третий подряд рапорт – и вновь только по пяти церквям, как и ранее. Вологды рапорты достигли 4 и 11 июня – пробыв в дороге примерно 7 и 14 дней³³.

О том, что августовский срок был не более чем бюрократической утопией, говорит ряд примеров. В частности, рапорты из трех благочиний Усть-Сысольского уезда датированы 19 августа, 2 и 3 сентября, из четырех близких к епархиальному центру кадниковских – 17, 22 и 25 августа (2)³⁴. Кадниковскому уезду принадлежит и своеобразный рекорд медлительности: один из рапортов датируется 24 декабря³⁵, и, вероятно, он попал в консисторию в начале следующего 1864 г.

Во второй период опроса Частный комитет, по-прежнему исполнявший свою цензорскую функцию, направлял покорнейший рапорт с заключением по поводу описанного в исправленных «Сведениях» положения духовенства и обоснованности высказанных им требований и

предложений епископу ³⁶. Таким образом, епархиальный архиерей должен был знакомиться с итогами общей работы хотя бы в таком сводном виде, что не исключало, конечно, и более деятельного его участия ³⁷.

Вообще сентябрь – ноябрь 1863 г. и для Частного комитета и для Губернского Присутствия стали периодом наиболее напряженной деятельности, что видно по хронологии рапортов и журналов заседаний. В те же месяцы Присутствие для большей объективности выносимых по «Сведениям» заключений вело работу по сбору разнообразной вспомогательной информации. 27 октября запрошена была Вологодская городская дума, которой предложено было сообщить Присутствию, «в какую сумму оценено состоящее в г. Вологде недвижимое имущество, принадлежащее собственно (на праве собственности – А.В.) лицам духовного звания» ³⁸. Также отношения были посланы окружному начальнику внутренней стражи и председателю местной казенной палаты, которых просили прислать данные о доходах воинских чинов (о размере их жалованья и о суммах столового и квартирному довольствия) и чиновников гражданских ведомств ³⁹.

Все новые уточняющие бумаги запрашивал у духовенства и лично епископ Христофор. От причтов Великого Устюга он просил немедленно предоставить цифры требных доходов (за вычетом таинств, славлений и обходов с крестом и святой водой, совершавшихся в праздники Рождества и Пасхи). В том же его отношении сообщалось, что предложения духовенства по улучшению своего обеспечения за счет усилий прихожан доведены до местного полицейского управления и городской думы. Христофор указывал, что если устюжане посчитают снабжение всех городских причтов обременительным, то надлежит в совместном обсуждении духовенства и градского общества решить, какие приходы для уменьшения возможных трат сделать приписными «по их бедности и малому количеству прихожан». В качестве нормы годового дохода на четырехчленный клир бралась сумма в 1000 рублей ⁴⁰. Далее, в отношениях от 12 октября Преосвященный рекомендовал местным благочинным и всему духовенству Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов совместно с чиновниками палаты государственных имуществ изыскивать казенные оброчные статьи, способные улучшить быт клира – и о результатах таких собеседований доносить ему ⁴¹. Кроме того, в ноябре – декабре 1863 г. от причтов потребовали составить ведомости о количестве получаемой ими руги и о возможностях «уравнения» (то есть сокращения) приходов. Масштаб этого внутреннего (по сравнению с основным) опроса по сохранившимся материалам установить трудно, но ясно, что он вряд ли мог завершиться ранее конца года ⁴².

Общая длительность сбора «Сведений» в Вологодской епархии составила без малого десять месяцев – с марта по конец декабря 1863 г. Первый этап сбора (с марта по июнь – июль) был посвящен подаче пробных, черновых их образцов, обобщению полученной первичной информации и выработке оптимального образца оформления документов. Второй этап продолжался примерно пять месяцев (с конца июля по конец декабря) и отмечен складыванием типового набора документации опросной кампании, поскольку в это время начали свою активную деятельность институты, выполнявшие как сугубо прикладные связанные с ее организацией задачи (Временный Частный комитет), так и обеспечивавшие реализацию базовых целей общецерковных преобразований (Губернское присутствие для улучшения быта православного духовенства).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. – М., 1999. – С. 12.

² Гончаров Ю.М. Материальное положение городского духовенства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. II. – Барнаул, 2003. – С. 184–188; Он же. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4 (68). – Том 1. – С. 63 – 66; Дашковская О.Д. Ярославская епархия в конце XVIII – начале XX в.: проблемы экономического развития. Дисс. ... к.и.н. – Ярославль, 2005; Скутнев А.В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г. Дисс. ... к.и.н. – Киров, 2005.

³ Подробнее см.: Орешина М.А. Русский Север начала XX в. и научно-краеведческие общества региона. – М., 2003.

⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13548 – 13551; РГИА. Ф. 804. Оп. 1, разд. III. Д. 25 – 29.

⁵ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. I. Д. 9. Л. 3 об.

⁶ Там же. Л. 3 об., 4 – 5 об.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13551. Л. 6 – 6 об.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Резолюция датирована 13 марта, консисторией само отношение было получено 14 марта и помечено как «весьма нужное» (ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 13551, л. 1, 4).

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. I. Д. 9. Л. 51.

¹³ Там же. Л. 53.

¹⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13551. Л. 42 – 49, 53, 57 – 59, 61, 63 – 66, 72, 86, 87, 90 – 90 об., 94, 109, 112 – 112 об., 113 – 113 об., 114 – 116.

¹⁵ Там же. Л. 42 – 43.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Там же. Л. 32 – 32 об.

¹⁸ Там же. Л. 40, 55.

¹⁹ Там же. Л. 88 (Сольвычегодский уезд), 107 (Вологодский уезд).

²⁰ Там же. Л. 91 об. – 92.

²¹ Там же. Л. 71 – 71 об.

²² Там же. Л. 60 – 60 об. Рапорт в консисторию от 19 июля 1863 г.

²³ Там же. Л. 26. На практическую целесообразность общей подачи сведений по первому разделу программы в случае схождения у причтов одного благочиния «средств содержания и желаний» указывал в своем рапорте консистории Н. Алексин, считавший, что такой шаг способствовал бы уменьшению канцелярской нагрузки как на приходское духовенство, так и на Губернское присутствие (там же, л. 60 об.).

²⁴ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. I. Д. 9. Л. 61.

²⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13551. Л. 10 с об. См. также: ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXVIII. Часть первая. № 39481. Выписка из журнала Высочайше учрежденного присутствия по делам православного духовенства от 14 апреля 1863 г. 14 июля 1863 г. было дозволено допускать к участию в заседаниях и других лиц, светских и духовных, «которые по образованию своему и опытности могут быть полезны для занятий присутствий». (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Ч. 1. № 39871).

²⁶ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13551. Л. 61 об., 62б.

²⁷ Там же. Л. 95 – 98.

²⁸ Там же. Л. 100 – 101.

²⁹ Там же. Л. 62б об.

³⁰ Там же. Л. 62б.

³¹ Там же. Д. 13550. Л. 82.

³² Там же. Л. 82 об.

³³ Там же. Д. 13551. Л. 46 – 50.

³⁴ Там же. Д. 13550. Л. 70 – 73, 81, 89.

³⁵ Там же. Д. 13549. Л. 39.

³⁶ См., например: РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. III. Д. 25. Л. 1 – 7 (Устюжский уезд); д. 26, л. 1 – 2, 2 об. (Никольский уезд); д. 27, л. 1 – 3, 3 об. (Вельский уезд) и др.

³⁷ Примером такого участия, вероятно, может служить Костромской и Галичский епископ Платон, оправдывавший неприсылку «Сведений» в Петербург в положенное время, в том числе и тем, что не успел по болезни и занятости просмотреть их все (РГИА. ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 9, л. 64).

³⁸ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13552. Л. 121.

³⁹ Там же. Л. 135, 136. Оба датированы ноябрем 1863 г. без указания дня.

⁴⁰ Там же. Л. 137. Не датировано. Такие же отношения были посланы причтам соборов Вельска, Верховажья, Грязовца, Кадникова, Лальска, Никольска, Сольвычегодска, Тотьмы, Усть-Сысольска и Яренска (там же, л. 139).

⁴¹ Там же. Л. 129.

⁴² Например, по четвертому благочинию Сольвычегодского уезда такие ведомости (также названные «сведениями») были приняты в консистории только 24 декабря (указ об их составлении издан был 19 ноября), а в канцелярии присутствия – еще шесть днями позже. Три из девяти ведомостей датированы 3, 5 и 6 декабря соответственно. Весь период от составления и высылки указа до получения документов в Вологде охватывал более месяца (ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 126 – 137).

**ИОАННО-БОГОСЛОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В г. ВОЛОГДЕ
(ОПИСАНИЕ ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Основу исторического описания составили данные церковно-приходской летописи Иоанно-Богословской церкви за 1867–1907 годы, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области в объединенном архивном фонде церковей Вологодской епархии.

Богословская церковь находилась во второй полицейской части г. Вологды, во втором квартале, вблизи Иоанно-Богословской и Михайло-Архангельской улиц, недалеко от реки Вологды, на ее правом берегу (современное местоположение: г. Вологда, ул. Маяковского, 16«а»). Соседние церкви: приписная Михайло-Архангельская, Воскресенская, что на Ленивой площадке, Ильинская на Каменье, Спасо-Болотская и Царе-Константиновская.

Свое название она получила от главного престола в холодной церкви во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В летописи также указано второе наименование церкви – «что за Ленивым торгом»¹.

Церковная летопись подтверждает существование данного прихода еще в первой половине XVII века. Упомянут найденный в церкви святой антиминс со следующей надписью: «Освятися алтарь Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа в церкви святого и всехвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова великим государем, преосвященным Варлаамом, архиепископом Вологодским и Великопермским при царе Михаиле Федоровиче и царевиче Алексее Михайловиче и при святейшем патриархе Филарете лета 7143 (1635 г.) месяца мая шестой день на память святого праведного Иова». По данным летописи сведений о более раннем существовании церкви не сохранилось.

По воспоминаниям приходского священника Арсения Гавриловича Соколова, служившего при храме с 1830 по 1857 гг., Дмитрий Андреевич Прянишников – «уроженец сего прихода» и церковный староста в 1830 году читал грамоту на построение этой церкви, из которой запомнил, что Иоанно-Богословская церковь построена усердием купца Сычугова. Эта фамилия фигурирует и в сохранившейся надписи на иконе Воскресения Христова, которая находилась в этой церкви: «Лета 7200 (1692 г.) написан образ сей Воскресения Господа нашего Иисуса Христа со страстями тщанием вологодского мещанина Федора Тимофеевича Сычугова по его обещанию и сына его Якова»².

Внешний вид храма и внутреннее убранство в имеющихся документах описаны следующим образом. Церковь была двухэтажная, «четвероуголая», одноглавая, но «раньше пятиглавая, что помнили некоторые старожилы». Длина 15 сажень, ширина 5 сажень и 2 аршина, высота главного корпуса с главой и крестом 17 сажень. На стрельчатом своде «фонарь» главного корпуса с шестью окнами, увенчанный круглой главой и четырехконечным железным прорезным крестом. Алтарь четырехугольный, покрытый железом, без главы и креста. Все крыши и главы на церкви железные, покрашенные ярью. Вход в церковь один – с западной стороны³.

В нижней церкви располагались паперть и трапеза. В верхнюю церковь вела деревянная с перилами лестница в 3 поворота и трапеза.

В верхнем холодном храме – один престол во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Предалтарный иконостас в этом храме пятирусный, вызолочен по белому фону и украшен карнизами и резными круглыми колоннами. Царские врата резные, золоченые с шестью иконами: Благовещения и четырех евангелистов; над ними в клейме образ Превечного Агнца, положенного на дискос с двумя ангелами. На боковых сторонах врат помещены образы: по правую – святителей Григория Богослова, Афанасия Александрийского и Василия Анкирского; по левую – Василия Великого, Иоанна Златоуста и Кирилла Александрийского.

По правую сторону царских врат находились иконы:

1) Вседержителя с молящимися ему шестью угодниками и двумя ангелами. На Вседержителе венец и гривна непробного позолоченного серебра, ожерелье жемчужное; на молящихся – венцы непробного серебра весом 2 фунта 9 золотников;

2) храмовая икона апостола и евангелиста Иоанна Богослова с чудесами. Венцы на апостоле и ангеле серебряные с позолотой 84 пробы; риза пробного серебра весом 11 фунтов 76 золотников;

3) Похвалы Богородицы (у южной стены). На Богоматери жемчужная риза. Всего на образе 11 венчиков непробного серебра весом 50 золотников;

4) Архистратига Михаила (на южной стене рядом с предыдущей). Венцы и гривна непробного серебра позолоченная весом 1 фунт и 12 золотников.

Иконы по левую сторону царских врат:

1) Божьей Матери Одигитрии. На ней возглавие, жемчужные поднизка и перерукавье, два венца и две серебряные гривны с позолотой, 4 серебряные звезды непробного серебра весом 5 фунтов 23 золотника;

2) Покрова Богородицы – над дверьми;

3) святой Троицы. На ней 5 венцов без пробы весом 61 золотник;

4) Воскресения Христова (на северной стене). На ней 2 серебряных венца без пробы весом 8 золотников;

5) святителя Николая Мирликийского с чудесами. На иконе серебряный венец без пробы весом 50 золотников.

Во втором ярусе иконостаса располагались двадцать икон двенадцатых праздников и других событий из Нового Завета. В третьем ярусе, в середине – икона «Спас в силах», по её сторонам – образы Иоанна Предтечи, двух архангелов и 14 икон святых апостолов. В четвертом ярусе – икона Божьей Матери с младенцем и архангелами, по её сторонам 18 икон святых пророков. В пятом ярусе в середине – икона Бога Отца и Сына Божия, по сторонам 18 праотцев. Верх иконостаса венчал образ благословляющего Спасителя. Всего во всех ярусах насчитывалось 87 икон.

Особого внимания заслуживает находящаяся в окне правого клироса икона молящегося Иоанна Богослова Божией Матери о сохранении храма и города от сильной грозы, случившейся в Вологде 7 мая 1703 года.

В нижнем теплом храме был один престол во имя Похвалы Пресвятой Богородицы, освященный в 1777 году. Иконостас столярной работы, украшенный резьбой по зеленому фону с белыми колоннами, односторонний. Крестообразные позолоченные Царские врата были построены в 1863 году.

Колокольня церкви была построена между 1794 и 1795 годами на средства генерал-адмирала Ивана Яковлевича Барша и купца Ивана Алексеевича Шапкина. Высота колокольни со шпилем и крестом составляла 20 сажений. В основании четырехугольная в три яруса, покрытая «четвероугольным, с четырьмя фальшивыми окошками, куполом», на котором устроен глухой фонарь, над фонарем возвышался среднего размера тонкий шпиль и восьмиконечный деревянный крест, покрытый белым железом. Колоколов на колокольне с четырьмя пролетами было 9, весом около 60 пудов⁴.

В ризнице храма хранились различные богослужебные предметы:

– евангелие, отпечатанное в Москве в 1681 году на «полуалександрии». Передняя доска евангелия обложена вызолоченным серебром, а задняя с корешком покрыты рыжим бархатом, средник и наугольники серебряные, без пробы;

– серебряный восьмиконечный позолоченный крест без пробы;

– финифтяное распятие, украшенное венцом из резных камней, «обнизанное вокруг средним жемчугом». На левой стороне изображен ангел;

– потир, дискос, звезда, лжица и две тарелочки весом 4 фунта 23 золотника;

– серебряный ковчег весом 1 фунт 30 золотников, серебряное кадило 84 пробы весом 1 фунт 11 золотников. Воздух и два парчовых покрова с золотом. 39 священнических риз.

В библиотеке находились следующие книги: «Камень веры» Стефана Яворского (1729 г.); «Жезл правления, утверждения, наказания и казнения» (1753 г.); «Праздничная минея» (1706 г.); «Пращица духовная» (1721 г.)⁵.

В 1885 году вокруг церкви была сделана деревянная ограда, а в 1912 году по лицевой стороне храма построена новая деревянная ограда со святыми воротами. В 1910 году для причта церкви был построен деревянный двухэтажный дом⁶.

В 1868 году причта по штату полагалось – 1 священник и 2 причетника. В действительности же на службе были 1 священник и 2 дьякона. Из священников, служивших в храме, известны: Арсений Соколов, Иван Добряков, Александр Ренатов, Владимир Образцов, Алексей Флоренский и Василий Кулаков. Дьяконы: Дмитрий Румянцев, Николай Швецов, Виктор Соколов, Константин Одинцов. Псаломщики: Леонид Суханов, Николай Павлович Ухтомский и Александр Николаевич Неклюдов. Церковные старосты: Александр Коровин, Александр Семенович Сумароков, Иллиодор Аполлонович Шахов⁷.

В 1868 году доходы церкви от прихожан с пожен и банковских билетов составили от 150 до 200-х рублей серебром в год, от молебствий, поминовений, треб, пожен и банковских билетов – до 500 рублей серебром в год. В «кошелек и кружку» в том же году собрано 154 рубля 11 копеек. Свечной прибыли – 15 рублей 51 копейка. В 1874 году получены билеты и свидетельства кредитных учреждений на неприкосновенный капитал на сумму 5 тысяч 82 рубля⁸.

В приходе Иоанно-Богословской церкви в 1870 году состояло:

- военных – 4 мужского и 4 женского пола,
- статских – 27 мужского и 31 женского пола,
- купцов и мещан – мужского 16, женского 91,
- крестьян – мужского 3, женского 3.

Всего прихожан с духовенством: мужского пола 106 душ, женского – 140 душ. Домов и дворов – 27⁹.

Многие богослужебные предметы были пожертвованы храму прихожанами. Так, икона «Воскресение Христово» с клеймами страстей 1692 года – коллективное произведение четырех мастеров Еромолая и Якова Сергиевых, Петра Савельева и Семена Карпова, а также Евангелие 1681 года пожертвованы купцом Федором Тимофеевичем Сычуговым. В 1871 году в теплый храм было пожертвовано паникадило, 2 бархатные ризы и два стихаря. В 1872 году в храм поступили пожертвования: 3 ризы и 3

стихаря, подризник белого глазета, медное паникадило в теплую церковь, серебряный пятиглавый ковчег для хранения святых даров 84-й пробы весом 237 золотников. В 1873 году статский советник Михаил Подгородецкий пожертвовал в церковь фелонь малинного бархата, епатрахиль, набедренник, пояс, поручи, сосуды для благословенных хлебов, чашу для освящения воды и сосуд для святого мира. В 1887 году московский купец Апполос Коровин пожертвовал две медные позолоченные хоругви.¹⁰

В середине XIX – начале XX вв. Иоанно-Богословскую церковь неоднократно посещали местные архипастыри. Так, в 1865 году епископ Вологодский и Устюгский Христофор освятил нижний теплый храм во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. 8 мая 1872 года в храмовый праздник Иоанна Богослова в холодном храме литургию совершал преосвященнейший Палладий, епископ Вологодский и Устюгский. 21 июня 1875 года епископ Вологодский и Устюгский Феодосий служил в храме всенощное бдение, а 22 июня совершил освящение всего храма. 2 августа 1906 года храм посетил вологодский епископ Никон¹¹.

В 1908 году по России свирепствовала моровая язва (холера) и, чтобы спастись от этой беды, вологжане решили принести из Семигородней пустыни в Вологду чудотворную икону «Успение Божией Матери». Эта икона крестным ходом переходила из храма в храм и 25 октября была принесена в Иоанно-Богословскую церковь. Здесь, при большом стечении народа было совершено всенощное бдение с акафистом и ранняя литургия с молебном. Второй раз икону принесли в храм в 1911 году¹².

В феврале 1930 года церковь была закрыта. В ней находился пересыльный пункт для репрессированных украинцев, общежитие стройтреста, в дальнейшем – цех ремонта мебели и ритуальных услуг, фабрика № 3 производственного объединения «Прогресс». В настоящее время храм находится в полуразрушенном состоянии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Вологодской области. Ф.1063. Оп.17. Д.43. Лл.2, 2 об.

² Там же. Лл. 3, 3 об., 4.

³ Там же. Лл. 6 об., 7.

⁴ Там же. Лл. 3, 6 об., 7.

⁵ Там же. Лл. 11 об. – 12 об.

⁶ Там же. Лл. 23, 35 об., 18 об., 32 об.

⁷ Там же. Лл. 12 об., 19 об., 4, 18, 18 об., 20 об., 21, 23, 24 об., 29 об., 19, 20, 24 об., 26, 28, 29, 20 об., 23, 24 об.

⁸ Там же. Лл. 12 об., 22, 19, 20.

⁹ Там же. Лл. 12 об., 19 об., 24 об., 25.

¹⁰ Там же. Лл. 4, 4 об., 20, 20 об., 21, 23 об., 9 об.

¹¹ Там же. Лл. 18 об., 20 об., 22 об., 30 об.

¹² Там же. Лл. 31, 31 об., 35.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ИСТОРИИ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ (КИРИЛЛОВСКИЙ РАЙОН)

В последние годы интерес исследователей к истории Русской православной церкви неизмеримо вырос. Особый интерес вызывают отношения государства и церкви после 1917 года. Ее не миновала горькая чаша репрессий. Под предлогом сбора средств на борьбу с голодом была конфискована значительная часть церковных ценностей. Усиливалась антирелигиозная пропаганда, закрытые храмы использовались под производственные цеха, склады, квартиры и клубы, а монастыри – под тюрьмы и колонии. Многие храмы уничтожались, разрушались православные святыни русского народа. С колоколен снимались колокола под предлогом того, что они мешают слушать радио. Закрытие храмов и уничтожение святынь сопровождалось арестами священнослужителей, высылками и ссылками. К 1930 году в Кирилловском районе действующими оставались 31 церковь и 38 часовен. К концу 1930-х годов фактически все они были закрыты.

На фоне этих событий очень интересна судьба Покровской подгородной церкви, которая отражена в документах Покровского религиозного общества за 1934 – 1952 годы, поступивших в архивный отдел администрации Кирилловского муниципального района.

В марте 1934 года в Кирилловский районный исполнительный комитет поступило заявление, в котором была выражена просьба о регистрации православного общества верующих: «Для совместного удовлетворения религиозных потребностей мы, граждане в числе 22 человек, принадлежащие к православному вероисповеданию, решили образовать Покровское подгородное религиозное общество». К заявлению были приложены списки учредителей Покровского подгородного религиозного общества, членов церковного Совета и членов ревизионного комитета. В списке учредителей религиозного общества состояло 26 человек, из них 18 мужчин и 8 женщин в возрасте от 28 до 74 лет. По социальному происхождению это было в основном крестьянство, имелось два представителя духовенства, один мещанин. Председателем Покровского подгородного религиозного общества и председателем церковного совета был назначен Аверин Дмитрий Семенович, проживавший на хуторе Заречье Суховерховского сельского совета. Деятельность объединения распространялась на деревни Аксеново, Хвощеватик, Карботка, Лобаново, Кривошейново, Пески, Кундюково, Кленовицы, Колдома, Суховерхово, Перхино, Мали-

но, Зауломское, Соколье, Шилияково, Шортино, Б.Зауломское, хутора Емельяново и Дуброво, м. Покров. Количество человек, входивших в данное общество, насчитывало 430, возраст составлял от 19 до 81 года ¹.

В марте 1934 года был составлен договор между религиозным обществом и Кирилловским районным исполнительным комитетом: «Исполнительный комитет передает, а граждане принимают в бесплатное, бессрочное пользование следующее государственное имущество: а) каменное молитвенное здание, окруженное каменной оградой и расположенное в селе Покров Суховерховского сельского совета; б) культовое имущество по прилагаемой описи; в) помещение, специально служащее для жилья сторожа...». По этому договору граждане обязывались «пользоваться молитвенным зданием...исключительно для удовлетворения религиозных потребностей», а также «производить ремонт..., нести расходы...по оплате налогов, сборов, охране и т.п.» ². 29 июля 1934 года Покровское подгородное религиозное общество было зарегистрировано в Кирилловском райисполкоме, что подтверждает удостоверение, выданное Кирилловским районным отделом Записи актов гражданского состояния ³.

К сожалению, документы, находящиеся в данном деле, практически не имеют дат, но можно предположить, что религиозному обществу приходилось проходить перерегистрацию. Так как имеется новое заявление, изменен состав членов церковного совета, пополнился и список верующих, который составил 440 человек (предположительно эти документы относятся к 1935–1937 году). Меняются и председатели Церковного совета – сначала им становится Андреев Петр Иванович, проживавший в деревне Шилияково Звозского сельсовета, а в 1937 году председателем становится Козлов Алексей Иванович, проживающий в д. Кундюково Суховерховского сельсовета ⁴. Верующими проводились собрания, на которых решались вопросы, связанные с деятельностью общины. Сохранилась копия протокола собрания от 7 января 1936 года. Из него следует, что прежде чем проводить собрание, нужно было получить разрешение сельсовета. На этом собрании присутствовали уполномоченный от Суховерховского сельсовета, верующие в количестве 199 человек (36 мужчин, 163 женщины). Открывал собрание председатель общины Аверин Дмитрий Семенович. На повестке собрания стояли такие вопросы как отчет о деятельности церковного совета, выборы членов церковного совета и ревизионной комиссии, оплата налогов, выборы «двадцатки» (распорядительного органа).

В деле находятся анкеты на служителя Покровского подгородного религиозного общества Остроумова Василия Петровича, написанные «марта 2-го дня 1934 года», «декабря 31 дня 1935 года». В анкетах ука-

заны год рождения, сан и род занятий, район деятельности ⁵. Родился В. П. Остроумов 1 февраля 1880 года, с 1914 года его место службы – Покровский подгородный приход. Мне удалось найти сведения о В. П. Остроумове в Интернете на сайте Русской Православной церкви. «Остроумов Василий Петрович (1880–1937), священник. Родился в д. Попово Кирилловского уезда Новгородской губернии в семье священнослужителя. Служил в церкви в с. Покровское Кирилловского района, проживал там же. Был арестован 29 августа 1937 года. 4 октября 1937 г. был осужден по ст. 58–10–11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Из обвинительного заключения: «Обвиняется в том, что был вовлечен обвиняемым Рождественским (еп. Тихон (Рождественский) в контрреволюционную повстанческую организацию церковников. По его заданию создал и возглавил в Кирилловском районе повстанческую группу. Завербовал в организацию 6 человек. Вел контрреволюционную пораженческую пропаганду. Устраивал нелегальные сборища, на которых давал установки по контрреволюционной работе участникам организации. Вел антисоветскую работу, направленную к срыву выборов в Советы депутатов трудящихся». Вместе с ним и священниками Федотовским и Шолеиновым по делу проходило более 100 православных христиан, впоследствии принявших мученическую смерть. Расстрелян 9 октября 1937 г.»

С октября 1943 года начинается новый период в истории Покровской церкви.

В 1943 году политика Советского правительства по отношению к Церкви стала меняться. В 1940-х годах наблюдается относительно массовое открытие церквей, монастырей, некоторых духовных учебных заведений. Для осуществления связи между Советским правительством и Церковью 8 октября 1943 года по предложению И. В. Сталина был образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР под председательством Г. Г. Карпова.

В начале октября 1943 года на имя председателя Кирилловского РИКа Смирнова поступает заявление от «граждан Кирилловского района» с просьбой об открытии церкви, 5 ноября - заявление о разрешении общего собрания верующих. На заявлении стоит резолюция «Разрешить собрание верующих на 14/XI–43 г.». 13 ноября 1943 года был составлен акт осмотра Покровской подгородной церкви. 3 декабря 1943 был подписан договор между религиозным обществом и Кирилловским райисполкомом. Председателем общины становится Карелина Анна Александровна, жительница г. Кириллова ⁶.

Священнослужителем Покровской церкви становится протоиерей Никитин Павел Иванович. В ноябре 1946 года П. И. Никитин получает официальный документ, что он «...зарегистрирован в качестве священни-

ка приходской общины Покровской православной церкви ... с правом совершения богослужения в назначенной церкви и церковных треб на дому у верующих по приглашению...»⁷.

В годы войны все православные приходы страны начали сбор денежных пожертвований и ценных предметов в фонд обороны. Не остался в стороне и приход Покровской церкви: «Церковный Совет Покровской религиозной общины считает долгом своим довести до сведения Вашего о патриотических взносах за время действия церкви с 4 декабря 1943 года: в 1944 году отчислено нашей общиной в фонд обороны страны 370 883 рубля, детям-сиротам наших защитников – 16 840 руб., ...9 пар катоников, 30 пар носков и 16 пар рукавиц..., ценных серебряных вещей и монет – 2 кил. 500 гр. В 1945 году добровольно отчислено нашей общиной на сирот павших воинов 58000 руб., на восстановление разоренных местностей 100 000 руб. В дет.дома и больницу полотенец – 95 штук, 16 пар катоников и 20 концов тканины (холста)».

В послевоенные годы также идет сбор пожертвований на восстановление страны: «...В 1946 году на восстановление разоренных хозяйств внесено общиной 60000 руб. и на больных воинов и на детей наших защитников внесено 52000 руб., полотенец 105 штук и 27 пар рукавиц», в 1948 году было переданы в районную больницу 10000 рублей, в школу глухонемых – 5000 рублей, «на восстановление разоренных хозяйств страны» – 5000 рублей⁸.

В конце 40-х годов религиозной общиной во главе с настоятелем церкви была предпринята попытка возврата колоколов, ранее принадлежавших церкви. Из заявления в Кирилловский райисполком от 12 марта 1948 года: «...Нам давно известно, что у нас в Кирилловском музее есть девятнадцать колоколов разных весов, и мы давно возбудили ходатайство о выдаче для нашей церкви четырех колоколов ... мы решили почтительнейше просить Кирилловский райисполком оказать нам содействие взять колокола из колхозов... Мы согласны приобрести колокола за плату по договоренности с правлениями колхозов...». Неоднократно религиозная община ходатайствовала и перед Уполномоченным Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР при Вологодском облисполкоме о приобретении колоколов, находившихся в ведении Кирилловского краеведческого музея. Но эти действия не привели ни к каким результатам, свой отказ представители власти мотивировали тем, что «...колокола, имеющиеся в колхозах, находятся в их распоряжении и значатся на учете как инвентарь, что же касается колоколов, находящихся в музее, также они считаются имуществом – ценностями музея»⁹.

Последний документ дела датируется 5 июня 1952 года. Это «Служебная ведомость от протоиерея Павла Никитина священнику Валентину Парамонову»¹⁰.

У Покровской церкви счастливая судьба. Она уцелела в первоначальном виде со времени постройки – с 1780 года, не подверглась ни разрушению, ни переделкам. Сегодня над гладью Покровского озера часто звучит звон колоколов, призывая нас помнить о прошлом, любить и беречь настоящее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архивный отдел администрации Кирилловского муниципального района. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1а, Лл. 1-18.

² Там же. Лл. 26, 27.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 124.

⁵ Там же. Лл. 71, 99, 140.

⁶ Там же. Лл. 149, 150, 159, 172.

⁷ Там же. Лл. 173.

⁸ Там же. Лл. 213, 214. «Катоников» – так в документе.

⁹ Там же. Лл. 176, 177, 208, 209.

¹⁰ Там же. Л. 221.

Е. С. Фасхутдинова

АРХИЕРЕЙСКИЕ ВИЗИТАЦИИ ЕПИСКОПА ИЗРАИЛЯ (1883–1894 гг.)

Архиерейские визитации и сейчас, и в XIX веке, являлись одной из важнейших форм управленческой деятельности епископов. В обязанность епархиального архиерея входило предоставление Священному Синоду ежегодного отчета по установленной форме о религиозном, административном и финансово-хозяйственном состоянии епархии.

Сведения о положении дел в приходах архиереи черпали из отчетов благочинных, епархиального миссионера и его помощников. Но по одним бумагам с мест нельзя было составить точного представления о реальной жизни каждого прихода, поэтому одной из необходимых форм управленческой деятельности епископов стали регулярные поездки по епархии. Такие поездки давали возможность многое увидеть своими глазами – осмотреть церкви, проверить церковную документацию, лично побеседовать со священнослужителями и паствой.

Очень важным событием становились архиерейские визиты и для приходских священнослужителей, и для паствы. Приезд правящего архиерея на приход становился столь значительным событием, что о нем вспоминали потом многие годы. Во время поездок архиереи совершали богослужения, обращались к пастве с поучениями. Архиерейские службы и проповеди были особенно торжественны и благоговейны и оставляли неизгладимый отпечаток в душах простых людей.

В этой работе будет предпринята попытка осветить данную форму деятельности епископов на примере архиерейских визитаций епископа Израиля (1883–1894 гг.), возглавлявшего Вологодскую кафедру с 1883 по 1894 год. Епископ Израиль (в миру – Иван Никулицкий) родился в 1832 году в Рязанской губернии в семье диакона. Обучался в Рязанской духовной семинарии и затем в Московской духовной академии, где и окончил курс со степенью кандидата богословия.

Сразу по окончании курса наук в Академии, в 1857 году, был пострижен в монашество. Через год, в 1858 году, был рукоположен в иеродиакона, а затем – в иеромонаха.

Молодой ученый монах был определён инспектором и учителем Калужского духовного училища на класс священной и русской истории и греческого языка. И двадцать два года он посвятил насыщенной педагогической деятельности.

В 1858 году был определён смотрителем Пензенского духовного училища и учителем пространного катехизиса и латинского языка. В июне 1862 года был перемещён на должность наставника Пензенской духовной семинарии по классу всеобщей гражданской истории и соединённых с нею предметов. 30 июня 1862 года был определён помощником инспектора семинарии. В 1863 году по определению Святейшего Правительствующего Синода Израиль был перемещён в Могилёвскую семинарию на должность инспектора. 16 декабря 1872 года указом Святейшего Синода определён исправляющим должность ректора Витебской духовной семинарии.

Епископское служение Преосвященного Израиля началось в 1879 году, когда он был назначен Епископом Новомиргородским, викарием Херсонской епархии. С января 1883 года – Епископом Острожским, викарием Волынской епархии.

С 25 октября 1883 года епископ Израиль был перемещён на Вологодскую и Тотемскую кафедру.

7 декабря 1883 года Преосвященный Израиль вступил в управление Вологодскою епархией, на которой он прослужил до дня своей кончины 23 апреля 1894 года¹. На Русском Севере Преосвященный Израиль оказался впервые, может быть этим можно объяснить интерес епископа к отдалённым от центра приходам и его неоднократные поездки по епархии.

Преосвященный Израиль неоднократно совершал поездки по епархии (Таблица 1).

Накануне каждой поездки епископ делал прошение в Вологодскую духовную консисторию с предложением сделать распоряжение о приведении в известность о его визите как благочинных церквей и настоятелей монастырей, так и гражданское начальство.

Все поездки Преосвященного Израиля приходились на летнее время и по продолжительности занимали от двух до четырёх недель. За это время Преосвященный успевал обзреть от 22 до 55 церквей. Особо выделяется поездка епископа Израиля 1886 г., когда им было осмотрено 139 церквей. За один день епископ посещал в среднем от 2 до 5 церквей. На осмотр монастыря обычно уходило 1–2 дня.

Таблица №1

Поездки епископа Израиля по Вологодской епархии в 1883–1894 гг.

Год	Время поездки	Осмотренные уезды	Количество осмотренных приходов и монастырей
1885 г.	с 5 по 25 июля	Грязовецкий Вологодский Кадниковский Тотемский Сольвычегодский Никольский	6 монастырей 55 церквей
1886 г.	с 4 по 30 июля	Вологодский Кадниковский Тотемский Грязовецкий	139 церквей
1887 г.	с 26 июня по 18 июля	Устюжский Сольвычегодский Вельский	3 монастыря 42 церкви
1889 г.	с 23 июля по 6 августа	Вологодский Кадниковский	44 церкви
1893 г.	июль	Грязовецкий Вологодский	1 монастырь 22 церкви

Источники: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15691, 15817, 15914, 16202, 16503.

Во время своих поездок Преосвященный Израиль побывал в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Тотемском, Сольвычегодском, Никольском, Устюжском и Вельском уездах. Церкви Вологодского уезда Владыка посещал 4 раза, Грязовецкого и Кадниковского – 3, Тотемского и Сольвычегодского – 2, Никольского, Устюжского и Вельского – 1.

В 1887 году Преосвященный Израиль совершил поездку с целью обозрения церквей и монастырей в Сольвычегодский и Вельский уезды. Эти уезды вообще не часто посещались архипастырями. В ту поездку епископ Израиль побывал в приходах, которые вообще впервые были посещаемы архипастырем. Прихожане встречали епископа Израиля очень радушно и с большой радостью, что и было отмечено им в путевом журнале: «Так как со времени освящения тёплого храма Высокопреосвященнейшим Гавриилом в 1716 году другие архипастыри не посещали этого прихода, то меня прихожане встречали и провожали с живым участием»².

После посещения Удимской Васильевской церкви было записано: «Так как этого прихода архипастыри не посещали, то народ встречал меня с радушием и на все мои предложения исправить замеченные недостатки, изъявлял полную готовность исправить всё»³.

Во время обозрения епархии составлялись путевые журналы, анализ которых позволяет подробно проследить «схему», по которой проходил осмотр церквей.

В первую очередь епископ обращал внимание на общее состояние и благоустройство храма. В путевых журналах отмечалось чисто или грязно в храме, бедна или богата церковь ризницей и церковными принадлежностями, в каком состоянии находятся престол и жертвенник, царские врата, иконы. В путевых журналах часто отмечается, что в храмах грязно: «тёплая же (церковь) грязна; оконные рамы ветхи и грязны. Завесы на царских вратах ветхи и нечисты», или «церковь бедна и грязна; на стенах пыль лежит слоями; ризы на иконах не чищены с давних пор. Подсвечники очень почернели»⁴.

Преосвященный Израиль тщательно осматривал каждую церковь, обращал внимание на пожарную безопасность в храме и на прилегающей территории. Часто встречаются замечания следующего характера – «над царскими вратами горит свеча, следует заменить её для предупреждения опасности лампадкою с маслом» или «вход в церковь должен быть шире на случай опасности от пожара». «Вокруг церкви настроено много деревянных строений, которые могут угрожать в случае пожара» или «дрова для отопления церкви хранятся слишком близко к храму и притом открыто, следует для них отвести другое место и устроить сарай»⁵.

Епископ Израиль как требовательный и скрупулёзный администратор-хозяйственник указывает на «слишком круто устроенную лестницу, ведущую в церковь», на «необходимость скосить траву вокруг церкви; спустить ниже водосточные трубы и прорыть канаву для стока воды»⁶. Указывал епископ в своих журналах на необходимость частичного ремонта в некоторых церквях. Где-то, по его мнению, следовало бы снаружи поштукатурить и покрасить церковь, где-то покрасить потолок или привести в порядок обветшалый вход в церковь⁷.

Одной из самых распространённых проблем, замеченной «почти повсюду», епископ Израиль называл «сырость в храмах». Причина этого крылась в том, что «двойные рамы делаются нерастворчатыми, и по несколько лет остаются наглухо закитованными». В резолюции, последовавшей в журнале Духовной консистории после обозрения епархии, для устранения замеченного недостатка приказано было предписать, чтобы «настоятели монастырей, соборные протоиереи, причты соборные, приходские и безприходные со старостами и попечителями всемерно озаботились предохранением своих церквей от сырости и вредного воздуха посредством устройства створчатых рам, вентиляции и тщательного проветривания храмов через выставку зимних рам»⁸.

Особо тщательное внимание епископ Израиль осматривал иконы и церковную утварь. Преосвященный указывал в путевых журналах, что в храмах «есть иконы с неправильным благословением» или же «с неправильным перстосложением». Встречаются замечания следующего характера: «... тут же икона Божьей Матери с подпёртою рукою, писана в католическом духе» или «в левом приделе за жертвенником висит икона «Коронования Божьей Матери», которая редко употребляется в церкви православной, так как она заграничного письма». Преосвященный призывал обращать внимание на вновь приобретаемые иконы, чтобы «они были строго православного письма»⁹.

Стоит отметить, что епископ Израиль строго придерживался православных традиций в обстановке и убранстве церквей. Протоиерей Попов в своих воспоминаниях отмечал, как был возмущён Преосвященный Израиль наличием скамеек в одной из церквей: «Едва переступил Преосвященный за порог церковный, как, окинув взглядом храм Божий и не обращаясь ни к кому лично, гневно заговорил: «Куда меня привели?» Молчание. Снова тот же вопрос: «Куда меня привели?» И опять молчание. ... Я в недоумении пошел осматривать церковь, где все было довольно прилично, кроме скамей, устроенных для народа во внебогослужбное время. «Да это костел», – раздалось вослед за мною слова Владыки, продолжавшего неподвижно стоять у порога. Тогда я смекнул, что епископу не нравятся находящиеся в храме скамьи»¹⁰.

В другой церкви, по тем же воспоминаниям протоиерея Алексея Попова, епископ, «увидев на жертвеннике распятие, заметил, что это обычай католический, а не православный» и приказал распятие это убрать ¹¹.

Приезд архиерея всегда становился большим событием для паствы. Приходские люди встречали архиерея возле церкви, приносили с собой для архиерейского освящения мяса и другие продукты. Преосвященный Израиль, по воспоминаниям протоиерея Попова, «любивший говорить народу архипастырские поучения», всегда во время своих визитов общался с паствой не только в храме с амвона, но и вне храма ¹². В конце этих встреч епископ Израиль раздавал прихожанам «Троицкие листки» и брошюры религиозно-нравственного содержания, маленьким детям дарил нательные крестики.

В одном из своих путевых журналов Преосвященный Израиль так описывал своё общение с паствой: «На пути в большей части деревень у часовен среди улиц ставились столы с печёным хлебом, разными семенами и св. водой; причём были выносимы иконы или из часовен или из частных домов. По просьбе народа по прочтении молитвы кем-либо из прихожан, всё поставленное на стол было окропляемо святой водой; той же святой водой был окропляем и весь стоявший у столов народ. Если на пути встречались часовни, то по желанию прихожан я заходил в них и делал, если нужно было, некоторые распоряжения касательно внутреннего и внешнего устройства их. Если приходилось выходить из экипажа и идти пешком, то народ по своему усердию провожал меня иногда даже с пением до тех пор, пока не приходилось отпустить его обратно. Когда же приходилось заходить из церкви в дом священника, то народ, также по своему усердию, не только провожал меня до самого дома, но и дождался моего отъезда и в это время пел знакомые ему церковные песни под руководством псаломщика» ¹³.

Стоит отметить, что Преосвященный любил церковные песнопения и иногда, общаясь с паствой в церковной ограде, просил исполнить какое-либо церковное песнопение. Если в приходе имелся свой церковный хор, епископ обязательно просил певчих что-нибудь исполнить. После этого в путевых журналах обязательно появлялись следующие замечания: «прихожане умеют довольно хорошо петь церковные песнопения, я советовал ввести общее пение»¹⁴ или «на клиросе поёт 5 человек и то не совсем складно, следует увеличить хор и улучшить пение» ¹⁵.

В своих путевых журналах Преосвященный Израиль часто сетовал, что народ «не научен подходить под благословение» ¹⁶. Протоиерей Попов, вспоминая о визите епископа Израиля, отмечал, что благословляя народ, Преосвященный требовал, чтобы желающий получить архипастырское благословение умел правильно складывать обе руки – «не кое-как

протянувши одну руку, а сложивши обе руки вместе, обязательно сверху притом правую руку, в добром порядке». Он любил также, чтобы народ подходил за благословением с одной стороны, а не беспорядочно ¹⁷.

Благодаря таким визитам и личному общению с народом, правящий архиерей узнавал о различных «пороках паствы» и привычках прихожан, бытующих в приходах. В путевых журналах епископ Израиль отмечал: «в приходах существует народный обычай – а) ходить на посиделки во время постов: Рождественского и Св. Четырдесятницы, б) собираться для увеселений под праздники и в праздники и в) не весь народ ежегодно бывает на Исповеди и у Святого Причастия, а многие не исполняют сего долга даже по нескольку лет» ¹⁸. В своих путевых журналах Епископ Израиль всегда указывал – сколько в каждом приходе прихожан не было на исповеди и у святого причастия, и всегда призывал в своих беседах с паствой исполнять «этот христианский долг ежегодно» ¹⁹.

Узнавал Преосвященный и о более «странных» обычаях – в некоторых приходах молодые девушки ходили в церковь только на праздники Крещения, 1 августа, на второй день Пасхи или вообще не ходили до брака на литургии ²⁰. Были приходы, в которых существовал обычай «молодым после брака в первый год не исповедоваться» или «носить кольца до брака» ²¹.

Епископ призывал священников к совместному воздействию на прихожан по искоренению «вредного» обычая ночных посиделок, особенно во время Великого поста, призывал принять пастырские меры по разъяснению святости и величия воскресных и праздничных дней и необходимости ежегодного исполнения святых таинств исповеди и причастия ²².

Такие поездки по епархии давали возможность Епископу лично познакомиться и пообщаться со своими подчинёнными – сельскими священниками.

Одним из наиболее часто встречающихся в путевых журналах замечанием, касающимся священников, являлось их пьянство. Некоторые священники не стеснялись этой своей слабости и даже встречали Епископа «с винным запахом» ²³. Стоит отметить, что сам епископ Израиль вёл жизнь трезвую ²⁴.

В работе приходского духовенства Епископ обращал внимание на ведение церковной документации – церковных летописей, приходно-расходных книг. Делал замечания и указывал в путевых журналах на то, что часто встречаются в приходно-расходных книгах «поправки и подчистки без оговорок» ²⁵. Особенно епископ был обеспокоен непониманием священниками смысла ведения церковных летописей: «в летопись вносятся события, не относящиеся ни к местной церкви, ни к приходу» ²⁶.

Во время поездки по епархии в 1889 году епископ Израиль сделал в путевом журнале общее замечание по ведению церковных летописей: «Церковные летописи ведутся во всех церквях не согласно с требованием программы. Так, например, в них вносятся такие сведения, какие можно найти и в других документах церковных, как то: сведения о приходе и расходе сумм, или же сведения маловажные, например, о найме сторожа, или же сведения общеизвестные, которые печатаются в газетах. Вообще церковные летописи бедны сведениями, заслуживающими серьезного внимания»²⁷.

В путевых журналах епископ Израиль давал краткие характеристики приходским священнослужителям, отмечал достоинства и указывал на замеченные им недостатки. «Священник не отличается распорядительностью и деятельностью в приходе. Диакон ошибается в служении»²⁸. «Священник малоразвит и не отличается распорядительностью, проповедей не говорит. Псаломщик читать и петь малоспособен, кроме того страдает глухотой и не совсем трезв»²⁹.

Познакомившись с приходской жизнью и работой приходских священнослужителей лично, епископ Израиль принимал решения о каких-либо необходимых кадровых изменениях в приходе или поощрениях за усердную службу некоторых священников.

Преосвященный всегда обращал внимание, есть ли при церкви церковно-приходская школа. Если таковая имелась, то в путевом журнале описывалось помещение, в котором размещается школа, количество учеников (мальчиков и девочек), уровень знаний их Закона Божия, сведения об учителе. Например: «Воскресенская Великоорецкая церковь. Церковно-приходская школа существует с 1886 года. Здание для школы устроено новое, деревянное на каменном фундаменте, весьма приличное. Учащихся было в учебном году 27 мальчиков и 3 девочки. Учительницей состоит окончившая курс в Грязовецкой прогимназии Евгения Богословская, 19 лет. К должности усердна. Законоучитель приходский священник Иоанн Богословский, 63 лет, трезвый, ходит в школу нечасто, предоставляя преподавание Закона Божия учительнице, своей племяннице»³⁰.

Подведем итоги. Епископ Израиль в течение всего срока пребывания на Вологодской кафедре внимательно обследовал положение дел в приходах епархии. Маршруты его не ограничивались только близлежащими к епархиальному городу уездами, а проходили по всей обширной территории Вологодской епархии. Такие поездки давали архиерею возможность своими глазами увидеть проблемы, стоявшие перед приходами, оценить их финансово-хозяйственное состояние. В круг проблем,

волновавших Преосвященного Израиля, входило состояние приходского храма, нравственное состояние клира, чёткое ведение церковной документации.

Но важность визитаций не стоит ограничивать одной контрольно-управленческой функцией. Личные визиты епископа несли, несомненно, огромное религиозно-нравственное значение для паствы. Приезд владыки на приход становился неординарным, волнительным и запоминающимся событием для прихожан и священнослужителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 15591. Послужной список Вологодского епископа Израиля.

² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15914.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 15817.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 15691.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 15817.

¹⁰ Попов Алексей (протоиерей). Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии. – Вологда: Типография Губернского правления, 1913.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16503.

¹⁴ Там же. Д. 15817.

¹⁵ Там же. Д. 15914.

¹⁶ Там же. Д. 15691.

¹⁷ Попов Алексей (протоиерей). Указ. соч.

¹⁸ ГАВО Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 15817.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д. 15691.

²¹ Там же. Д. 15914.

²² Там же. Д. 15817.

²³ Там же. Д. 15691.

²⁴ Попов Алексей (протоиерей). Указ. соч.

²⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15691.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 16202.

²⁸ Там же. Д. 15817.

²⁹ Там же. Д. 15914.

³⁰ Там же. Д. 16503.

**Л. В. АФЕТОВ И ЕГО РУКОПИСЬ: «ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
БЫВШЕГО ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО
МОНАСТЫРЯ И ЕГО ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ»**

Рукопись Леонида Васильевича Афетова «Исторический очерк бывшего Череповецкого Воскресенского монастыря и его земельных владений» поступила в Череповецкий краеведческий музей 11 апреля 1930 года от Елены Михайловны Ажисантовой, дочери Марии Леонидовны Афетовой, внучки Л. В. Афетова ¹.

По воспоминаниям родственников родился Леонид Васильевич Афетов «в селе Ильинское Спас-Мяксинского уезда». Отец его, священнослужитель, рано ушел из жизни, успев лишь устроить младшего сына в духовную семинарию. Но Леонид «сбежал» из семинарии в хор Славянского. Создатель хора Д. А. Агрнев, по-видимому, высоко оценил от природы поставленный голос юноши.

Вместе со «Славянской капеллой» молодой Афетов побывал в странах Балканского полуострова, в Англии, Германии, Франции. Везде они выступали с громким успехом. Во Франции настоящий фурор произвела песня «Эй, ухнем!». Ее успех был настолько велик, что одна из влиятельнейших газет «Фигаро» опубликовала на своих страницах ее текст и ноты. В Лондоне «Славянская капелла» была приглашена выступить в Виндзорском замке перед королевой Викторией ².

И в России, где бы они не выступали – в аристократических салонах или в маленьких провинциальных городах – везде публика их принимала с величайшим восторгом, потому что впервые звучали со сцены любимые народом песни «Вдоль по Питерской», «Калинка», «Как у наших у ворот» и т.д.

Среднее образование Леонид Афетов получил в «Славянской капелле», при которой имелись общеобразовательные классы, работавшие по программе шестиклассного реального училища, с изучением двух иностранных языков: французского и немецкого. Каждый из певцов, кто успешно занимался в такой школе все шесть лет и прослужил в капелле не менее 10 лет, имел право сдать экзамен на чин коллежского советника. Можно предположить, что этим правом Афетов воспользовался. Во всяком случае, когда его пригласили в Александровское техническое училище, он уже имел чин коллежского советника.

История Александровского технического училища (далее – АТУ) начинается в 1869 году. Оно было учреждено братьями Иваном и Василием Милютиными и строилось на их деньги ³. В 1874 году братья передали училище в Министерство финансов – тем самым государство получило

в подарок одно из лучших учебных заведений. Училище готовило мастеров по слесарному, столярно-модельному, машиностроительному делу, машинистов и заводских чертежников с общим техническим образованием. К поступлению допускались лица всех сословий и вероисповеданий. Министерство финансов все расходы по проживанию и обучению пансионеров целиком брало на себя.

Леонид Васильевич, став воспитателем АТУ, также получил право бесплатного проживания на территории училища в казенном деревянном одноэтажном доме с садом и огородом. Поскольку Леонид Васильевич был приставлен к пансионерам как воспитатель, он обязан был находиться с ними постоянно, и, кроме того, читать в классе географию и историю. В Воскресенском соборе АТУ для своих воспитанников имело постоянные места. По субботам и воскресеньям и в царские дни, а также в Пасху, Рождество, Крещение ученики часами простаивали в церкви вместе с воспитателями, и это правило никогда не нарушалось. На Рождественские каникулы, не без участия воспитателей, устраивались самодеятельные театральные вечера. Пансионеры показывали в сокращенном виде пьесы: «Вишневый сад», «Хирургия» А. П. Чехова, «Не в свои сани не садись» А. Н. Островского, «Нос» Н. В. Гоголя. К ним приходила молодежь из женской гимназии и женского профессионального училища. После спектаклей были танцы под фортепиано.

Техники, так называли воспитанников училища, вспоминали, что Леонид Васильевич был доброжелательным человеком, уроки его проходили живо и интересно, он сопровождал свой рассказ историческими анекдотами (его ученики помнили и рассказывали их много лет спустя, при встречах). У Леонида Васильевича было прозвище «теленок». За доброту и незлобивость характера.

По воспоминаниям выпускника АТУ Николая Есина, Л. В. Афетов – «преподаватель истории и географии, седенький старичок, скромный, простой в общении, уважаемый воспитанниками-пансионерами – являлся сердечным душевным человеком. В его семье безвозмездно, бесплатно готовили детей бедных родителей для сдачи экзаменов на поступление в училище. Подготовку проводили старшие дети Леонида Васильевича. Характерно, что в таких случаях, в большинстве, инициативу проявлял сам Леонид Васильевич. Вспоминаю такой случай. Приходит домой отец и говорит: «Я мечтал тебя, Николай, отправить в ученики к сапожнику, да вот встретил Л.В. Афетова, учителя из технического училища, он не советует, а порекомендовал подать заявление для поступления в техническое училище, в пансион, учиться за счет казны. Он сказал, чтобы я с тобой приходил завтра к ним на квартиру, там оформят заявление, и его дочь Зинаида Леонидовна подготовит к экзаменам бесплатно. На другой

день мы с отцом были на квартире Афетова, оформили документы, а я остался, и его дочь стала меня готовить к сдаче экзаменов. Со мной вместе занимались еще два мальчика – Чернов Федя, Лопатин Вася. Все мы выдержали экзамены и поступили казеннокоштными пансионерами»⁴.

Леонид Васильевич был дважды женат. Его первая жена рано ушла из жизни, оставив ему двоих детей: сына Александра и дочь Софью. От второго брака с Александрой Федоровной родились еще девять детей – восемь дочерей и сын Дмитрий. Все дочери окончили в Череповце Мариинскую женскую гимназию с 8-м дополнительным классом, дающим право преподавать в начальных школах. Две из них – Августа и Антонина – получили высшее образование в Петербурге на Бестужевских курсах и в Москве на Высших женских курсах. Софья Леонидовна выбрала довольно престижную в то время в Петербурге Рождественскую фельдшерскую школу, куда принимали только тех, кто мог представить комиссии золотую медаль 8-ми классной гимназии. Александр Леонидович после окончания в Петербурге Технологического института и кругосветного плавания на крейсере «Громобой» вернулся в Череповец и работал вместе с отцом в АТУ, заведовал учебными мастерскими. Младший сын Дмитрий учился в АТУ.

В семье Афетова большое значение придавали пению. В их доме пели постоянно, выполняя домашние дела, на семейных праздниках, во время походов в лес за грибами и ягодами. Леонид Васильевич часто дирижировал этим семейным хором. Особенно он любил народную песню: «Не белы то снеги».

В 1901 году в Череповец приехала хорошо известная собирательница народных песен Е.Э. Линева. С собой она привезла фонограф – устройство для записи звука. Евгения Линева обладала незаурядным голосом – контральто, пела в Большом театре и пропагандировала народную песню. В 1897-1914 гг. Евгения Эдуардовна предприняла ряд фольклорных экспедиций по Европейской части России, в том числе по Новгородской губернии. В 1901 году Е. Э. Линева посетила Череповец.

Из письма Линевой к мужу в Москву 30 мая 1901 года: «Здесь, в Череповце, я уже нашла очень милую семью учителя Технического училища Леонида Васильевича Афетова, который знает и любит песни, и достал мне уже отличного певца-старика, голос его превосходно выходит в фонограф, мягкий тенор. Он же сопроводит к себе в деревню и там приготовит мне певцов, своих сверстников, которые знают много хороших песен. А пока я поживу здесь – прелестный городок, весь в зелени, найду комнату в частном доме, познакомлюсь и расспрошу о песнях»⁵.

По совету Афетова в проводники по череповецким селам Линева пригласила помощника повара технического училища Григория Александровича Прохорова.

В декабре 1909 года по распоряжению Императорской Академии наук в Петербурге вышла из печати книга Е. Э. Линевой «Великорусские песни в народной гармонизации». Выпуск 11. «Песни новгородские», куда вошел материал, собранный в Череповецком уезде.

В 1950-е годы на Всесоюзном радио вышла передача о русской народной песне. В ней прозвучали песни и в исполнении Леонида Васильевича Афетова. Дочери узнали его голос, было много телефонных звонков от его бывших учеников.

Была у Леонида Васильевича еще одна страсть – любовь к древностям, разного рода историческим сведениям о происхождении города Череповца, Воскресенского монастыря. В 1895 году он завершил труд по написанию исторического очерка о Череповецком Воскресенском монастыре, сопроводив его в конце пушкинской строкой: «Закончен труд, завещанный от Бога мне грешному». В качестве эпиграфа Афетов привел высказывание известного французского филолога и историка Жозефа-Эрнеста Ренана: «Созерцать свое действительное прошлое – это не только источник радости, но и благороднейшее стремление человечества»⁶.

В предисловии к очерку автор заметил: «Главная особенность этих исторических очерков заключается в приведении множеств исторических документов: грамот великих князей и царей, митрополитов и патриархов, памятей, приказов, жалоб и прочее. Это сделано в виду того, что исторические документы так легко утрачиваются, попадая в руки невежественных людей, или просто из индифферентного отношения к историческим судьбам какого либо учреждения, общества или жизни отдельного лица»⁷.

В рукописи двести с лишним страниц очень тщательного письма, перечислены все настоятели, содержатся подробные сведения о хозяйственной жизни монастыря, строительстве и возобновлении храмов с приделами, о пожарах и разорениях, которым подвергалась обитель, о возникновении при монастыре ярмарок. Кроме того, рукопись включает в себя изустные предания о происхождении Череповецкого Воскресенского монастыря и приписанных к нему пустынь, личные соображения самого автора.

В «Историческом очерке» немало лирических отступлений. Например, воображая себя одиноким монахом, оставленным наедине со стихией, Афетов пишет: «Погружаясь в беспредельное море лесных гигантов, и чувствуя среди них свое телесное бессилие, пустынный как бы теряет в этом море леса, забывает житейские невзгоды. Тихий таинственный шепот лесов, так властно располагающий к мирным думам, завладевает душою пустытника, как чарующая музыка, и таким образом дух его, успокоенный и умиротворенный, парит к великому и бесконечному; а

грозный шум во время бури (...) рисует яркими красками море житейское. (...) Живя в постоянном общении с природой, и наслаждаясь, и ясным утром, и тихим вечером, и румяной зарей, и тихой звездной ночью, и чистым бодрящим воздухом, душа пустытника проникается всепрощением, всеобъемлющей любовью и мирным блаженством и таким образом воссоединяется с самим Божеством»⁸.

Таким образом Л. В. Афетов оставил нам в наследство интереснейший исторический документ, повествующий о 400-летнем существовании Череповецкого Воскресенского монастыря, написанный талантливо со множеством неизвестных подробностей. По материалам рукописи создано немало исторических трудов, а старинные легенды, использованные Афетовым, любят приводить в своих рассказах современные экскурсоводы.

В конце прошлого года, через 115 лет, рукопись Афетова, наконец, увидела свет. Она напечатана в «Издательском Доме «Череповец» в виде подарочного издания в количестве 500 экземпляров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Научный архив Череповецкого музейного объединения (далее – ЧерМО). Р. 550.

² Дмитриева Г. М. Дмитрий Александрович Агреньев-Славянский. /litmap/tvercult/gu

³ Памятная книжка Новгородской губернии на 1873 год. Н. 1873. Стр. 151.

⁴ Есин Н. Они были первыми. /Научный архив ЧерМО. Р.1769/849. Лл. 3–4.

⁵ Цит. По: Н.Т. Документова, В.В. Тетеркина. Письма из Череповца. / Красведческий альманах «Череповец», №1. Вологда. 1996. Стр.301.

⁶ Афетов Л.В. Исторический очерк бывшего Череповецкого Воскресенского монастыря и его земельных владений. 1895. Научный архив ЧерМО. Ф. 3. Оп. 4. Рукопись. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 12

О. Б. Молодов

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПАТ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ В 1960 – 1980-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУ ГАВО)

Вологодская епархия Русской православной церкви (РПЦ) в изучаемый период территориально совпадала с нынешней Вологодской областью. До 1965 г. ее управляющий носил титул епископа (архиепископа)

Вологодского и Череповецкого, а затем решением Священного Синода им возвращено прежнее наименование – «Епископ Вологодский и Великоустюжский».

Управляющий епархией находился под особым контролем властей, прежде всего в лице уполномоченного Совета по делам РПЦ, а с 1965 г. – Совета по делам религий (далее – СПДР). Совет предписывал своим представителям в регионах в каждом ежегодном отчете докладывать об отношениях с епископом, давать характеристику его личности и деятельности. Сами уполномоченные черпали необходимую информацию об архиереях из различных источников, в том числе на основании личных впечатлений от бесед с церковными иерархами. Г.Г. Карпов, первый председатель Совета по делам РПЦ и бывший полковник госбезопасности, в 1957 г. указывал, что такие встречи необходимы «для изучения положительных качеств и слабостей епископа с тем, чтобы в дальнейшем использовать это в работе с ним»¹. Материалы фонда областного уполномоченного СПДР ГАВО (Ф. 1300. Оп. 14) дают определенные возможности для изучения вологодского епископата в указанный период².

Епископ Мстислав (1906–1978), в миру – Д.И. Волоневич, управлял епархией в 1959–1965 гг. По словам уполномоченного С.В. Матасова (работал в должности в 1960–1975 гг.), владыка Мстислав проповеди читал короткие, посвящая их борьбе за мир, религиозным праздникам, воспитанию детей в духе православной веры³. В беседе он однажды заявил, что «гневно осуждает агрессию США во Вьетнаме и одобряет Советскую внешнюю политику» (здесь и далее орфография источников сохранена – О.М.)⁴. Внешне он производил впечатление покладистого и стоворчивого епископа, поскольку просьбы властей выполнял «без упорства»⁵. Устраивала уполномоченного и его некоторая пассивность в управлении епархией: Мстислав «в церкви бывает редко (это, конечно, хорошо), [вместо личных встреч со мной], он высылает материалы почтой или посылает своего завхоза Чечевадзе (правильно – М.Н. Чавчавадзе, секретаря епископа – О.М.), а сам под видом болезней не является»⁶. «С этим, для нас положительным «недостатком» можно согласиться», – отмечал в отчете областной уполномоченный⁷.

В то же время С. В. Матасову было известно, что иногда Мстислав, «соглашаясь с ним в кабинете, на деле проводит другую линию». Например, согласившись оставить о. Михаила (Мудьюгина), будущего архиерея, в г. Вологде, он подстрекал последнего обращаться с просьбой в Совет по делам РПЦ о переводе в г. Устюжну, ссылаясь на препятствия со стороны властей⁸. Настораживали уполномоченного частые поездки

епископа по стране. Зная, что ранее Мстислав (Волонсевич) проживал в Польше и Германии, он не исключал наличия у него «преступных связей с западом»⁹.

Епископ Мелхиседек (В.М. Лебедев), 1927 года рождения, находился на вологодской кафедре в 1965–1967 годах. В отличие от своего предшественника, он характеризовался уполномоченным совсем иначе: «к службе относится ревностно, имеет хорошую подготовку (кандидат богословия), молодой и энергичный, с желанием составить себе большую карьеру». За первые полтора года Мелхиседек объехал все приходы по несколько раз, организуя свои богослужения торжественно, с чтением хорошо подготовленных проповедей, привлекая тем самым большое количество верующих¹⁰. По словам С.В. Матасова, владыка «умеет организовать деятельность церкви с расчетом большого психологического воздействия на верующих и не скрывает своих намерений проводить эту линию впредь, укрепляя состав духовенства – священников с низкой подготовкой при большом возрасте отправляет за штат (на пенсию), а вместо них направляет на приходы молодых, с хорошей богословской подготовкой»¹¹. В исследуемый период, в условиях дефицита кадров священнослужителей, своевременное заполнение образовавшихся вакансий являлось важнейшей задачей управляющего епархией, условием сохранения немногочисленных православных приходов. В настоящее время старец Мелхиседек находится на покое и проживает в Подмоскowie.

Епископ Мефодий – М.Н. Мензак (1914–1974) управлял Вологодской епархией в 1968–1972 годах. Он реже выезжал в приходы, меньше проводил работу по активизации духовенства¹². К советской действительности архиерей относился «лойяльно»¹³. «В противозаконной деятельности не замечен, в обращении с духовенством, исполнительными органами церковью всегда сдержан. Возникающие вопросы решает через своего секретаря», – отмечал в отчете С.В. Матасов¹⁴.

Судя по характеристике уполномоченного СПДР, Мефодий избрал сходную с Мстиславом (Волонсевичем) модель поведения: он «замкнут, ... делится мыслями со своим окружением редко, ... при беседах старается тактично отстаивать свою точку зрения, ... рекомендации и пожелания обычно не отвергает, если даже внутренне не совсем согласен, выполняет их. В своих кругах объясняет это нежеланием обострять отношения [с властями]»¹⁵. С другой стороны, как указывает уполномоченный, «есть основания считать, что он не согласен с существующим советским законодательством о религиозных культах, с решением Собора архиереев 1961 года¹⁶. ... Существующий порядок найма служителей культа религиозными обществами по трудовому договору вызывает в нём гнев и раздражение. «Зачем я здесь, если ничего не могу самостоятельно решить», –

сокрушенно говорит он»¹⁷. «По характеру суждений, – как отмечал С.В. Матасов, – он всё же близок к экстремистам»¹⁸, которые не случайно назвали его своим кандидатом¹⁹. Действительно, в 1970 г. Мефодий (Мензак) был одним из возможных претендентов на патриарший престол, хотя сам «с удовольствием» проголосовал за Пимена (Извекова)²⁰.

Владыку Мефодия перевели в Омскую епархию, где в 1974 г. его убили у себя дома. Существует версия, что убийство совершено украинскими националистами за его помощь партизанам на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны.

Имеющиеся в фонде уполномоченного СПДР документы начала 1970-х гг. весьма скупы по содержанию, что отчасти можно объяснить краткосрочностью пребывания некоторых епископов на вологодской кафедре.

Например, архиепископ Павел (Гольшев) (1914–1979) управлял епархией в течение восьми месяцев 1972 года. По предыдущим местам служения он известен как яркий и непримиримый борец за свободу Церкви в СССР, «экстремист»²¹. Его прибытие в Вологду вызвало шок у местных властей. К сожалению, среди доступных источников, характеризующих деятельность владыки, имеются только противоречивые воспоминания о. Константина Васильева и о. Георгия Иванова, опубликованные в епархиальной газете «Благовестник»²². О служении Павла (Гольшева) в Вологодской епархии впоследствии красноречиво говорит С.В. Матасов в отчете за 1972 г.: «Внутрицерковная жизнь ... после замены управляющего епархией архиепископа Павла стала более спокойной, но до конца еще не нормализовалась»²³.

Будучи отстраненным Священным Синодом от архиерейского служения, Павел вскоре выехал из СССР на родину в Бельгию, где в 1979 г. скончался от лейкемии. Он похоронен во Франции на кладбище под Парижем.

Сменил его на вологодской кафедре архиепископ Михаил (Чуб) (1912–1985), прослуживший здесь менее двух лет. В Вологодской епархии владыка Михаил заметного следа не оставил, хотя по предыдущим местам служения был известен как активный и деятельный управляющий. По словам уполномоченного, «к соблюдению государственного законодательства о религии и церкви [он] относился правильно», храм посещал редко²⁴.

Как гласила одна из жалоб, направленная С.В. Матасову, имел жену, которая «владыке не положена»²⁵. Практика пребывания с епископами постоянной келейницы (экономки) в то время была обычной, однако в случае с инокиней Мариной К. получила широкую огласку. В частности, патриарх Пимен, обсуждая перемещения епископата с председателем

СПДР В.А. Куроедовым, предлагал перевести Михаила в Берлин, «куда не было бы хода этой “спутнице“»²⁶. Однако в порядке ротации он был направлен обратно в Тамбовскую епархию.

Епископ Дамаскин (1937–1989) – в миру А.И. Бодрый – представитель нового поколения православного епископата, управлял епархией в течение пяти лет (1974–1979). Слабая активность его предшественников привела к тому, что в Вологодской епархии имелся дефицит кадров священнослужителей, несколько приходов обслуживались командированным духовенством. Считается, что она могла потерять самостоятельность и стать приписной к Архангельской или Ярославской епархии. Для ее «спасения» митрополит Никодим (Ротов) и направил в Вологду 37-летнего епископа.

Дамаскин (по одной опечатке уполномоченного – «Смелый») – «очень активный и деятельный архиерей, ...много служит, часто выезжает в приходские церкви, пополняет недостающее духовенство»²⁷. Со своей основной задачей новый владыка справился – укомплектовал все приходы священнослужителями, рукоположив 14 человек²⁸. Благодаря связям с другими епархиями, он обеспечил приток желающих получить сан: только за 1976 г. уполномоченному поступило 9 заявлений на регистрацию служителей культа из других регионов (четыре пришлось удовлетворить)²⁹. Главным упрёком Дамаскину со стороны нового областного уполномоченного В.П. Николаева (в должности с 1976 по 1988 г.) стала практика возведения в сан, «не обращая внимания на личность»³⁰. В 1979 г. Дамаскин (Бодрый) был переведен в Полтавскую епархию.

Архиепископ Михаил (Мудьюгин) (1914–2000) вернулся на Вологодчину в начале 1980 г. и управлял епархией в течение почти 13 лет. Уполномоченный характеризовал его как деятельного архиерея и активного проповедника.³¹ Владыка Михаил уделял много внимания более ревностному исполнению всеми служителями культа своих обязанностей, требовал от них безупречного поведения – «быть примером истинного христианина».³²

Михаил (Мудьюгин) стал активным участником возрождения религиозной свободы на Вологодской земле. При нём стали открываться храмы, возвращались мощи святых, возобновилось духовное просвещение и образование. Незначительный объем архивных материалов о нем во многом компенсируется сохранившимися документами текущего архива епархиального управления и мемуарными источниками, изданными в последние годы, в том числе к 10-летию его кончины в 2010 году. Похоронен Михаил на родине в г. Санкт-Петербурге.

В заключении стоит отметить, что материалы фонда уполномоченного СПДР фрагментарны и для создания репрезентативного комплекса источников о вологодском епископате недостаточны. Для объективного и всестороннего анализа жизни и деятельности православных иерархов второй половины XX столетия необходимо привлечение документов центральных архивов России, материалов церковных архивохранилищ и мемуаров их современников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1436. Л. 165.

² Дополнительно о вологодском епископате см.: Молодов О.Б. Вологодский православный епископат 1960–1970-х гг. в воспоминаниях современников // Церковь в истории и культуре России: сб. материалов международной научной конференции. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 г. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2010. С. 247–250; он же. Начало священнослужения владыки Михаила Мудьюгина // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междунар. науч. конф., Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 303–308.

³ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 14. Д. 22. Л. 12.

⁴ Там же. Д. 23. Л. 50.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 12.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 207. Л. 4–5.

⁷ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 22. Л. 13.

⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 207. Л. 4.

⁹ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 22. Л. 13.

¹⁰ Там же. Д. 25. Л. 7.

¹¹ Там же. Д. 25. Л. 7–8.

¹² Там же. Д. 27. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 28. Л. 9.

¹⁴ Там же. Д. 32. Л. 10.

¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 3.

¹⁶ Архиерейский Собор 1961 г. внес существенные изменения в Положение об управлении РПЦ 1945 г., отстранив духовенство от управления приходом и закрепив новую процедуру найма служителей культа исполнительным органом православной общины.

¹⁷ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 30. Л. 3.

¹⁸ Там же. Д. 32. Л. 10.

¹⁹ «Экстремистами» чиновники в данном случае именовали представителей духовенства, которые критически относились к государственной религиозной политике в целом, особенно к упомянутому решению Архиерейского Собора 1961 г., принятому под давлением властей.

²⁰ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 32. Л. 10.

²¹ Воспоминания А.И. Кузнецова об архиепископе Павле (Гольшеве) / Вступ. ст. и публ. А. Сухорукова // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История РПЦ. 2007. №3 (24). С. 143–155.

²² Агентова Е. О нелегком прошлом. Вспоминает протоиерей Георгий Иванов // Благовестник. 2008. № 4–6 (156–158); Васильев Константин, прот. Мои воспоминания // Благовестник. 2007. № 4–6 (144–146).

²³ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 38. Л. 14.

²⁴ Там же. Д. 38. Л. 15.

²⁵ Там же. Л. 14.

²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1653. Л. 44.

²⁷ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 40. Л. 1–2.

²⁸ Там же. Д. 46. Л. 3; Д. 50. Л. 2.

²⁹ Там же. Д. 44. Л. 2.

³⁰ Там же. Д. 48. Л. 3.

³¹ Там же. Д. 50. Л. 3.

³² Там же. Д. 52. Л. 1.

Люди и судьбы в истории Вологодского края

Л. О. Володина

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Современная семья в России переживает духовный кризис. Это связывается с особым характером развития российского общества в XX веке, в течение которого его тотальная трансформация произошла дважды. Как следствие, ослабление главных функций семьи – воспроизводства и социализации.

На этом фоне остро ощущается потребность в анализе традиционного опыта семейного воспитания, условий, при которых преодолевались исторически возникавшие трудности воспитания, и оценке данного опыта для современной воспитательной практики. С этой позиции важным для изучения представляется период второй половины XIX – начала XX века. Своей остротой данный период созвучен с современной социально-экономической и духовно-нравственной ситуацией российского общества.

Историческое время с 1861 по 1916 гг. для России было трудным и во многом противоречивым. Попытка правительства изменить устоявшийся образ жизни с прерогативой на модернизацию была недостаточно последовательной. Действия многих принятых законов ограничивались последующими правительственными актами.

Естественно, семья не могла не испытывать на себе столь резких изменений. Противоречивый характер проводимых в стране реформ обусловили затруднения крестьянской семьи в выборе ценностных ориентаций воспитания детей. Прежде всего, они коснулись такой ценности, как труд, стоявшей в центре крестьянской жизни.

Труд продолжал структурировать время, организовывать личные отношения в крестьянской семье. Но под воздействием коммерциализации сельского хозяйства в крестьянской среде ведущим нравственным

качеством все более становится рациональная предприимчивость. Труд стал расцениваться как источник накопления собственности. Принцип «кто не работает – тот не ест» стал терять свою прежнюю безусловность, заменяясь принципом «кто работает – тот ест». В условиях растущего товарно-денежного характера крестьянского хозяйства лидерство по возрасту должно было уступить место «расторопности и способности». Возникла необходимость «научиться ... шевелить руками более выгодным способом»¹.

С переориентацией на рациональность труда становится неоднозначным восприятие многих ценностей воспитания. Прежде всего, вследствие экономического отхода отдельных членов крестьянской семьи «стал рушиться патриархальный уклад крестьянской нравственности»².

Подобная ситуация приводила, во-первых, к «раздробленности в семье», обусловившей менее зависимый характер отношений супругов, родителей и детей. Во-вторых, ввиду возрастающей социальной активности женщин – к «убыли женской души», проявляющейся в отсутствии материнской любви³. В-третьих, ориентация на деятельность вне семьи вела к потере экономического значения многодетности.

В духовно-нравственном воспитании начинают терять свое прежнее значение такие духовные ценности, как коллективизм и соборность. Сам ход экономической жизни вел к «падению мирского согласия», «выработке нового человека деревни, более самостоятельного»⁴. Решительно заявлял о себе развивающийся индивидуализм, утверждая позицию: каждый должен полагаться на свои собственные силы.

В результате переосмысления значения труда изменилась ориентация на материальное богатство. С одной стороны, в представлении крестьянства богатство оставалось аморальным, так как всегда нажито в ущерб другим. С другой, усваивался взгляд на то, что деньги – это прямая дорога к самоутверждению.

К концу XIX в. в духовно-нравственном воспитании неоднозначной становится и позиция православной веры.

В крестьянской семье оставалась сильна потребность в религии. В вере продолжала воплощаться идея общего блага. Она имела убеждающую силу, способную поднимать русских даже на активную борьбу против национального угнетения в других странах. Председатель Тотемской уездной земской управы В. Т. Попов сообщал, что в 1876 году обеспокоенные газетными известиями о жестоких угнетениях и убийствах восточных христиан турками, крестьяне Тотемского уезда направили обращение к Государю Императору, датированное 1 января 1877 г.: «Порабощение

восточных славян мусульманами всегда возмущало всех христиан, в особенности православного русского народа... Мы готовы принести всякие жертвы для освобождения их от ненавистного мусульманского ига»⁵.

В то же время, религиозность крестьянской семьи стала приобретать «облик внешней обрядности». Возникла необходимость дополнения традиционно-религиозного мировоззрения крестьян светскими знаниями: «Прежде что – давайте житие, а ноне историйку»⁶. Наряду с книгами Священного Писания стали появляться «для удовольствия» художественные книги с рационально-активным героем (Григоровича, Толстого, Тургенева), а для «понятия действительности» – публицистические.

Итак, два обстоятельства – традиционный патриархальный уклад жизни и влияние модернизационных процессов во второй половине XIX века обусловили проблемы духовно-нравственного воспитания в крестьянской семье. В разрешении возникших трудностей важнейшую роль сыграли следующие социальные факторы: государство, религия, общественно-педагогическое движение, педагогическая наука и община.

Все факторы целенаправленно влияли на утверждение в семье новой духовной ценности – образования, которая должна «развить благоприятное отношение в семействе, уважение к закону и личности»⁷.

Губернская управа определяла оптимальные типы школ, соответствующие местным потребностям и средствам. Силами общественной педагогики для отдаленных селений учреждались передвижные школы с организованным выездом учителей. Подобная «новая обстановка учения» вызывала чувство благодарности со стороны крестьян, «не внося розни между детьми и родителями»⁸.

В деятельность по семейному воспитанию включались редакции государственной и местной периодики. Во многих уездах библиотеки пополнялись журналами центральных изданий, затрагивающих вопросы семейного воспитания. Активными читателями периодики были крестьяне, о чем свидетельствуют данные по категории читающих в различных уездах.

Повсеместно создавались родительские комитеты, на которых объяснялась политика государства в области воспитания. Силами общественной педагогики и религии организовывалось внешкольное просвещение. «Правильный ход и постановка этого направления» привлекали все большее количество крестьян к активному обсуждению проблем воспитания в семье⁹.

Немаловажную роль сыграла просветительская деятельность сельских коопераций, вызванная «стремлением залечить те раны, что наносят деревне современные социально-политические положения государства».

Она представляла собой слияние деятельности общественной педагогики, религии и общины по вопросам семейного воспитания. В ее функции входило: «осуществлять контроль к отходникам», особенно к главе дома, тем самым, поддерживая святость семейных уз¹⁰; следить за соблюдением правил приличия в общественных местах. Осуществлялась ориентация на сохранение нравственных ценностей в деловых отношениях и эмоциональном сознании: честности, справедливости, верности слову, чувства собственного достоинства.

В новых условиях все социальные факторы (государство, религия и т.д.) стремились придать духовно-нравственному воспитанию в семье обоснованный характер. При этом, в их действиях не наблюдалось противостояния.

Совместное решение многих проблем воспитания создали благоприятные условия для сохранения старых и утверждения новых его ценностей.

Заметно возрастают «хлопоты отцов об обучении детей». В образовании детей крестьяне видели путь к их экономическому благополучию. Определяющими в воспитании подрастающего поколения становятся «рассудительность» и «деловитость»: «мужик зажиточный, значит он даровитый и дельный. Такому мужику каждый оказывает уважение»¹¹.

Мерилом оценки ума и характера стала служить способность нажать копейку и рационально ее применить. Богатство признается наградой за труды, энергию и инициативу: «почет и уважение у нас тому, у кого много хлеба и который, значит, погнул порядочно свою спину»¹². В другом документе находим: «Личность купца Гладина замечательна. Разбогател крестьянин за счет усердных работ по Белозерскому каналу, от которого отказывались все подрядчики»¹³.

«Недостаток хозяйственной попечительности» рассматривается как неумение в новых условиях организовать экономическую деятельность семьи. За растрату имущества «по своей глуповатости» («скорее от лени, чем от незнания») зажиточный крестьянин терял уважение к себе односельчан¹⁴.

В укладе жизни крестьянской семьи начинает прочно утверждаться смягчение внутрисемейных отношений. Ярким примером гуманизации межличностных взаимодействий является «безропотная передача первенства» более умному; возможность младших принимать участие в обсуждении экономических вопросов домашнего хозяйства, держась со старшими «на равной ноге». Как результат – возникновение новой ценности – «общее согласие семейников», которое позволяло «держаться с достоинством»¹⁵.

Повышение социальной активности женщин не упраздняло ее работу о воспитании детей. Оставаясь главной хранительницей семейного очага, она становится «специалисткой, мастерицей». «Женщина вводит в дом чистоплотность, ... усложняет кухню», – все то, что позволяет семье обрести «культурное начало». Как следствие – «мужчина исподволь привыкает к комфорту и начинает в женщине ценить именно искусство его создавать»¹⁶.

Определяющим направлением жизни крестьянской семьи оставалась публичность, ориентируя на сохранение таких нравственных ценностей, как взаимная поддержка, чувство собственного достоинства, честность, верность слову: правдивость и «цельность натуры» любого из местных крестьян поражала «жителей культурных центров», которые «не встречали ни одного случая обмана»¹⁷.

Понятие о справедливости как высшее проявление общинного сознания позволило сохранить общинный характер пользования сенокосными угодьями: копны сена самый старший разделял на два сорта – хорошую и плохую. На каждую душу давалось по одной из них, очередность которой отбиралась жеребьевкой. Это распространялось и на уборку зерновых.

Индивидуализм не стал приоритетным направлением семейного воспитания. Между крестьянскими семьями продолжал превалировать личностный характер общения, о чем говорит не угасающее чувство гостеприимства, щедрости и радушия «истинного северо-русского хозяина». Признаком равенства и традиционного дружелюбия можно назвать сохранившееся обращение на «ты»¹⁸.

Имеются сведения о том, что православная вера не представляла как слепая убежденность, а соединялась со знанием тех принципов, которые формировались и внедрялись в качестве истины. «Никому не поверю, что наши духовные школы и учителя плохи; мы плохи, это правда», – признается один из опрашиваемых крестьян корреспонденту ВЕВ¹⁹. Главным образом по религиозным убеждениям родители оставались «авторитетными советчиками» во всех важных делах «по гроб жизни», что подтверждает сохранившееся верование о значении родительского благословения, которое «предопределяло богатую и счастливую жизнь»²⁰.

Вследствие разумного разрешения сложившихся трудностей семейного воспитания вполне закономерным можно назвать сохранение патриотической верности родной земле. Случаев массового переселения крестьян в другие губернии не наблюдалось: «И любят свой край и желают ему счастья»²¹.

Итак, в новой, сложной социально-экономической ситуации второй половины XIX – начала XX вв. русской семьей были преодолены трудности, связанные с выбором ценностных ориентаций воспитания в семье. Главным условием этого послужили согласованные действия государства, Церкви, общественной педагогики, педагогической науки и крестьянской общины в вопросах домашней педагогики. Совпадение установок обеспечило семье их наиболее легкое восприятие, сохранение традиционных и развитие новых духовных и нравственных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шелгунов Н. А. Домашняя летопись // Русское слово. – 1865. – № 2. – С. 74.
- ² Тарутин А. А. Что читают крестьяне Удимской волости и как они относятся к школе и книге // Русская школа. – 1892. – № 1. – С. 138.
- ³ Круплов А. В. Кто виновник убьели женской души. – М.: Типо-Литография «Русского товарищества». – Вологда, 1899. – С. 5, 10.
- ⁴ Тарутин А. А. Там же. С. 138 – 139.
- ⁵ Город Тотма, Вологодской губернии. Исторический очерк / сост. В. Т. Попов, председатель Тотемской Уездной Земской управы. – Вологда, 1886. – С. 95.
- ⁶ Архив Российского Этнографического Музея (далее – РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Староверов С. Книжочение в Грязовецком уезде (1898 г.). – Л. 6.
- ⁷ Систематический сборник постановлений земских собраний 1865 – 1899. Т. 1. Народное образование. – Новгород, 1902. – С. 247.
- ⁸ Ключев И. К. К вопросу о внешкольном образовании // Вестник воспитания. – 1913. – № 9. – С. 23.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 171. Шестеряков В. «Личные отношения в семье Вологодского уезда», 1899 г. – Л. 11.
- ¹¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 557. Кузнецов Я. И. «Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношения крестьян к обществу и государственному строю», 1899 г. – Л. 106.
- ¹² Там же. Л. 44.
- ¹³ Арсеньев Ф. А. Очерк кубенского края / Ф. А. Арсеньев // ВГВ. – 1863. – № 10. – С. 31.
- ¹⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Аристархов А. «Личные отношения крестьян Вологодского уезда», 1899 г. – Л. 1.
- ¹⁵ Потанин Г. Никольский уезд и его жители // Древняя и новая Россия. – СПб., 1876. – Т. 3. – № 3. – С. 142; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 257. Мерцалов А. «Семья и семейные отношения в Кадниковском уезде», 1897 г. – Л. 3.
- ¹⁶ Потанин Г. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотмы // Живая старина. – СПб., 1899. – Вып. 1. – С. 23 – 60
- ¹⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Аристархов А. Там же. – Л. 1.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Семейное воспитание как подготовка к школе // ВЕВ. – 1906. – № 18. – С. 71–78.
- ²⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 214. Староверов С. «Крестьянский род в Грязовецком уезде», 1898 г. – Л. 21.
- ²¹ Там же.

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ БЕЛЯЕВ – СУДЬБА ВОЛОГОДСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА НА СЛОМЕ ЭПОХ

Мой отец, Беляев Константин Иванович, родился 16 августа 1884 г. в Вологде, в семье коллежского регистратора Вологодского губернского правления. У него было две сестры: Люба (1882 г. рождения) и Соня (1886 г. рождения). Мать его, Апполинария Ивановна, занималась воспитанием детей. В 8 лет его определили в Вологодское Александровское реальное училище. Когда ему исполнилось 9 лет, умирает отец – помощник архивариуса Вологодского губернского правления коллежский секретарь Беляев Иван Константинович (1853–1893). Заботой и содержанием семьи занялся родной брат отца Александр Константинович Беляев (1850–1925), который служил в Вологодской почтово-телеграфной конторе первого класса. Прочувшись несколько классов в Реальном училище, отец продолжает учёбу в Вологодской мужской гимназии. Окончив её, едет поступать в Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров императора Николая I. По-видимому, сказалось влияние деда по отцовской линии, который служил 1840–1850 гг. в Вологодской губернской строительной и дорожной комиссии. Сдав все экзамены на «отлично», кроме экзамена по рисунку, по которому получил «хорошо», не был зачислен. Вернувшись в Вологду, целый год работал репетитором и совершенствовал свое мастерство в рисунке. На следующий год, сдав все вступительные экзамены на «отлично», был принят на архитектурное отделение этого института. Из-за революционных событий 1905–1906 гг. занятия студентов в институте прерывались. И только в 1912 г. он пишет дипломную работу (проект собора и церковного здания) и получает «отлично». После окончания института гражданский инженер К. И. Беляев был определён с правом на чин X класса младшим инженером строительного отделения Вологодского губернского правления, где когда-то служил его дед. Строительное отделение в те годы возглавлял губернский инженер, заместителем его был губернский архитектор. В отделении было два специалиста: младший инженер и младший архитектор. Основную работу выполняли внештатные специалисты или сверхштатные техники. Обычно выпускники этого института, которые оставались в С-Петербурге, Москве и в других крупных городах России, сначала назначались сверхштатными техниками, а уж потом, через несколько лет, младшими инженерами. Они были отлично подготовлены как инженеры-строители, а в архитектурно-художественном отношении не уступали питомцам Петербургской Академии Художеств и составляли основные кадры архитекторов в губернских строительных учреждениях. Надо учитывать, что в конце XIX и начале XX вв. звание

гражданского инженера в России давали всего пять учебных заведений. Ведь гражданские инженеры были одновременно и архитекторами. Они были разносторонними людьми, интересы которых распространялись далеко от их профессиональной деятельности, а рисунок и живопись для многих были второй профессией.

В 1912 году, сразу вступив в должность, он также занимается общественной работой, становится членом Северного кружка любителей изящных искусств (СКЛИИ). Да и сама тема его дипломного проекта говорить о его пристрастии к древнерусскому зодчеству и русскому народному искусству. Членами этих организации были в большинстве молодые люди, полные энергии и энтузиазма. Они собирали материалы по истории вологодских соборов и церквей и на основе собранного материала читали лекции.

В марте 1913 года в Вологде была организована членами СКЛИИ IV Художественная выставка, в которой участвовали художники-передвижники, члены «Мира искусства» и другие художники со своими работами и лекциями. Одним из них был художник и писатель Г. К. Лукомский (1884 – 1952), который по просьбе членов кружка решил взяться за написание и опубликование материалов, собранных ими. Сразу же была создана Историческая комиссия, задачей которой был сбор текстовых и иллюстрированных материалов (лекции, фото, рисунки достопримечательностей древней вологодской земли). Работа для написания книги, в которой участвовал и мой отец, шла так скоро, что уже к приезду писателя в Вологду в марте 1914 г. материал для книги был собран. В октябре 1914 г. в Петербургском издательстве была выпущена книга «Вологда в её старине»¹.

Одновременно с работой в СКЛИИ, он состоял в Вологодском обществе изучения Северного края. Был избран секретарем одной из пяти комиссий общества – историко-археологической, а в 1918 г. – членом Правления ВОИСК.

В конце 1915 г. младший архитектор строительного отделения Вологодского губернского правления, гражданский инженер, титулярный советник К. И. Беляев увольняется со службы в правлении и по настоянию А. А. Можайского – председателя Вологодской губернской земской управы, переходит заведовать дорожно-строительным Бюро этой управы.

У него сложились хорошие отношения с губернатором, с вице-губернатором В. Э. Фуксом. По-отечески относился к нему и А. А. Можайский. Часто приглашал на семейные обеды, ведь он был молодым, образованным, приятной наружности человеком, с энциклопедическими

знаниями, замечательным оратором по рассказам его друзей. Предки его, истинные вологжане, трудились на благо родного края с начала XIX века, а сам он был высококвалифицированным специалистом того времени.

Во время экспедиции по заданию ВОИСК в г. Тотьму отец познакомился с моей мамой. Моя мать – Беляева (Шушкова) Надежда Ивановна (20.02.1902 – 28.11.1964) родилась в г. Сувалки (Польша) в семье служащего городского суда. В те времена все государственные органы города были под российской юрисдикцией. Училась в Сувалкской губернской женской гимназии. После Октябрьского переворота её семья переехала в Москву. Так как в эти годы в городе не хватало продовольствия, они вернулись в г. Тотьму, на родину родителей, где она стала работать делопроизводителем в уездной управе. В 1921 году они поженились.

Отец сдержанно встретил новый государственный строй. В 1923–1924 гг. началось уничтожение церквей и соборов. Из трех церквей на Сенной площади две были полностью уничтожены – это церковь Николы Чудотворца Святителя и церковь Афанасия Александрийского, а Спасо-Всеградский собор хотели переделать под культурное учреждение.

По рассказу матери руководители города с большой настойчивостью убеждали отца, чтобы он, как архитектор и специалист по церковным зданиям, переделал этот собор. Несколько раз вызывали в губисполком, но он не соглашался. Тогда к нему на дом прислали двух молодых чекистов с «револьверами», чтобы привести силой, но он наотрез отказался им подчиняться и те ушли. Он считал, что Спасо-Всеградский собор является самым лучшим в Вологде и любое вмешательство в его конструкцию могло привести к уничтожению не только церковного памятника, но и самого здания. Писал письма в Москву в защиту его спасения. Результат известен. Сначала в 1924 г. собор был переделан во Дворец Искусств нелепой формы, потом в 1932 г. в кинотеатр, а в 1972 г. здание кинотеатра было полностью разрушено и сравнено с землёй. В 1987 г. на этом месте поставили памятный крест. Так был уничтожен один из лучших храмов Вологды.

Новая власть очень настороженно и подозрительно относилась к представителям старой интеллигенции (учёным, инженерам, художникам, архитекторам, писателям), видя в них явных и скрытых контрреволюционеров. В таких северных провинциальных городах, как Вологда, эти отношения носили относительно либеральный характер, т.к. для строительства не хватало профессиональных кадров. Привожу некоторые данные деятельности отца в 1920 годы из его трудовой книжки (дословно):

22.11.1922 г. – 25.9.1928 г. – губернский архитектор

16.10.1925 г. – Народный дом железнодорожников: руководство и наблюдение за постройкой (сейчас это Дворец культуры железнодорожников)

1926 г. – 1928 г. – губернский инженер

Начались 1930-е годы. Машина репрессий против специалистов до-революционной школы набирала обороты (дело «Промпартии», «Союза инженерных организаций»). Новые власти вспомнили его «непослушание», а также и то, что он служил в Вологодском губернском правлении, как отец и дед, а также в Вологодской губернской земской управе. Чтобы не попасть в жернова репрессий НКВД ему пришлось с 1930 по 1937 гг. переезжать со всей семьёй (5 человек) из города в город: Серпухов, Златоуст... Южный Сахалин (г. Александровск). Так как он был специалистом в строительном деле, часто вороватые начальники, которые в большинстве в своём назначались не по знанию и профессионализму, а по политической благонадёжности, все свои грехи стремились списать на «буржуазного специалиста». Только его честность и порядочность позволяла ему не быть привлечённым к их «тёмным» делам.

И как истинный вологжанин в третьем поколении он вернулся в 1937 г. в Вологду и сказал своей матери: «Я им больше не нужен». Некоторое время работал учителем рисования, потом по состоянию здоровья получил инвалидность и 14 мая 1942 г. умер от сердечного приступа, оставив неработающую мать с пятью детьми.

Несколько слов о судьбах детей. Автор этих строк – Беляев Георгий Константинович (родился 17.08.1941 г.) учился в 20-й начальной школе, с 5-10 класс во 2-ой средней школе Вологды. С 1960–1963 гг. служил в армии в г. Вологда, так как защищал честь города и области в конькобежном и велоспорте. В 1969 г. окончил Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО) и был отобран работать в закрытый город Арзамас-16. Сейчас это Российский Федеральный Ядерный Центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ) в г. Саров Нижегородской области. В институте проработал более 30 лет. Сейчас на пенсии. Двое детей: Костя (1970 г.р.) и Надя (1977 г.р.), трое внуков. Старшая сестра Беляева (Дружинина) Вера Константиновна (1923–1999) работала учительницей немецкого языка с 1941–1979 г. в школах № 12 и № 13. г. Вологды. Другая сестра: Беляева (Гудкова) Галина Константиновна (1932 г.р.) окончила в 1956 г. Вологодский пединститут (ф-т иностранных языков), 40 лет работала учительницей английского и немецкого языков в г. Подпорожье Ленинградской области. Есть ещё две сестры: Беляева (Лутанова) Людмила Константиновна (1937 г.р.) – преподаватель в музыкальной школе (г. Череповец) и Беляева (Хромова) Лидия Константиновна (1925 г.р.), г. Петербург.

Просматривая в свои юношеские годы отцовские архивы, я узнал, как много было различных проектов. Здесь и подробные чертежи церквей, соборов и церковных зданий, эскизы крытых рынков и т.д. Имелась большая переписка с ЦАГИ по расчету и конструированию лопастей вертолёта, большая частная переписка, его статьи из вологодских газет. О профессиональной деятельности отца тех времён в г. Вологде мне мало известно. Но судя по тому архиву и рассказам матери, отец являлся деятельным человеком, и естественно в городе до сих пор живы результаты его работ.

Поколение моего отца попало в тот жизненный период: революция 1905–1907 гг., I Мировая война, Февральская революция, Октябрьский переворот, Гражданская война, репрессии 1930–1938 гг., когда очень большой пласт народа, особенно дореволюционной интеллигенции, был вычеркнут из жизни общества. Одни эмигрировали, другие репрессированы, а те, кто выжил, заплатились тяжёлыми годами своей короткой жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фото 1. Беляев Константин Иванович – гимназист 1903 г.
г. Вологда

Фото 2. Группа членов Северного кружка любителей изящных искусств. Лето 1913 г. г. Вологда. 2-й ряд, стоят: 3-й слева, предположительно, председатель СКЛИИ с 1912–1920 гг. Волкова Елена Николаевна (1884–?), дочь Городского Головы (1893–1905 и 1911–1917 гг.) Волкова Николая Александровича (1854 – после 1917 г.), выпускница историко-филологического факультета Петербургского университета (1910 г.). 4-й слева – Беляев Константин Иванович (1884–1942 гг.), гражданский инженер, архитектор. 1-й ряд, сидит: 3-й слева – Дмитревский Николай Павлович (1890–1938 гг.), художник, график

Фото 3. Беляев Константин Иванович – студент Санкт-Петербургского института гражданских инженеров императора Николая I. Стоит, крайний слева

Фото 4. Вологодская Губернская Земская Управа (ВГЗУ). 1916 г.

Сидят: 2-й слева – Кудрявый Виктор Андреевич (1860–1919 гг.); член Государственного совета России 1906 г., председатель ВГЗУ (1900–1904 гг., 1909–1911 гг.), член ВГЗУ (1915–1917 гг.), член Вологодского общества изучения Северного края (далее – ВОЙСК) с 1913 г., 3-й слева – Дружинин Николай Михайлович, действительный статский советник, зам. председателя ВГЗУ. 4-й слева – Можайский Александр Александрович (1863–1922 гг.), отставной капитан I ранга, председатель ВГЗУ (1906–1909 гг., 1911–1917 гг.), старший сын первого самолётостроителя России А. Ф. Можайского, член Государственной Думы России четвертого созыва (1912–1917 гг.), председатель ВОЙСК (1911–1913 гг.), 4-й справа – Зубов Петр Юльевич, коллежский ассессор, кандидат в Предводители Дворянства от Вологодского уезда, член ВГЗУ, 3-й справа – Караулов Николай Васильевич, статский советник, заведующий отделением народного образования ВГЗУ, 2-й справа – Беляев Константин Иванович (1884–1942 гг.), гражданский инженер, архитектор, титулярный советник, заведующий дорожно-строительным бюро ВГЗУ, член СКЛИИ и член Правления ВОЙСК. 1-й справа – Лавров Михаил Николаевич, гвардии поручик в отставке, член ВГЗУ, Предводитель Дворянства от Грязовского уезда.

Фото 5. Беляева (Шушкова) Надежда Ивановна (20.02.1902 – 28.10.1964).
Июнь 1917 г.

Фото 6. Беляев Константин Иванович 1930 г.
г. Вологда

Н. М. Дьяконица

ИЗ ИСТОРИИ ИЗВЕСТНЫХ ВОЛОГОДСКИХ ФАМИЛИЙ. ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ ВОЛКОВЫХ

Волковы – фамилия в России распространенная. Немало Волковых жило и в Вологде. Но, пожалуй, самой известной была семья потомственного Почетного гражданина города Вологды, избравшегося семнадцать лет городским головой, купца первой гильдии, мецената и общественного деятеля Николая Александровича Волкова. При его активном участии был построен городской водопровод, городской кирпичный завод с машинной выделкой кирпича, решен вопрос об устройстве электрического освещения, строительстве нового моста через реку Вологду и Петербургско-Вологодско-Вятской железной дороги.

Николай Александрович Волков родился в г. Вологде в 1854 году. Его жена Анна Петровна Волкова (урожденная Щапова), 1856 года рождения, в 1891–1913 годах состояла попечительницей Успенского училища при Вологодском горнем женском монастыре. Их брак был зарегистрирован 24 июля 1877 года. Проживала семья Волковых в собственном доме по улице Большая Козлена (ныне улица Козленская, дом 50. Здание не сохранилось).

2 октября 1883 года у них родилась дочь Елена, а через два года, 22 июня 1885 года, появился сын Георгий. Для увеличивающегося семейства понадобился дом побольше. В 1890 году Н. А. Волков приобретает недвижимость на улице Петербургской, где предпочитали жить богатые вологодские дворяне. Ранее дом принадлежал губернаторскому предводителю Багракову. И сегодня этот хорошо сохранившийся особняк (ул. Ленинградская, дом 28) с красивым шестиколонным портиком украшает наш древний город.

Сам Николай Александрович получил прекрасное домашнее образование. Дети его обучались в вологодских гимназиях. Елена Николаевна была так хорошо подготовлена к учебе дома, что в 1894 году её сразу приняли во второй класс Марининской женской гимназии, минуя подготовительный и первый классы. Во время учебы в гимназии она по всем предметам получала отличные оценки, даже четверки были редки. В 1901 году Елена успешно закончила учебу в гимназии и уехала в Санкт-Петербург для продолжения образования в университете. В следующем, 1902 году, закончил обучение в Вологодской мужской гимназии её брат Георгий.

В начале 1900-х годов художественная жизнь в Вологде значительно оживляется. Местная интеллигенция интересуется не только развитием искусства во всей России, но и собственными корнями и хочет видеть работы своих местных художников. Так, возникла необходимость проведения в Вологде художественных выставок. Первая такая выставка состоялась с 25 марта по 15 апреля 1905 года в помещении Народного дома. Выставка имела громадный успех у публики, за 21 день её посетило 3400 человек. Организация этой выставки побудила к созданию в следующем году Северного кружка любителей изящных искусств (СКЛИИ). Первым председателем кружка был избран А. И. Сермягин. В Уставе СКЛИИ, утвержденном Вологодским губернатором А. А. Лодыженским 19 февраля 1906 года, были определены цели кружка: «устройство периодических художественных выставок в городе Вологде и других городах; организация передвижных выставок по городам и селам; основание публичного художественного музея, общедоступной рисовальной школы и художественно-кустарного базара, а также деятельная заботливость о их процветании»¹.

Возвратившись из Петербурга после окончания университета Елена Николаевна принимает самое активное участие во всех мероприятиях кружка, и 4 октября 1912 года на общем собрании членов кружка молодую женщину избирают председателем СКЛИИ. Она руководила кружком до самого его закрытия. В том же 1912 году в собственном доме по улице Козленской Елена Николаевна открыла художественную школу, которая сразу была взята под покровительство СКЛИИ. Художественная школа стала большой заботой для Е.Н.Волковой. Сохранилось её письмо от 17 декабря 1915 года преподавателю школы И.В.Федышину, в котором она сообщает, что заболела, и просит выдать деньги за проведенные уроки самому И.В.Федышину и работникам школы. «Все эти дни, – пишет она, – меня беспокоит, что не удалось зайти в школу. Как вы себя чувствуете? Не замерзаете ли?»².

Немало времени и средств она отдавала СКЛИИ. Члены кружка собрали библиотеку, которая в 1916 году насчитывала 350 томов, среди которых были такие ценные художественные издания, как «История русской живописи» и «История живописи всех времен и народов» Александра Бенуа, «История русского искусства в XIX веке» Игоря Грабаря и другие. В 1915 году началось осуществление давнишней мечты кружковцев – создание художественного музея. Ещё после третьей художественной выставки картин, организованной в 1909 году, в дар от И.Е.Репина поступила работа «Портрет С.В.Рухлова» (члена, учредителя СКЛИИ, члена государственного Совета, министра путей сообщения). Художник Е.Е. Лансере передал произведения журнальной графики и цикл иллюстраций к сборнику С.С. Кондурушкина 1908 года «Сирийские рассказы». После 5-й выставки, прошедшей в 1914 году, были приобретены произведения З.Е.Серебряковой, К.Ф. Богаевского, Н.П. Богданова-Бельского, А.П. Остроумовой-Лебедевой. Также в состав художественного музея вошли пожертвованные ранее картины и рисунки Ф.М. Вахрушова, А.Н. Каринской, Г.К. Лукомского, М.Р. Пец, а также коллекция образцов народного творчества Севера. Многие книги, картины, предметы искусства СКЛИИ приобретал за собственные средства, чаще всего это были деньги Е.Н.Волковой. Как отмечал в 1913 году издаваемый в Петербурге журнал «Аполлон», «председательница за свой счет содержит школу, где много учащихся, и наконец, кружок, организует лекции»³. Здесь же рассказывалось об огромном успехе и интересе вологодской публики, который вызвала лекция художника Г.К. Лукомского «О старинной архитектуре в России». Лекция продолжалась почти пять часов. На следующий день была проведена экскурсия по городу, а местные любители старины обратились к правлению СКЛИИ об издании художественного путеводителя по Вологде. Для издания книги члены кружка создали историческую

комиссию и все лето бесплатно собирали материал для этой книги в виде исторических сведений, фотографий, устных рассказов. 1 октября 1914 года вышла в свет книга Г.К.Лукомского «Вологда в её старине». Издание её обошлось в 4000 рублей, в кассе было всего 300 рублей, недостающую сумму внесла Е. Н. Волкова. Она же лично сделала 35 фотографий, опубликованных в данной книге.

СКЛИИ провел шесть выставок, работала художественная школа. Казалось бы, художественная жизнь в Вологде и дальше пойдет успешно. Но наступила новая полоса в историческом развитии России. Октябрьская революция 1917 года перевернула всю страну. Изменилась и тихая жизнь провинциальной Вологды. Изменилась она и для семьи Волковых. Начались жилищные беды. Дом на Петроградской улице национализировали, оставив семье Волковых только небольшую комнату. И это было только начало. В октябре 1919 года в городе начала действовать Чрезвычайная комиссия по разгрузке города Вологды от нетрудовых элементов. В газете «Красный Север» в разделе «Распоряжения Советской власти в Вологде», начиная с 11 октября, ЧК стала публиковать списки лиц, подлежащих выселению из своих домов. «Для этого, – сообщалось в газете, – начиная с 12 октября (воскресение) уполномоченными лицами будет производиться обследование квартир и жилых помещений и учет населения. Все поименованные в списке граждане вместе со своими семьями должны в шестидневный срок со дня опубликования выехать из пределов города, а учреждения, в которых они служат, произвести им полный расчет. Не выполнившие это постановление граждане будут принудительно выселены с конфискацией имущества»⁴. В публикации газеты от 15 октября Чрезвычайная комиссия предупреждала, что последний срок выселения 17 октября. Лица, не оставившие город, будут арестованы и препровождены в концентрационный лагерь для принудительных общественных работ, а имущество их по описи передано в отдел коммунального хозяйства для перераспределения рабочим и крестьянам. Всякие ходатайства и жалобы рассматриваться не будут⁵. В списке, подлежащих выселению, под № 117 значился Волков Николай Александрович. 18 ноября 1919 года Николай Александрович обращается с прошением в Чрезвычайную комиссию по разгрузке: «Мы уже дряхлые старики, прожившие всю жизнь в Вологде, почему перемена местожительства под конец нашей жизни является для нас крайне тяжелой и прямо невозможной. Попытки приискать себе помещение закончились неудачей. Крестьяне никуда не пускают. Раньше занимал квартиру в 12 комнат, а теперь помещен в одну небольшую, меньше занимать уже нельзя. И ехать некуда и ехать не на чем»⁶. На прошении проставлена резолюция: «Отказать».

Несмотря на возраст надо было искать работу. И работа нашлась. Советская власть «трудоустроила» бывшего городского голову: 3 декабря 1919 года его приняли в губернский отдел народного хозяйства помощником заведующего бюро отбросов для разборки и сортировки тряпья. Причем, приняли не сразу, а с 2-х недельным испытательным сроком, в результате которого он, как было записано в приказе № 33 от 20 декабря 1919 года, «оказался пригодным по своей специальности для исполнения возложенных на него обязанностей»⁷. 8 декабря 1919 года заведующий отделом утилизации в письме в Чрезвычайную комиссию просил оставить Н.А.Волкова на жительство в Вологде, как крайне необходимого работника. На какое-то время семью Волковых оставили в покое.

Но беды продолжали сыпаться на эту семью. 10 сентября 1919 года умер их сын Георгий. Ему было 34 года, жил он в селе Осаново под Вологдой в бывшей загородной усадьбе Волковых. Усадьба располагалась в живописном месте на берегу реки Шограш. На её территории располагался двухэтажный деревянный дом, каретник, стеклянная кирпичная оранжерея, недалеко стояла деревянная церковь во имя Святой Троицы. Георгий Николаевич Волков, ученый агроном, молодой, энергичный, творческий человек управлял этим имением. Благодаря Г.Н.Волкову был выведен местный сорт ржи «осановская», проводилась мелиорация земель. Жена Георгия Николаевича Павла Ефимовна Волкова-Павловская открыла в Осанове школу первой ступени, приобрела школьное имущество на свои средства и бесплатно учительствовала в ней несколько лет. 29 мая 1918 года усадьбу конфисковали, но временно, на 16 месяцев, назначили управляющим Георгия Николаевича, как крупного специалиста по земледелию. Однако, все его действия контролировал приставленный к усадьбе комиссар. Срок временного управления заканчивался 29 сентября 1919 года, но 10 сентября Георгия Николаевича не стало. В книге записи смертей за 1919 год указана причина его смерти – злокачественное малокровие. Трудно сказать, насколько правдиво это заключение, ведь злокачественное малокровие или анемия могла быть врожденной или приобретенной в голодные 1917–1919 годы. Не исключена и криминальная версия. Уже с конца 1918 года личное имущество имения стало реквизироваться: в январе 1919 года увезли «во временное пользование» пианино, мебель передали красноармейскому пехотному полку и кружку молодежи местного народного дома, в другое имение временно передали трактор. С 1 мая 1919 года на территории усадьбы был создан совхоз «Осаново».

Нелегкой оказалась судьба Северного кружка любителей изящных искусств и художественной школы. В 1919 году школа была преобразована в Вологодские государственные свободные художественные мастер-

ские, которые размещались в то же доме, где жили Волковы, на Петроградской, 24. Там же размещались библиотека и художественный музей СКЛИИ. Советская власть не оставила без своего «внимания» культуру. В ночь с 3 на 4 июля 1919 года Вологодской Чрезвычайной комиссией был произведен обыск в помещении музея и мастерской. Как пишет в своем обращении в художественный подотдел губернского отдела народного образования 7 июля 1919 года председатель СКЛИИ Е.Н.Волкова, обыск был незаконным, так как не было ордера на его проведение (был только ордер на обыск в квартире Н.А. Волкова). Да и самого обыска не должно было быть, так как музей и СКЛИИ имеют охранные грамоты отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомате просвещения, комиссии по вопросам искусств при Вологодском губисполкоме, и потому никаким обыскам и ревизиям не подлежат⁸. Никакого ответа и разъяснения на свое письмо Е.Н. Волкова не получила.

Чтобы иметь какие-то средства к существованию, Е.Н.Волкову в январе 1919 года назначили заведующей художественным музеем СКЛИИ, и она получала зарплату 950 рублей, а уже с февраля по июнь 1919 года она значилась заведующей художественной школой и художественной мастерской и преподавателем. Все это время продолжала оставаться председателем СКЛИИ.

2 сентября того же года на совещательном собрании по музейным делам при губОНО, на котором обсуждался вопрос о едином музейном плане, была особо отмечена роль Северного кружка любителей изящных искусств, которому «должна быть предоставлена область большого и малого искусства: живопись, графика, архитектура и скульптура»⁹. Успешно работал художественный музей СКЛИИ. Как видно из отчета СКЛИИ за 1 полугодие 1919 года, он «располагался в трех комнатах, причем, третья, главным образом, служит для работ, собранных по усадьбам, и хранения художественных предметов, этими же предметами занята и четвертая, маленькая комната. В первой большой комнате находятся картины современных художников, во второй – картины XVIII и XIX веков, часть картин иностранных художников, преимущественно копии. За последние годы для музея были приобретены две картины художника А.И. Трапицына «Сосна» и «Зима». От уездного земельного отдела поступили три картины и два гобелена. После смерти художника Д.Э. Мартена был приобретен его альбом рисунков. Старинные портреты, гравюры и форфор были вывезены из усадеб и размещены в музее. Кроме того, приобретенные Всероссийской коллегией картины числом 21, также были размещены в музее иконописи и церковной старины. Из этого видно, что картины музея разрознены, что крайне неудобно для обзора, а неоднократные просьбы и хлопоты Северного кружка относительно ар-

хиерейского дома, очень удобного для музея каменного здания, до сих пор остаются тщетными. Посетителей с января было 142 человека и 21 экскурсия, числом каждая от 35 до 50 человек, из них 5 экскурсий учащихся из уездных городов и сел: Яренска, Тотьмы, Шуйского, Широгорья, Норобовской и других волостей»¹⁰.

Музей активно комплектовался, тем более, что в конфискованных советской властью усадьбах было немало ценных для музея предметов. Еще в январе 1919 года заведующий подотделом музеев художник Н. П. Дмитревский направил письмо в губернские отделы с просьбой о передаче ценностей из усадеб Грязовецкого, Вологодского, Кадниковского и Никольского уездов в музей СКЛИИ. Члены кружка сами выезжали в усадьбы для пополнения своего музея. Так, художница Ю. Ф. Лузан по мандату, выданному губОНО 8 июня 1919 года, выезжала в Вологодский и Грязовецкий уезды. В сентябре 1919 года Е. Н. Волкова с мандатом, выданным губернским отделом народного просвещения, была направлена в Петроград для приобретения картин, диапозитивов и книг для художественного музея СКЛИИ и вывоза их в Вологду.

Кружок продолжал вести большую просветительскую работу среди населения города Вологды. 4 июня 1919 года художник Н. П. Дмитревский в помещении художественных мастерских выступал с докладом «О старинных усадьбах Вологодской губернии». Работа кружка продолжалась, но обстановка была тревожная.

Воспользовавшись отсутствием председателя СКЛИИ Е. Н. Волковой, 11 ноября 1919 года было проведено заседание коллегии губернского отдела народного просвещения, на котором было решено передать СКЛИИ в ведение подотдела искусств вместе с музеем, денежными средствами, документами и материалами. Здание, где размещался СКЛИИ по Петроградской, 24, и обстановку решено передать Вологодским государственным художественным мастерским. Спустя пять дней 15 ноября 1919 года эта же коллегия постановила: «Кружок закрыть, библиотеку кружка передать для нужд Вологодских художественных мастерских. Музей кружка не закрывать и перевести в другое помещение или же в одну из церквей города». Так закончилась деятельность Северного кружка любителей изящных искусств, заложившего на Вологодчине систему художественного творчества и выставочной деятельности, а так же основу их изучения и научной оценки.

В декабре 1919 года была создана комиссия по передаче имущества и ценностей кружка в ведение губернского подотдела искусств, а 22 декабря началась передача всего имущества и ценностей кружка. Прием имущества затянулся. 14 января 1920 года заведующий подотделом по делам музеев Н. П. Дмитревский предписывает сотруднице отдела Сафоновой «продолжать принимать ценности и имущество кружка в обычные часы».

Сведений о пребывании Е.Н.Волковой в Вологде, начиная с 1920 года, не обнаружено. Очевидно, узнав о закрытии кружка, она решила не возвращаться в Вологду, а осталась жить и работать в Петрограде. Родители продолжали жить в Вологде. Тяготы жизни сказались на здоровье этих молодых людей. Николай Александрович в феврале 1920 года переболел крупозным воспалением легких. Здоровье подводило, он брал на работе краткосрочные отпуска для его поправки, но это мало помогало. 23 октября 1920 года он был уволен. Лишенные жилья и средств к существованию Николай Александрович вместе с женой были вынуждены покинуть родной город. Видимо, они уехали к дочери в Петроград. После 1920 года никаких сведений о пребывании семьи Волковых в Вологде нет.

Так закончились вологодские страницы жизни семьи Волковых. До октября 1917 года это были страницы торжества и славы во имя родной Вологды, после 1917 года – страницы лишений, а потом и забвения. До сих пор неизвестны точные даты смерти Николая Александровича Волкова и его дочери Елены Николаевны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устав Северного кружка любителей изящных искусств. Вологда. 1906. С. 1. Частный архив

² ж. «Аполлон». 1913, № 5, С.63–64

³ Красный Север. 1919. 11 октября. № 134. С.3

⁴ Красный Север. 1919. 15 октября. № 137. С.4

⁵ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО) Ф. 585. Оп. 1. Д. 758. Лл. 337–338 об

⁶ ГАВО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 611. Л. 15 об;

⁷ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 184. Л. 28–29;

⁸ Там же. Д. 181. Л. 77;

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 184. Лл. 7–7 об;

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 181. Л. 84.

И. В. Власова

СВЕДЕНИЯ О РОДЕ СУКОНЩИКОВЫХ

Фамилия «Суконщиков» происходит от профессионального прозвища «Суконщик». Слово было известно с древнерусского времени и означало – «работающий сукно», т.е. имеющий дело с сукном¹. Какое было это дело в те далекие времена, неизвестно. Но при Иване Грозном появились люди, которые занимались поставками сукна для царской армии, причем английского сукна, т.к. своего нужного для военного дела сукна

еще не было. Тогда они стали бывать на нашем Севере. Есть сведения, что это были московские люди-предприниматели, возможно из московского района Хамовники, где развивалось ткацкое дело. По-видимому, эти люди обосновались в северных местах, в том числе и в Вологде, и завели «суконное дело» – не только поставки, но и производство своего сукна. Постепенно они стали играть значительную роль в экономике Русского государства, о чем свидетельствует тот факт, что они вошли в одну из наивысших купеческих гильдий и назывались «купцы суконной сотни». Таких высших сотен было две – «гостинная» и «суконная». Вполне возможно, что это были далекие предки современных Суконщиковых, и свою фамилию они получили от профессионального занятия. Вероятность того, что все Суконщико­вы на Севере произошли от этого одного корня, большая, т.к. эта фамилия редко встречалась и в далекие времена, да и в наше время.

О деятельности Суконщико­вых в Вологде в следующие два столетия сведения надо искать в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО), в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) в С.-Петербурге, а также в каких-либо менее значительных архивах, например, в рукописных отделах (фондах) местных музеев. Известия о Суконщико­вых автор настоящей заметки нашла в ГАВО в фонде Консис­тории ². В этом деле есть следующие сведения.

«В городе Вологде купецкие люди: Федор Иванов Суконщико­в, у него жена Анна Герасимова дочь, города Вологды посацкие» ³. Там же значится, что у них дети: Анна и Авдотья выданы в замужество за вологодских купцов; Ульяна, рожденная после ревизии; сын Алексей; незамужняя дочь Марфа. Как видно, речь идет о купцах Суконщико­вых, но какова рода купеческое дело было у них, по этому источнику установить невозможно.

В это же время в городе живут и другие Суконщико­вы.

На л. 120 того же дела значится «Суконщико­в Алексей Никитин сын». По-видимому, у него был брат Иван, т.к. далее, есть запись о том, что в Вологде проживает вдова «Елена Максимова дочь, Ивановская жена Никитина сына Суконщико­ва, священническая дочь, 67 лет» ⁴. У нее сын Иван, умерший в 29 лет в 1794 году. У него жена Пелагея Андреева, из посадских людей, у них дети Авдотья (умерла в 1788 г.), Николай 11 лет, Павел 7 лет, дочь Марья 3 лет. Видимо, эти семьи (на листах 55 и 276) родственные, т.к. на л. 276 записано: «Федора Иванова сына Суконщико­ва дочь Анна, умерла 6 недель в 1789 г.». И далее сообщается интересный момент: в предшествующую четвертую ревизию 1782 г. они записаны в купцах, а в пятую ревизию 1795 г. числятся в мещанах и цеховых. Значит, к этому времени они перестали состоять в купеческом сословии, могли

потерять свои профессиональные занятия, а стали простыми городскими жителями (мещанами) и часть из них – цеховыми, т.е. приобрели какое-то ремесло.

Правда, некоторые из Суконщиковых не оставили свои занятия торговлей, став мещанами. Но, видимо, эти занятия были небольшого масштаба. Позднее появляются сведения о Суконщиковых, занимавшихся торговой деятельностью. Об этом также узнаем из материалов ГАВО. В «Списке города Вологды обывателей 1830 г.»⁵ находим следующее: «Суконщиков Иван Михайлов сын (Иван Михайлович), 48 лет отроду, природный здешний мещанин, женат на посацкой дочери Хионии Семеновой 43 годов. У них дети: Андрей 19 лет, Александра 17 лет, Анна 11 лет. Дом с землей во второй части на берегу реки Золотухи под № 841, позади оно под № 844 куплено его женой место по крепости. В мясном ряду (городские торговые ряды) есть деревянная лавка, построена им Суконщиковым под № 735. Торгует в мясном ряду в лавке»⁶.

«Суконщиков Павел Иванов, мещанин, женат. Дом с землей достался ему по разделу с братом во второй части на берегу р. Золотухи под № 824 и еще в той части в мясном ряду под № 727 построена им деревянная лавка. Торгует здесь в городу в мясном ряду»⁷.

«Суконщиков Николай Иванович 47 лет, мещанин, вдов. У него дети: Александр – 21 года, Дмитрий 16 лет, Иван 8 лет, дочь Алимпиада 20 лет, Марья 12 лет. Дом с землей куплен им по крепости в первой части в Николаевском приходе, что на площади под № 341. Торгует в мясном ряду»⁸.

По устному сообщению сотрудников Вологодского государственного исторического и художественно-архитектурного музея-заповедника, в начале XX века один только из этого рода – Дмитрий Николаевич держал бакалейную торговлю. Кем он приходился современным Суконщиковым, не знаю. Как видно, в начале того века уже не было купцов Суконщиковых, они потеряли профессию и сословный статус, осталась лишь их фамилия, произошедшая из профессионального прозвища.

В начале XX века в Вологде было несколько домов, которыми владели семьи этого рода, бывшие между собой в родстве. Один из этих домов явно принадлежал нашей ветви рода Суконщиковых. Он попал в описания нескольких книг. Самое раннее его описание имеется в книге Г. К. Лукомского «Вологда в ее старине» (СПб, 1914). Г. К. Лукомский, художник по образованию, занимался русской и европейской культурой. Эта книга была вновь опубликована в Вологде в 1992 г. в репринтном воспроизведении. На с. 297 говорится: «Дом Суконщикова на Архангельской улице – длинный одноэтажный фасад деревянного ампира, но с добавлениями некоторых деталей рококо». С советского времени Большая Ар-

хангельская улица называется Чернышевского, и этот дом значился под № 47. Его изображения есть в других, недавно изданных книгах. Одно из них в книге А.Сазонова «Такой город в России один» (Вологда, 1993. С. 54. Фото под № 67). Описание дома не прилагается, говорится, что не сохранился. Фасада его не видно, т.к. он заслонен деревьями. Другое изображение помещено в историко-краеведческом альманахе «Вологда» (Выпуск 1. Вологда, 1994. С. 65) под названием «Дом Суконщикова». Это удачное воспроизведение изображения дома с литографии художника И. Варакина. Виден его фасад, описанный Г. К. Лукомским. Дом сохранился и существует сейчас, но перестроен: ампирных украшений (колонн) и рококо-розеток не осталось. Он был построен по типу дворянских деревянных особняков, которых в Вологде было несколько, особенно на Дворянской ул. (ныне Октябрьская), на Ленинградской (Петербургской) и др. Есть предположение, что кто-то из этих Суконщиковых «перешел» в дворянское сословие, получив за какие-то заслуги личное дворянство, в отличие от потомственного, даваемого по наследству, и построил себе особняк.

То, что дом принадлежал нашим непосредственным предкам, говорит следующее. В 1930–1940-х годах в нем доживал Петр Васильевич Суконщиков, родной брат нашего деда Алексея Васильевича. Наши родители называли его дядя Петя, т.к. он доводился им дядей. Мы, внуки, тоже называли его дядей Петей. Он приходил в гости к своему брату в дом на ул. Ударников, 10 (бывшая Воскресенская). Мы знали, что он живет далеко в Заречье (а это и есть бывшая Архангельская ул.), ему надо было пройти эту улицу до реки Вологды, перейти по мосту на правый берег и идти вдоль него до улицы, где был дом нашего семейства. Это значительное расстояние. Петр Васильевич не имел семьи и жил в этом доме в одной из комнат, которую ему оставили, когда в 1920-х годах ликвидировали имущество дореволюционных владельцев. Конечно, мы, внуки, ничего об этом не знали, т.к. в семье на эту тему никогда не было разговоров. Дом переделали, устроили там коммунальные квартиры, в таком виде он существует и поныне.

Последующие сведения в нашем распоряжении относятся к концу 1880–1890-х годов, в который-то из них появился на свет дед автора Алексей Васильевич Суконщиков. Он был записан в «мещане». Имена его отца Василия Суконщикова (отчество я не знаю) и матери мне не встречались. То, что он и его супруга (бабушка автора) Мария Алексеевна родились в те годы, верно, т.к. к 10-м годам XX в. они были уже женаты, и у них в 1910 г. появился сын Владимир (мой отец). Правда, он был не первенец, до него родилась дочь Антонина, которая умерла младенцем. Дед уже не занимался сам торговой деятельностью, но до революции слу-

жил по торговой части в магазинах города (возможно, приказчиком). Я застала его работающим во время войны 1941-1945 гг. в гастрономе на Советском проспекте, по соседству с этим магазином была школа, в которой я и моя двоюродная сестра Эмма учились с первого по четвертый класс. Затем эту школу ликвидировали, а в ее бывшем здании позже были Дворец пионеров, потом ЗАГС и т.д. Всех учеников перевели в семилетнюю школу на ул. Ленинградской. Ее строили пленные немцы, которых в войну 1941-1945 гг. и после нее в Вологде было много. Они построили в городе несколько домов. Немцы производили жалкое впечатление, и мы, школьники, часто отдавали им свои завтраки (хлеб).

Теперь непосредственно про семью автора, начиная с прадеда Василия Суконщикова. У них дети: Александр, Петр, Алексей, Елизавета, Варвара, Екатерина, родились во второй половине XIX в.

Александр Васильевич был военным, мало того – генералом царской армии, участвовал в Первой мировой войне (как и наш дед Алексей). Генеральский чин он мог получить, будучи в дворянском сословии. Это, видимо, еще один случай личного дворянства Суконщиковых. Женат он был на петербургской дворянке Александре (фамилия неизвестна), жили они в Петербурге. У них были дети: Анна, Наталья, Ирина. Анна Александровна стала врачом-офтальмологом, получила профессорское звание, замужем не была. Она жила с семьей сестры Натальи, которая стала врачом-педиатром, у нее сын Александр (Алик, как мы его называли), про ее мужа ничего не знаю. Младшая Ирина Александровна была пианисткой и, по рассказам родственников, красавицей, замуж вышла за петербургского немца (ее немецкую фамилию по мужу не помню). Он воевал в войну 1941–1945 гг. в Красной армии. Меня назвали в честь этой Ирины Александровны. Во время войны, в блокаду Ленинграда, Александр Васильевич (он был уже старым и вдовым) вместе с дочерьми и внуком приехал в Вологду. Он привез с собой свой старый генеральский мундир и рояль Ирины. В этот мундир мы, внуки, наряжались и играли. Ирина прожила недолго, она была больна туберкулезом и скончалась в Вологде, похоронена на Горбачевском кладбище. Не знаю, совпадение моей судьбы с судьбой моей тезки или нет, но я тоже заболела туберкулезом после войны в 1946–47 гг., правда, меня спасли путем хирургического вмешательства и сняли с туберкулезного учета, когда я училась в 10-ом классе. На могилу Ирины до 1970-х гг. приезжала Анна Александровна и останавливалась у моих родителей, где я с ней виделась. Во время же войны она и ее сестра Наталья работали врачами в Вологде. Александра Васильевича и его дочерей довольно холодно приняли наши дед и бабушка. Я думаю, что в них жили воспоминания о 1920–1930-х репрессивных годах, и они всего боялись. Сами они тоже пострадали в те годы, им

пришлось лишиться многого, когда при НЭПе они снесли в ТОРГСИН (торговля с иностранцами – было такое заведение в те ранние советские годы) все ценное имущество, фактически лишились его, чтобы выжить. Даже нас с Эммой в 1930-х годах они окрестили почти тайно, т.к. наши родители работали в советских учреждениях, и за проявлениями старых дореволюционных «пережитков» следили строго. Принять открыто семью старого генерала, хоть он и доводился им братом, они боялись. Участие в их судьбе приняла моя мама Вера Константиновна, помогала им, чем могла. Они, в свою очередь, оказали помощь и нам, особенно мне. Я была болезненным ребенком, и в военные голодные годы меня поддержала Наталья Александровна (Ляля, как ее звали в семье). Будучи детским врачом, она выписывала молочные продукты мне в детской консультации (я была тогда в детском саду 5–6 лет от роду), за которыми я ходила сама, а все думали, что я получаю их для своего младшего брата или сестру. Ляля лечила меня от всяких хворей. После войны они вернулись в Ленинград, и лишь Анна приезжала в Вологду примерно до 1970 г. Я не часто встречала ее у своих родителей, т.к. с 1953 г. жила в Москве, а в Вологде бывала наездами.

О втором нашем двоюродном деде (дяде Пете) я уже упомянула выше, а о наших двоюродных бабушках знаю мало, т.к. в моем детстве и жизни в Вологде почти не было с ними общения. Елизавета Васильевна вышла замуж за некоего Хераскова. Эта фамилия принадлежала дворянам, поэтому бабушка Лиза прикоснулась к этому сословию. Такое предположение похоже на правду, т.к. в упомянутом «Списке г. Вологды обывателей 1830 г.» на л. 274 об. – 275 написано: «Хераскова Анна Ивановна, титулярная советница. Дом куплен ею каменный во второй части в приходе Владимирской церкви под № 837». Из этого следует, что ее муж был титулярным советником, а этот чин мог получить дворянин. Возможно, это были предки мужа Елизаветы Васильевны. О второй нашей двоюродной бабушке Варваре Васильевне я знаю только то, что она была замужем за Линтваревым, а кто он был, неизвестно. Обе бабушки имели детей и внуков. Они похоронены на Горбачевском кладбище рядом с нашим дедом. Видимо, это место принадлежало Суконщиковым. Третья бабушка Екатерина Васильевна жила одна, замуж не выходила. По семейному преданию, она в молодости говорила, что выйдет замуж за учителя или за священника, но такового жениха не случилось. Всю жизнь работала она в советских учреждениях машинисткой. Какое-то время все три сестры жили вместе, а когда старшие скончались, Екатерина стала близка семье племянника Владимира (моего отца). Мои родители и она поменялись квартирами с улицы Ленинградской, д. 8, на улицу Воровского, д. 19-б, т.к. ей одной была удобнее наша маленькая квартира. С этой улицы Воров-

ского я и уехала в Москву в 1953 г. поступать в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, и после этого в Вологде не жила. Родители позднее получили жилье на ул. Урицкого (теперь Козлѣнской), его дали им вместе с Екатериной Васильевной, но жить ей там не довелось, т.к. ей предоставили комнату в доме где-то в Заречье.

Перехожу к семье нашего деда Суконщикова Алексея Васильевича и бабушки Марии Алексеевны (в девичестве Щекиной).

Родились они примерно в 1880–1890-е годы, дед умер в 1947 г., бабушка – в 1975 г. Она, так же, как и дед, происходила из купеческого рода. Этот род Щекиных существовал в г. Вельске. Бабушка была сиротой, и ее воспитывал дядя. Я подозреваю, что его звали Иваном, поскольку при крещении моего отца некий Иван Щекин был восприемником (крестным отцом), о чем говорится в Выписи из метрической книги Николаевской церкви г. Вологды: «29 апреля 1910 г. крестили младенца Владимира. Родители – вологодский мещанин Алексей Васильевич Суконщиков и законная его жена Мария Алексеевна, оба православного вероисповедания». Там же значится, что восприемниками стали Вельского уезда Верховской волости деревни Теребина крестьянин Иван Михайлович Щекин (видимо, это и был дядя бабушки и он по закону мог крестить сына своей племянницы) и вологодская мещанская дочь Анна Николаевна Щучкина (кто она была, не знаю, может доводилась женой этому Ивану Щекину). Иван Щекин происходил, как видно, из крестьян, а затем, возможно, попал в купеческое сословие, а если вологодская мещанка Анна Щучкина была его женой, то и жили они в то время в Вологде и крестили моего отца. Попасть в другое сословие для Ивана Щекина было реально, и нередко из крестьян выходили купцы и предприниматели. Действительно, часть рода Щекиных жила в Вологде, и среди них был дядя бабушки с семейством. Он вместе с другими вологодскими купцами на паях владел скобяными рядами в городских торговых рядах на Гостинодворской площади (ныне площадь Ленина). Скобяные ряды находились напротив Гостиного двора (в нем в советские годы была швейная фабрика, на которой работала моя мама), а в этих бывших скобяных рядах разместился продовольственный магазин. В войну 1941 г. и какое-то время после нее магазин был коммерческим и там продавали продукты по коммерческим ценам, а не по карточкам, как в обычных магазинах.

Бабушкин дядя был богатым человеком, поэтому он, выдавая бабушку замуж в 1908 или в 1909 гг., дал ей в приданое дом с землей по улице Воскресенской (теперь ул. Ударников). Это был тот самый дом, который считается нашим семейным гнездом и где почти все мы родились. Дом был (он и сейчас есть) на две половины, в передней жила наша семья, а заднюю сдавали квартирантам. В первые годы супружества бабуш-

ка завела хозяйство – огород и даже держала корову. По мере разрастания семьи хозяйство сокращалось, т.к. одной бабушке было не справиться с ним, а дед был постоянно на службе, затем на войне 1914–1918 г., после войны снова на службе, надо было еще растить и поднимать детей. Но это уже были советские годы, и жизнь людей протекала у всех одинаково трудно, не за горами была и война 1941–1945 гг., когда все сыновья ушли на фронт.

О роде Щекиных мне попались еще некоторые сведения. В «Дозорной книге посада Вологды князя П. Б. Волконского и подьячего Л. Софронова 1616–1617 гг.», опубликованной в упомянутом альманахе «Вологда» есть запись: Во «Власевском сороку место дворовое Богдашки да Ивашка Щекиных. Прежней оклад им был пирог 5 пул, а после вологодцаго разорения оклад им был 5 пул; и Богдашко да и Ивашко во 123 году сошли безвесно» (л. 53 об.), т.е. еще до составления этой Дозорной книги их в Вологде уже не было, осталось место, где был их двор. Второе сообщение относится к этому же веку и содержится в «Описании Великого Устюга в Устюжской писцовой книге 131–134 гг.». Это описание с собранием документов XVI–XVII вв. находится в томах «Русской Исторической библиотеки». В нем сказано: «Двор в Слободе по верх Сухоны в Левонтьевском конце церковь Ильи Пророка. В нем вдова Оксиньца Щекинская жена, ходит по миру». Вероятно, эта Оксиньца была выдана замуж за некоего Щекина, который жил в Устюге. География расселения Щекиных по Северу была широкая, видимо, у них было большое дело.

А вот еще одно свидетельство о Щекиных, зафиксированное в уже упомянутом мной «Списке г. Вологды обывателей 1830 г.», т.е. два века спустя: «Щекина Феокиста Екимова, коллежская секретарша. Дом после первого ее мужа титулярного советника Андрея Кубенского по духовному завещанию в 3-ей части в Архангельской Большой улице № 1703». Это дворянское владение титулярного советника находилось на той же улице, что и известный дом Суконщикова. Все сообщения о роде Щекиных свидетельствуют как о достаточно древнем его происхождении.

Есть еще одно интересное известие о Щекиных, которое относится к началу XX в. Его сообщает северный историк и краевед М. Б. Едемский в своей статье «Из кокшеньгских преданий»⁹, в которой речь идет о жителях селений по р. Кокшеньге, в частности д. Дубравы Шевденицкой волости. В старину это были места Важского края (в бассейне р. Ваги), входившие в Вельский уезд, как и Верховская волость, из которой был родом возможный дядя бабушки Иван Щекин. Позднее все они числились в Тотемском уезде. М.Б. Едемский сообщает, что по пре-

даниям, жители этих волостей по Кокшеньге и некоторые семьи в Вельске, носящие фамилию Щекиных, «чуцкого происхождения». А это означает следующее. Как известно, первоначальное население нашего Севера было не славянским, а финно-угорским, и в древних русских летописях оно называлось «чудью», «чудскими племенами». Славяне, а ими были новгородцы и ростово-суздальцы, стали интенсивно заселять Север с XII–XIII вв. и вступали с чудским населением в сложные отношения. Часть этого населения была ассимилирована пришельцами-славянами (поглощена), т.е. это население восприняло язык и культуру либо новгородцев, либо ростово-суздальцев, смотря с кем ему довелось встретиться. Другая часть была оттеснена на окраины Севера, третья смешивалась с ними. Поэтому в севернорусском населении остались следы летописной чуди. Они прослеживаются во внешнем облике русских (антропологическом типе); в говорах, ибо в русской речи есть вкрапления финно-угорских языков; в народной бытовой культуре, как материальной, так и духовной. Об этом написано много исследований, и мне в том числе пришлось неоднократно писать об этом же.

Наша бабушка, происходя из рода вельских (кокшеньгских) Щекиных, унаследовала «чудские черты» в своей внешности. Это видно по сохранившимся ее фотографиям. Во-первых, ее нос имел, так называемую по-народному, форму «уточкой»: вогнутую спинку (а не прямой нос), характерную для физического типа неславянского населения Севера. Во-вторых, небольшие скулы, и, в-третьих, в старости у нее проявился, говоря по-научному, эпикантус. Это складка верхнего века, закрывающая слезный мешочек, небольшая черта монголоидности, имеющаяся во внешности некоторых финноугров на Севере. Такие черты были у древнего чудского населения, и встречались у жителей Севера во все последующие века, а по народным представлениям, они являются «чудским наследием». Такой же формы нос унаследовала наша кузина из Новгорода Нина Пospelова (в замужестве Волкова). Мы, не знавшие раньше о таких премудростях, замечали это и у бабушки, и у Нины, и даже посмеивались над этим.

Жители Севера и русские, и нерусские всегда имели связи хозяйственного, торгового и даже родственного характера. К нерусским здесь относятся финноугорские народы: лопари, ненцы, коми, вепсы, карелы, финны. Так и население Вельска имело сношения со своими ближайшими соседями, в частности с оленеводами-ненцами, которые привозили в северные районы мясо оленей, изделия из оленьей шерсти. У семьи бабушки были такие вещи. Когда я вышла замуж, а из ее внучек я первая стала замужней, она прислала мне в приданое, кроме своих,

вышитых ею в девичестве для своего приданого изделий (полотенец, простыней, салфеток с ее монограммой «МЩ»), постель в виде матраса и подушки, набитые оленьей шерстью. Позднее к ним присоединилась раскладушка, лежание у которой тоже было мягкое из этой же шерсти. Связи Щекиных, в происхождении которых есть нерусский след, вполне могли осуществляться с этими народами.

Вернусь к нашему семейному роду. В молодости дед и бабушка познакомились, можно сказать, по месту работы. Дед работал в какой-то торговой конторе, бабушка – в швейной мастерской. Оба заведения находились в одном из домов на Гостинодворской улице, на втором его этаже по разные стороны общей лестницы. Это было примерно, как я уже сказала, в 1910-х годах, тогда же они создали свою семью.

Их дети: Антонина, Владимир, Александр, Зоя, Алексей.

Антонина умерла во младенчестве. Александр Алексеевич окончил после войны Вологодский пединститут и преподавал математику в учебных заведениях г. Сокола Вологодской обл. У него с женой Татьяной Дмитриевной Петровой, географом по образованию, – дети Владимир, Галина, Олег, Наталья, Алексей, Юрий. Я виделась со всеми, кроме Юрия, до их женитьбы или замужества, поэтому с их семьями я не знакома. Старший Владимир работал на Череповецком металлургическом комбинате, Галина (учительница), Олег и Юрий живут в Соколе, Наталья вышла замуж и живет в Шексне, Алексей работает в Вологодском техническом университете, он кандидат наук.

Зоя Алексеевна (умерла в 1982 г.) и ее муж Пospelов Дмитрий Кириллович (ум. в 1979 г.), жили сначала в Вологде, с 1940-х годов – в Великом Новгороде. Оба были финансовыми работниками.

Их дети: Эмма (рожд. 1935 г.) и ее муж Хатунцев Станислав Филиппович, оба инженера, окончили Ленинградский политехнический институт, живут в Петербурге. У них был сын Алексей, умер в начале 1990-х гг.

Нина (рожд. 1946 или 1947 г.), ее муж Волков Геннадий (ум. в 2010 г.), были одноклассниками. У них дети – Дмитрий и Ян, оба сейчас женаты, имеют детей. Нина закончила Новгородский педагогический институт и работала в нем преподавателем английского языка.

Младший сын бабушки и деда Алексей Алексеевич (по-семейному Лёля) жил с 1925 по 1946 г. В 17 лет из 10-го класса школы он ушел на фронт, воевал под Новороссийском (на Малой земле), заболел туберкулезом, был демобилизован, а хотел дальше учиться в военной академии, приехал в конце 1945 г. домой и вскоре умер в 22 года. На его похоронах были уцелевшие в войну его одноклассники – ребята и девушки. Мы с

Эммой хорошо помним эти похороны, нам было по 10 лет. Кстати, мы учились в той же школе, что и Лёля. Там хранились фотографии учеников, воевавших на фронте, и одна фотография изображала Лёлю и его одноклассников на лыжах и с нашим псом Джеком. Мы, дети, любили играть с этим псом. Поскольку моя фамилия, как и Лёлина, была Суконщикова, то эту фотографию отдали мне.

Перехожу непосредственно к семье старшего сына бабушки и деда – Владимира.

Владимир Алексеевич (1910–1968) и его жена Вера Константиновна (урожд. Иванова) (1911–1986). Я, Ирина Владимировна, их единственный ребенок, рождения 1935 г.

Владимир Алексеевич получил семилетнее образование, окончив в 1927 г. школу № 3 г. Вологды. Затем он неоднократно обучался на различных курсах и работал по бухгалтерской части в разных учреждениях. Есть удостоверение о прохождении им в 1930 г. пятимесячных счетоводных курсов Государственного лесопромышленного треста «Северолес». Затем по контракту он был обязан в течение двух лет работать на предприятиях треста. После этого и до начала войны он работал в Управлении Северных железных дорог. По сведениям из военного билета, он находился на учете Вологодского военкомата по штабной специальности с квалификацией старшего писаря службы, с военным званием старшины а/с, с гражданской специальностью бухгалтера, беспартийный. В 1939 г. отец был призван на фронт в Финскую кампанию, зачислен в 502 отдельный танковый батальон старшим писарем, уволен в запас в 1940 г. С началом Великой Отечественной войны он был мобилизован и 16 декабря 1941 г. зачислен в штаб 59 армии старшим писарем, где и прослужил до июля 1942 г. В июле 1942 г. был тяжело ранен в позвоночник и по ноябрь 1942 г. находился на излечении в госпитале г. Рыбинска Ярославской области. Снова вернулся на фронт и попал в 103 отдельную роту обслуживания армейской базы старшим писарем, где пробыл до октября 1943 г. В феврале 1943 г. перенес легкое ранение в руку и в ногу. Затем в той же должности до мая 1944 г. находился в 1029 стрелковом полку, после чего до августа 1945 г. в 1071 стрелковом полку. С августа 1945 г. и до января 1946 г. был в 43 санитарно-эпидемиологическом отряде кладовщиком продовольственного склада. В 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», в 1945 г. медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Он прошел весь этот путь до Берлина, участвовал во всех боях.

После войны вернулся к своей гражданской профессии и стал работать в Вологодском управлении связи старшим экономистом отдела распространения и экспедирования печати. В 1949 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено персональное звание инспектора связи третьего ранга. В 1950-х гг. проходил курсы повышения квалификации: в 1950 г. в Москве – курсы руководящих работников «Союзпечати» Министерства связи СССР, в 1957 г. во Львове – Украинские курсы руководящих работников связи Минсвязи СССР. Кроме профессиональных занятий, он имел хобби – играл на трубе в духовом оркестре при городском клубе железнодорожников.

В 1960-е гг. он перенес два инфаркта и вышел на пенсию по второй группе инвалидности, а в 1968 г. в 58 лет он умер, похоронен в Вологде на Пошехонском кладбище.

Его жена, Вера Константиновна Суконщикова (урожд. Иванова) родилась в 1911 г. в г. Вологде. В 1920-е гг. окончила начальную школу и была отдана в частную швейную мастерскую, где получила профессию портнихи и проработала по найму четыре года. После ликвидации частных предприятий принята на работу на Вологодскую швейную фабрику им. Клары Цеткин портнихой. В 1932–1933 гг. ее послали на курсы счетоводов и бухгалтеров, в 1936 г. она стала работать на фабрике бухгалтером, в 1949 г. ее назначили на должность начальника отдела труда и зарплаты. В 1952 г. она училась в Москве на курсах повышения квалификации начальников отделов труда и зарплаты при Управлении учебных заведений Министерства легкой промышленности СССР. В 1963 г. была переведена на должность старшего нормировщика, в 1966 г. вышла на пенсию. В 1971 г. она переехала в Москву и жила в семье дочери до смерти в 1986 г., похоронена на московском Котляковском кладбище. В Москве она временно работала в центральной бухгалтерии Московского университета им. М.В. Ломоносова. Она имела награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и юбилейную медаль «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которую получила, уже живя в Москве.

Интересна судьба семьи, из которой происходила Вера Константиновна. Ее дед по материнской линии (а мой прадед) Дофин Николай Алексеевич жил в Великом Устюге и был иконописцем (богомазом, как говорили в народе). Это был непростой иконописец, он работал в академической школе (направлении), т.е. имел академическое живописное образование. Он писал иконы и расписывал храмы Великого Устюга. Довольно рано он переселился в Вологду, где создал свою иконописную школу, имел учеников и вместе с ними артелью ездил по Вологод-

ской губернии, писал иконы и фрески в храмах. Мне известно, что кроме устюжских храмов, он писал фрески в Павло-Обнорском Грязовецком монастыре. Когда в 1987 г. я была в экспедиции в Великом Устюге, то зашла в реставрационную мастерскую и спросила, нет ли у них работ такого мастера. Они сказали, что есть и очень много, и поинтересовались, почему я спрашиваю об этом мастере. Я ответила, что это мой прадед. Удивлению и расспросам после этого не было конца. Позднее сотрудники Устюжского музея сообщили мне, что открыли одну из пу-стовавших церквей и обнаружили там полностью сохранившийся иконостас. Все иконы были подписаны Николаем Дофиным и имели его клеймо. В 1990-х гг. они прислали мне цветное фото с отреставрированной иконы его письма 1898 г., на которой был изображен св. Прокопий. Она сейчас демонстрируется в музее. Это совершенно потрясающая живопись. Я не ожидала, что прадед был мастером такого высокого уровня.

Этот Николай Алексеевич Дофин, переселяясь в Вологду, забрал в Устюге свою семью и отправился в дальнюю дорогу. У него было две дочери: старшая Александра и младшая Клавдия (моя бабушка). Старшую он просвятил в Вологде некоему Александру Яковлеву, но по дороге в Вологду она сбежала и скрывалась в какой-то деревне у своей крёстной. В Вологду привезли одну Клавдию, которую и отдали за этого Яковлева. С ним Клавдия прожила лет 10-12, родила шестерых детей и осталась вдовой в 30 лет. Затем она познакомилась с моим будущим дедом Ивановым Константином Владимировичем, которому в ту пору было 20 лет и он был студентом Петербургского университета. Он происходил из одной вологодской семьи, где все получали университетское образование и были либо врачами, либо юристами. Он влюбился во вдову с шестью детьми, которая была старше его на 10 лет, женился на ней, после чего его семья отвернулась от него, а он бросил университет. Он пошел работать в типографию и проработал простым наборщиком до пенсии. С бабушкой они родили еще шесть детей, моя мама была десятым ребенком. Вот такая история была у меня по материнской линии.

Теперь осталось рассказать о себе. Я родилась в Вологде 18 августа 1935 г. Окончила школу № 8. Это замечательная школа. Она была экспериментальной, у нас на уроках постоянно присутствовали разные эксперты. Многие учителя вели специализированные кружки и студии и занимались с нами дополнительно, особенно в 10 классе перед поступлением в институты. С начальных классов я занималась в танцевальном кружке, но меня списали по причине слабого здоровья. Тогда с горя я стала заниматься пением, у меня оказался небольшой, но при-

ятного тембра голос. Учительница пения Флора Самойловна отобрала несколько учеников, способных к пению, и мы ходили к ней домой на занятия. Она каждый раз угощала нас чаем и домашним печеньем. Выступали мы на пионерских сборах и на разных мероприятиях в школе. В старших классах пение было поставлено более серьезно. У нас был хор почти в 200 человек и струнный ансамбль в 70 чел. Школа была большая, одних только десятых классов было пять, так что набрать такой хор и ансамбль было не трудно. Хор был четырехголосный. Сначала с каждым голосом отдельно занимались (разучивали песни) преподаватели музыкального училища, затем нас объединяли и мы репетировали вместе. Музыкальным руководителем был учитель немецкого языка Михаил Иванович Зайцев, он же преподавал и в музыкальном училище. Мы давали концерты по всему городу, выступали в госпиталях перед лечившимися и ранеными бойцами. Ко дню 70-летия Сталина подготовили большую программу с песнями о нем и выступали с этим концертом. Были отобраны просто замечательные, красивые песни. Я до сих пор помню их и партию своего голоса. Еще я занималась в литературном кружке, который вела учительница русского языка и литературы Валентина Михайловна Добруля. Мы сочиняли стихи на вольные и заданные темы и разбирали их. Когда я была в 10 классе, то мы поставили пьесу «Молодая гвардия» (по роману А. Фадеева). Так как школа была женская, то мужские роли исполняли тоже девочки. Мне досталась роль Сережи Тюленина, и в сценке вечеринки молодогвардейцев мне пришлось петь и танцевать с Любой Шевцовой. Нас гримировали, парики и костюмы привезли из театра, так что мы выглядели вполне правдоподобно. Моя мама всплакнула во время спектакля, говорила, что я была похожа на своего папу в молодости и напомнила ей его.

Самым любимым нашим учителем в старших классах был историк Валерий Алексеевич Коровин, который был старше нас лет на шесть. Он совершенно виртуозно вел уроки, никогда не говорил о том, что написано в учебнике (это мы должны были прочитать сами), а давал очень много дополнительного, очень интересного материала. Он приучил нас конспектировать свои «лекции», для чего у нас были специальные тетради, поэтому в университете мне легко было перейти к конспектам. Он давал нам для прочтения много исторической литературы, не значившейся в школьном списке. Мы писали сочинения на исторические темы. У меня до сих пор хранятся мои сочинения о Спартаке и Александре Невском. Эту литературу мы читали в областной библиотеке, которая в те годы размещалась в здании Дворянского собрания, теперь там Вологодская областная филармония им. В. Гаврилина.

Я окончила эту удивительную школу в 1953 г. с золотой медалью и в этом же году поступила в Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова на исторический факультет, который окончила в 1958 г. по кафедре этнографии, получив специальность «Этнография русского народа». По окончании университета я получила направление на работу в научно-исследовательский Институт этнографии Академии наук СССР, который с 1991 г. стал называться Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. В нем работаю и по сию пору. Я защитила две диссертации: кандидатскую в 1971 г. по этнографии Великого Устюга и Устюжского уезда XVIII – первой четверти XX в. и в 1988 г. докторскую – по Русскому Северу и Западной Сибири XVII–XVIII вв. Я – автор пяти книг, разделов и глав в 20 коллективных монографиях, более 80 статей в сборниках и различных изданиях. В 1993 г. стала лауреатом Государственной премии РФ по науке и технике за монографию «Традиции крестьянского землепользования Поморья и Западной Сибири в XVII – XVIII вв.». В 2003 г. получила два звания – профессора и «Заслуженного деятеля науки».

Я замужем с 1958 г. Муж, Власов Владимир Георгиевич, окончил Московский станкоинструментальный институт, получил специальность инженер-механик. Проработав несколько лет инженером, сменил свое профессиональное занятие и в последние годы перед пенсией работал во Всероссийском институте аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова Российской академии сельскохозяйственных наук, изучая социокультурные проблемы развития общества. Им опубликовано несколько научных статей и две книги – «Этническая медицина: вчера – сегодня – завтра» (М., 2006) и «Культура земледельческого общества. Формы традиционной культуры, связанные с использованием растений» (М., 2006).

Это все, что у меня есть о нашем роде и родственниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб. 1903. С. 615.

² Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 4369. «Пятая ревизия. О купцах и мещанах г. Вологды в 1795 г.».

³ Там же. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 276.

⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 171.

⁶ Там же. Л. 243 об.–244.

⁷ Там же. Л. 251 об.–252.

⁸ Там же.

⁹ «Живая старина», СПб., 1905. Вып. 1-2. С. 75-76.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Суконщиковы Алексей Васильевич и Мария Алексеевна (урожд. Щекина),
примерно 1908–1909 гг.

Суконшиковы Алексей Васильевич и Мария Алексеевна с детьми.
примерно 1925 – 1928 гг.

Суконщиков Владимир Алексеевич. 1913 г.

Суконщиков Владимир Алексеевич, начало 1930-х гг.

Суконщикова Вера Константиновна (урожд. Иванова), начало 1930-х гг.

Суконщиковы Владимир Алексеевич, Вера Константиновна и их дочь Ирина.
1938 г.

Суконщикова Ирина Владимировна (в замужестве Власова), автор статьи.
1956 г.

К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б). 1921 год

Прежде всего, нужно указать, что в данном случае подразумевается под понятием «ответственные работники» РКП(б). При рассмотрении архивных материалов было установлено, что в эту категорию входили члены Вологодского губернского комитета РКП(б), Вологодского городского комитета РКП(б), уездных партийных комитетов, а также те коммунисты, которые входили в исполнительные комитеты губернского и уездного уровня, лица, возглавлявшие органы милиции и работавшие в профсоюзных организациях ¹.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы на региональном уровне проследить, каким путём формировался слой новой элиты из ответственных работников членов РКП(б) в послереволюционную эпоху, а также дать характеристику того слоя членов РКП(б), который уже в то время начинал определять дальнейшую историю развития страны. Период 1920-х годов стал важным этапом развития советского строя. В связи с этим социально-политическое развитие советского общества в 1920-е годы нельзя рассматривать отдельно от социального анализа истории партии большевиков в целом и её руководящего состава в частности.

В настоящей статье рассматриваются такие характеристики руководящих работников, как их социальное положение, партийный стаж, Так как длительность партстажа и социальное положение коммунистов играли во многом важную, даже определяющую, роль в судьбе и служебной карьере. Кроме этого выясняется, какой процент от общего числа членов РКП(б) губернии составляли ответственные работники в целом, и то, каким был их удельный вес в уездных организациях.

Эти характеристики выявлены на июнь 1921 года. Такая дата выбрана как благодаря наличию достаточной источниковой базы, так и по причине окончания в это время на территории Европейской России Гражданской войны. В этот период непрерывные массовые перемещения партийных кадров (что неблагоприятным образом отражалось на деятельности организаций РКП(б), иногда уменьшая их численность наполовину) заканчиваются. К тому же, в это время в Вологодской губернской организации завершается «чистка» рядов как элемент общероссийской партийной акции, которая была призвана очистить РКП(б) от нежелательных социально-политических элементов. После жёсткой чистки рядов РКП(б) в ней осталось 408 870 из 577 000 человек (было исключено около 30%) ². Из них рабочие составляли 17%, служащие – 33%, крестья-

не – 42%, «прочие» – 38%³. В Вологодской губернской организации осталось 2 383 из 3 138 членов РКП(б) (исключено 24%) Из них исключено: рабочих – 8,8%, крестьян – 23,9%, других – 26%⁴. В Вологодской губернской парторганизации служащие относились к категории «прочие». В целом видно, что «чистка» в Вологодской губернии прошла в более мягком варианте, но при сохранении общероссийских процентных соотношений по социальным группам. Положение в партийных организациях в этот период относительно стабилизируется, и можно получить «срез» ряда социальных характеристик руководящих кадров РКП(б) губернского уровня. Это является важным, так как при рассмотрении подобного рода данных в дальнейшем можно получить картину изменения социальных характеристик слоя ответственных работников РКП(б) и проследить эволюцию данного института в течение 1920-х гг.

В основу данной статьи легли сведения из разных видов источников. Во-первых, это официальные статистические материалы, опубликованные в печатных органах РКП(б). Так, сводные отчетные сведения как по губернской парторганизации в целом, так и по уездам, содержатся в «Вестнике Вологодского губернского комитета РКП (большевиков)». Так же необходимые факты можно почерпнуть в материалах общего отдела губернского комитета РКП(б), протоколах заседаний губкома, а также в протоколах и отчетах уездных парторганизаций. Сравнение данных из различных источников обеспечивает получение более точных результатов о реальном положении вещей в партийных организациях.

Привлеченные источники позволяют рассмотреть вопрос о том, какую часть от общего числа членов РКП(б) составляли ответственные работники.

По данным «Вестника Вологодского губернского комитета РКП (большевиков)» на июнь 1921 года в губернии насчитывалось:

Наименование организации	Члены РКП(б)	Кандидаты
Вологодская городская организация	1 094	42
Вологодская уездная	357	11
Вельская уездная	82	59
Грязовецкая	246	53
Кадниковская	186	56
Каргопольская	138	51
Тотемская	178	147
Няндомская (районная организация с правами уездной, создана по решению губкома) ⁵	113	16
Итого в губернской организации: ⁶	2 394	435

Эти данные практически совпадают со сведениями учётно-информационного подотдела организационно-инструкторского отдела Вологодского губернского комитета за это же время – 2396 членов РКП(б) и 436 кандидатов ⁷. Расхождение с итогами «чистки» (на 13 человек) объясняется тем, что на июнь «чистка» партийных рядов ещё не была завершена, и по ряду членов компартии не было принято окончательного решения. Однако указанное расхождение не является значительным.

Численность ответственных работников губернского и уездного масштабов была следующая.

По Вологодской городской организации – 135 человек. Из них относилось к интеллигенции – 15 (в РКП(б) до 1917 г. – 3, с 1917 г. – 4, с 1918 г. – 4, с 1919 г. – 2, с 1920 г. – 2), к служащим – 31 (до 1917 г. – 2, с 1917 г. – 5, с 1918 г. – 16, 1919 г. – 6, 1920 г. – 2), к рабочим – 62 (до 1917 г. – 3, с 1917 г. – 21, с 1918 г. – 29, с 1919 г. – 6, с 1920 г. – 2, с 1921 г. – 1), к крестьянам – 26 (с 1917 г. – 8, с 1918 г. – 13, с 1919 г. – 4, с 1920 г. – 1), к ремесленникам – 1 (с 1918 г.).

По Вологодской уездной организации относилось к ответственным работникам 10 человек. Из них к интеллигенции – 1 (в РКП(б) с 1918 г.), к служащим – 2 (в партии с 1918 г.), к крестьянам – 7 (5 – с 1918 г., по одному с 1919 и 1920 годов).

По Грязовецкой уездной организации – 16 человек. Из них к служащим – 4 (в РКП(б) один – с 1905 года, 2 – с 1918 г., один – с 1920 г.), к рабочим – 3 (партстаж с 1917, 1918, 1919 гг.), к крестьянам – 9 (в РКП(б) с 1917 г. – 1, с 1918 г. – 7, 1920 г. – 1).

По Каргопольской уездной организации – 33 человека. Из них к интеллигенции (учителя) относились 2 человека (с 1917 и 1918 гг.), к крестьянам – 30 человек (с 1917 г. – 4, с 1918 г. – 11, с 1919 г. – 9, с 1920 г. – 5, с 1921 г. – 1), к рабочим – 1 (с 1918 г.).

По Вельской уездной организации – 22 человека. Из них к мещанам относился 1 человек (с 1918 г.), к крестьянам – 17 (с 1917 г. – 1, с 1918 г. – 7, с 1919 г. – 5, с 1920 г. – 3 (один – бывший член партии левых с.-р.), с 1921 г. – 1), к служащим – 4 (в РКП(б) с 1918 г. – 2, и по одному с 1919 и 1921 гг.).

По Тотемской уездной организации к ответственным работникам относились 25 человек. Из них к служащим – 1 (в РКП(б) с 1919 г., до этого – в партии кадетов), к рабочим – 1 (с 1917 г., бывш. меньшевик), к крестьянам – 23 (с 1917 г. – 7, с 1918 г. – 11 (один – бывш. меньшевик), с 1919 г. – 4, с 1920 г. – 1 (бывш. левый социалист-революционер), с 1921 г. – 1).

По Няндомской организации – 9 человек. Из них к служащим – 3 (с 1917 г. – 1, с 1918 г. – 1, с 1920 г. – 1), к рабочим – 5 (с 1917 г. – 1, с 1918 г. – 3, с 1919 г. – 1), к крестьянам – 1 (в РКП(б) – с 1919 г.).

По Кадниковской уездной организации – 31 человек. Из них к интеллигентам – 2 (с 1919 г.), к служащим – 3 (с 1918 г. – 2, с 1919 г. – 1), к рабочим – 4 (с 1917 г. – 3, с 1918 г. – 1), к крестьянам – 22 (с 1917 г. – 4, с 1918 г. – 10, с 1919 г. – 5, с 1920 г. – 2, с 1921 г. – 1).

Данные получены путем сопоставления материалов общего отдела губернского комитета РКП(б) с данными, которые содержатся в материалах уездных парторганизаций⁸.

Всего по Вологодской губернии 281 человек относился к разряду ответственных работников. Следует сразу же отметить, что наличие большого числа ответственных работников в Вологодской городской организации связано с тем, что в городе находились руководящие губернские организации. Из вышеприведённых подсчётов следует вывод о том, что по Вологодской губернии в целом ответственные работники составляли 11% от всего числа членов РКП(б). Если же рассматривать соотношение по отдельным парторганизациям, видно, что ответственные работники составляли:

в Вологодской городской организации – 12,3% (интеллигенция – 11%, рабочие – 46%, служащие – 23%, крестьяне – 20%);

Вологодской уездной организации – 2,8% (интеллигенция – 10%, служащих – 20%, крестьяне – 70%);

Грязовецкой уездной организации – 6,5% (рабочие – 19%, служащие – 25%, крестьяне – 56%);

Каргопольской уездной организации – 24% (интеллигенция – 6%, рабочие – 3%, крестьяне – 91%);

Вельской уездной организации – 27% (мещане – 4,5%, служащие – 18,5%, крестьяне – 77%);

Тотемской уездной организации – 14% (рабочие – 4%, служащие – 4%, крестьяне – 96%);

Няндомской организации – 8% (рабочие – 55%, служащие – 33%, крестьяне – 12%);

Кадниковской уездной организации – 17% (интеллигенция – 6,5%, рабочие – 13%, служащие – 9,5%, крестьяне – 71%).

Таким образом, в уездных организациях РКП(б) Вологодской губернии в составе ответственных работников наблюдалось значительное преобладание крестьян и выходцев из данного социального слоя. Преобладание рабочих наблюдается только в Вологодской городской организации и Няндоме. Это объясняется тем, что Вологда являлась промышленным центром губернии, Няндомская же организация в основном объединяла рабочих железнодорожного узла.

Если же рассматривать вопрос о времени вступления ответственных работников в РКП(б), то большинство из них вступило в ряды партии в 1918 году. Это было вызвано социально-экономическими условиями Вологодской губернии⁹, где процесс политического развития «запаздывал» по сравнению с Центром страны.

Следует отметить, что согласно Постановлению ЦК РКП(б) «О плановых перебросках» предусматривалось перемещать ответственных работников из уезда в уезд с периодичностью около 3-х месяцев¹⁰ (видимо, в развитие идеи Ленина о создании кадрового резерва и привлечения к управлению рядовых трудящихся), а Вологодский губкомпарт планировал систематически перемещать ответственных работников на 6 месяцев на место трудовой деятельности (на фабрики и в сельское хозяйство).¹¹ Однако на середину 1921 года эти планы по сути не выполнялись¹², и кадры руководящих работников находились на своих местах на территории губернии достаточно стабильно.

Таким образом, ответственные работники Вологодской губернской организации РКП(б) составляли значительный процент (12%) от всей численности парторганизации, что вытекало из политического положения РКП(б) как правящей партии. В их числе выходцы из интеллигенции составляли 7% (и в основном работали в г. Вологде), из рабочих – 27% (они группировались в Вологде, Няндоме, Грязовецком и Кадниковском уездах), из крестьян – 52% (составляли большинство в Кадниковской, Тотемской, Каргопольской, Грязовецкой, Вологодской и Вельской уездных организациях), служащие составляли 14% (эти люди осознавали свой особый социальный статус, а не ассоциировали себя с той социальной средой, из которой вышли).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 1853. Оп. 4. Д. 12. Лл. 23–60.

² Офицеров В.А. О формировании состава новых управленцев России к началу НЭПа. Исторические записки. М., 2008, № 129. С. 51.

³ Там же. С. 53.

⁴ Подсчитано по: Вестник Вологодского губернского комитета РКП (большеви-ков), 1921 № 4–5. С. 26–27. (Расхождение с нижеприведённой подсчётной численностью 2394 человека связано с тем, что «чистка» в губернской организации завершилась к августу 1921 года).

⁵ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 4. Д. 68. Лл. 9–10.

⁶ Вестник Вологодского губернского комитета РКП (большеви-ков), 1921 №1. С. 21. (Прим. авт. – в оригинале – «2366 членов РКП(б), что, видимо, ошибка. Подсчёт даёт 2394 человека).

⁷ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 4. Д. 52. Лл. 42; Оп. 5. Д. 120. Лл. 100.

⁸ Подсчитано по:

ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 4. Д. 12. Л. 23–60.

Там же. Д. 48. Л. 30–45 об.

Там же. Д. 64. Л. 45.

Там же. Д. 68. Л. 208–213 об.

Там же. Д. 76. Л. 108.

Там же. Ф. 259. Оп. 1. Д. 147. Л. 17–46.

⁹ Очерки Вологодской организации КПСС. Вологда, 1969. С. 261.

¹⁰ Вестник Вологодского губернского комитета РКП (большевиков), 1921, №2. С.28.

¹¹ Вестник Вологодского губернского комитета РКП (большевиков), 1921, №1. С.3.

¹² Там же.

*С. И. Старостин,
А. Л. Кузьминых,
А. Б. Сычев*

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ, УМЕРШИЕ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1949 ГОДАХ: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

Одной из драматичных страниц истории Вологодской области годы Второй мировой войны и послевоенный период является история пребывания иностранных военнопленных и интернированных. Как свидетельствуют архивные документы, на территории Вологодчины в 1939–1949 гг. функционировали 8 лагерей с 32 лагерными отделениями, 9 спецгоспиталей, рабочая колонна и батальон, через которые прошло свыше 60 тыс. иностранцев 30-ти национальностей.

Очевидно, что наиболее объективным показателем положения военнопленных и интернированных является уровень смертности. На основании систематизации данных общего и персонального учета лагерей и спецгоспиталей авторами данной статьи была подготовлена база данных «Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943 – 1949 гг.», опубликованная в 2009 году при финансовой поддержке Санкт-Петербургского регионального бюро Фонда Конрада Аденауэра в виде второго тома книги-мартиролога «Теперь я прибыл на край света». В нее вошли сведения на 6735 умерших иностранцев, выявленные в государственных и ведомственных архивах Вологодской и Архангельской областей ¹.

Основным первичным материалом при подготовке издания являлись списки умерших, кладбищенские книги лагерей и спецгоспиталей, а также акты о смерти и захоронении военнопленных и интернированных, находившиеся на хранении в архиве Управления внутренних дел по Вологодской области, архиве Управления внутренних дел по Архангельской области, Государственном архиве Вологодской области. Кроме того, использовались материалы государственного социально-мемориального центра «Поиск» (г. Архангельск). Содержавшиеся в этих документах персональные данные перепроверялись и сопоставлялись между собой.

Систематизация данных осуществлялась в программе «Microsoft Excel». Структура электронной таблицы включала в себя 12 граф: 1) порядковый номер; 2) фамилия военнопленного или интернированного; 3) имя; 4) имя отца; 5) год рождения; 6) национальность; 7) воинское звание; 8) место содержания; 9) дата смерти; 10) причина смерти; 11) дата захоронения; 12) место захоронения. Фамилии умерших размещались в алфавитном порядке в оригинальном написании. Анализ данных осуществлялся по 6 ключевым позициям: 1) национальный состав; 2) половой состав; 3) возрастной состав; 4) социальный состав; 5) динамика смертности; 6) причины смертности.

Обработка данных показывает, что среди умерших военнопленных и интернированных были представители 29 национальностей, в том числе 5012 немцев (74,4 %), 491 венгр (7,3 %), 436 румын (6,5 %), 247 австрийцев (3,6 %), 115 финнов (1,7 %), 89 украинцев (1,3 %), 71 поляк (1,0 %), 56 латышей (0,8 %), 40 испанцев (0,6 %), 32 югослава (0,4 %), 20 литовцев (0,3 %), 20 молдаван (0,3 %), 19 чехов (0,3 %), 16 французов (0,2 %), 16 бессарабов (0,2 %), 9 итальянцев (0,1 %), 9 чехословаков (0,1 %), 8 эстонцев (0,1 %), 4 словака (0,06 %), 3 голландца (0,04 %), 3 норвежца (0,04 %), 2 швейцарца (0,03 %), 1 американец (0,01 %), 1 люксембуржец (0,01 %), 1 словен (0,01 %), 1 русский (0,01 %), 1 белорус (0,01 %), 1 бельгиец (0,01 %), 1 еврей (0,01 %), 10 чел. с неустановленной национальностью (0,1 %). Таким образом, почти $\frac{3}{4}$ умерших военнопленных и интернированных представлены лицами немецкой национальности; на долю остальных 28 национальностей приходится $\frac{1}{4}$.

Половой состав военнопленных и интернированных, умерших в Вологодской области: 6685 мужчин (99,3 %) и 50 женщин (0,7 %). Эти данные в целом соответствуют составу контингента системы ГУПВИ, характерной чертой которого, в отличие от заключенных ГУЛАГа, была гендерная однородность. Известно, что женщины не служили в вермахте и в войсках СС, так как это противоречило идеологии национал-социализма². Все женщины, умершие на территории региона, относятся к категории интернированных немцев, т.е. гражданских лиц.

Возрастной состав военнопленных и интернированных неоднороден: максимальная разница в возрасте умерших составляет 71 год. Из числа умерших возраст от 70 до 80 лет имели 7 чел. (0,1 %), от 60 до 70 лет – 67 чел. (1,0 %), от 50 до 60 лет – 526 чел. (7,8 %), от 40 до 50 лет – 1422 чел. (21,1 %), от 30 до 40 лет – 2541 чел. (37,7 %), от 20 до 30 лет – 1805 чел. (26,8 %), менее 20 лет – 346 чел. (5,2 %), дата рождения не установлена у 21 чел. (0,3 %). Таким образом, среди умерших превалировала группа мужчин молодого и среднего возраста от 20 до 40 лет (64,5 % к общему количеству умерших), что объясняется преобладанием данной возрастной группы среди военнопленных и интернированных. Интересно отметить, что самый молодой из умерших имел возраст всего 8 лет (интернированный немец Антон Визе, 1937 года рождения, дата смерти 7 мая 1945 г.), самый пожилой – почти 80 лет (интернированный немец (финн) Урсин Олайнен, 1865 года рождения, дата смерти – 12 ноября 1944 года)³.

Среди военнопленных и интернированных были представители 35 разных званий и должностей. Распределение умерших по воинскому званию (социальному статусу) выглядит следующим образом⁴: 1 генерал-майор (0,01 %), 50 полковников (0,7 %)⁵, 66 подполковников (1,0 %)⁶, 119 майоров (1,7 %), 195 капитанов (2,9 %)⁷, 196 обер-лейтенантов (2,9 %), 189 лейтенантов (2,8 %), 3 младших лейтенанта (0,04 %)⁸, 1 обер-офицер (0,01 %)⁹, 12 штабс-фельдфебелей (0,2 %), 1 гаупт-фельдфебель (0,01 %)¹⁰, 1 старшина (0,01 %)¹¹, 3 обер-фенриха (0,04 %)¹², 36 обер-фельдфебелей (0,5 %), 3 старших сержанта (0,04 %)¹³, 8 обер-вахмистров (0,1 %)¹⁴, 19 вахмистров (0,3 %)¹⁵, 163 фельдфебеля (2,4 %), 1 мастер (0,01 %)¹⁶, 1 шарфюрер (0,01 %)¹⁷, 1 унтер-фельдфебель (0,01 %), 33 сержанта (0,5 %)¹⁸, 514 унтер-офицеров (7,6 %), 61 капрал (0,9 %)¹⁹, 3 младших сержанта (0,04 %)²⁰, 163 штабс-ефрейтора (2,4 %), 2 гаупт-ефрейтора (0,03 %)²¹, 1428 обер-ефрейторов (21,2 %), 968 ефрейторов (14,4 %), 12 обер-солдат (0,2 %)²², 1777 рядовых (26,4 %)²³, 5 матросов (0,07 %), 4 полицейских (0,06 %), 3 полица (0,04 %)²⁴, 666 гражданских лиц (9,9 %), 27 лиц без указания статуса (0,4 %). Если объединить данные в более крупные категории по воинскому званию, то получается следующая картина: высший офицерский состав – 1 чел. (0,01 %), старший офицерский состав – 235 (3,5 %), младший офицерский состав – 584 (8,7 %), унтер-офицерский состав – 860 (12,8 %), рядовой состав – 4362 (64,7 %), гражданские лица – 666 (9,9 %), лица без указания статуса – 27 (0,4 %). Весьма пестрая картина званий и чинов военнослужащих объясняется тем, что в плену помимо солдат и офицеров немецкой армии содержались военнослужащие армий стран-сателлитов фашистской Германии, система воинской иерархии которых имела свою специфику.

Значительный интерес представляет динамика смертности военнопленных и интернированных. Пик смертности приходится на 1945 год – период массового поступления военнопленных и интернированных в завершающий период войны и после капитуляции Германии. Так, в 1943 году скончались 33 чел. (0,5 % к общему числу умерших), в 1944 г. – 782 (11,6 %), в 1945 г. – 4415 (65,5 %), в 1946 г. – 1113 (16,5 %), 1947 г. – 249 (3,7 %), 1948 г. – 118 (1,8 %), в 1949 г. – 20 (0,3 %), дата смерти не установлена у 5 чел. (0,1 %).

Соотношение умерших военнопленных к среднегодовой численности контингента выглядит следующим образом: в 1943 г. из 1134 чел. умерли 33 (2,9 %), в 1944 г. из 2755 чел. – 782 (28,4 %), в 1945 г. из 24 194 чел. – 4415 (18,2 %), в 1946 г. из 22 606 чел. – 1113 (4,9 %), в 1947 г. из 16 840 чел. – 249 (1,5 %), в 1948 г. из 10 568 чел. – 118 (1,1 %), в 1949 г. из 7269 чел. – 20 (0,3 %). Таким образом, если в абсолютных показателях пик смертности приходится на 1945 год, то в пропорциональном отношении наибольшие масштабы смертность имела в 1944 году, когда погибал почти каждый третий военнопленный. Это объяснялось крайне тяжелым состоянием военнопленных, поступавших с фронтов. Большинство захваченных в плен солдат и офицеров вермахта были предельно ослаблены, истощены, имели ранения и различные заболевания.

Приведенная динамика смертности подтверждается и данными лагерной статистики. Так, в лагере № 158 в 1942 году умерли 15 чел. (0,7 % к общему числу умерших), в 1943 г. – 32 (1,5 %), в 1944 г. – 600 (28,0 %), в 1945 г. – 1341 (62,5 %), в 1946 г. – 135 (6,3 %), в 1947 г. – 20 (0,9 %), в 1948 г. – 2 (0,1 %) ²⁵. Аналогичная динамика смертности наблюдалась в лагере № 193. В 1944 году лагерные медики зафиксировали 106 летальных исходов (20,5 % к общему числу умерших), в 1945 г. – 388 (75,0 %), в 1946 г. – 17 (3,3 %), в 1947 г. – 6 (1,1 %) ²⁶. Приведенные данные показывают резкое снижение смертности в послевоенные годы, что было вызвано репатриацией на родину больных и ослабленных военнопленных, а также общим улучшением условий содержания военнопленных ²⁷. Так, в лагере № 193 за 1946 г. из 5470 военнопленных умерли 17 чел. (0,3 %), в 1947 г. из 4097 – 6 чел. (0,1 %) ²⁸. Перелом ситуации со смертностью приходится на 1947 год, когда новых поступлений контингента уже не было, а ранее прибывший уже успел адаптироваться к лагерным условиям. К примеру, если в 1946 году в лагере № 437 было зафиксировано 22 случая смертности, то в 1947 и 1948 гг. соответственно 8 и 6 ²⁹.

Наконец, анализ базы данных позволяет выяснить причины смертности военнопленных и интернированных. К сожалению, здесь статистика не дает полной картины, так как у 3035 человек отсутствует диагноз смерти. У других умерших, наоборот, указаны несколько диагнозов

смерти. В связи с этим при анализе данных использовались две методики подсчета. В первом случае в качестве причины смерти брался первый диагноз, возможно, не являвшийся основной причиной летального исхода. Например, при таком сложном диагнозе, как «хроническая дизентерия, дистрофия 3 степени, отечная форма, двусторонний сухой плеврит, пиелит, отек легких», в качестве основной причины смерти указывалась «хроническая дизентерия». Исходя из этих критериев, причины смертности выглядят следующим образом: дистрофия – 2561 (69,2 %), пневмония – 226 (6,1 %), дизентерия – 220 (5,9 %), туберкулез – 182 (4,9 %), брюшной/сыпной тиф – 54 (1,5 %), энтероколит – 32 (0,9 %), дифтерия – 21 (0,6 %), другой диагноз – 404 (10,9 %).

Использование второй методики, направленной на подсчет частоты встречаемости того или иного диагноза, дает несколько иные результаты. По абсолютным показателям главной причиной смертности остается дистрофия – 2886 упоминаний (в 78,0 % диагнозов смерти). Далее следуют дизентерия – 556 (15,0 %), пневмония – 421 (11,4 %), туберкулез – 337 (9,1 %), энтероколит – 212 (5,7 %), брюшной и сыпной тиф – 91 (2,5 %), дифтерия – 33 (0,9 %). Причины смерти, помимо болезней, были самые различные. Так, капитан вермахта Антон Тим был застрелен при побеге, обер-лейтенант Иоганнес Феров был убит упавшим деревом на лесозаготовках, обер-ефрейтор Карл Мюллер скончался от перелома основания черепа в результате производственной травмы³⁰. Среди диагнозов смерти встречаются весьма неожиданные: карбункул шеи, заворот кишок, ревматизм, а порой и просто курьезные, например, старческий маразм.

В целом анализ основных факторов смертности позволяет говорить о том, что доминирующей причиной массовой гибели военнопленных на территории Вологодской области являлось крайне неудовлетворительное физическое состояние обезоруженных неприятельских военнослужащих, поступавших с фронтов. Вторым существенным фактором являлись голод и плохое питание, которые приводили к истощению организма и нарушениям функций пищеварительных органов. К прочим факторам смертности следует отнести хроническое физическое переутомление, вызванное тяжелой работой в северном климате, неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия размещения и несвоевременное оказание медицинской помощи инфекционным больным.

Общее число погибших в советском плену неприятельских солдат и офицеров статистика МВД СССР определяет цифрой 580 тыс. чел.³¹. Из этого числа 6,7 тыс. чел. (1,2 %) приходится на Вологодскую область. Если доля умерших военнопленных к их общему количеству составляет по стране 15 %³², то в нашем регионе она равняется примерно 10–12%. Данное числовое соотношение показывает, что сотрудникам лагерей и

спецгоспиталей, несмотря на неблагоприятные климатические условия, удалось сохранить жизнь подавляющего большинства военнопленных и интернированных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...» Т. 2. Иностранцы военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009.

² Женщины, служившие в вермахте, не относились к военнослужащим и военным чиновникам. Они составляли так называемую Вспомогательную службу (Helferinnen). Существовали отдельно Вспомогательная служба Сухопутных сил, Вспомогательная служба Люфтваффе, Вспомогательная служба Кригсмарине. Вспомогательная служба в СС. Персонал этих служб имел свои собственные звания. Как правило, женщины работали в различных канцеляриях, исполняли обязанности телеграфисток, телефонисток на узлах связи, работали наблюдателями в системе противовоздушной обороны. См.: http://army.armor.kiev.ua/titul/werm_zena.shtml (дата обращения – 21.01.2011).

³ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. Указ. соч. С. 75, 246.

⁴ Воинские звания приводятся в соответствии с написанием в архивных документах и распределены согласно военной иерархии в вермахте.

⁵ В вермахте званию полковника соответствовало звание оберста.

⁶ В вермахте званию подполковника соответствовало звание оберст-лейтенанта.

⁷ В вермахте званию капитана соответствовало звание гауптмана.

⁸ В вермахте званию младшего лейтенанта соответствовало звание лейтенанта.

⁹ Это не воинское звание, а категория воинских званий. В вермахте к категории обер-офицеров относились звания лейтенанта, обер-лейтенанта и гауптмана.

¹⁰ В вермахте это было название не звания, а должности, соответствовавшей должности ротного или батальонного старшины в советской армии.

¹¹ В вермахте званию старшины соответствовало звание гаупт-фельдфебеля.

¹² В вермахте – кандидат в офицеры.

¹³ В вермахте званию старшего сержанта соответствовало звание обер-фельдфебеля.

¹⁴ В вермахте обер-вахмистрами именовались обер-фельдфебели в кавалерии и артиллерии.

¹⁵ В вермахте вахмистрами именовались фельдфебели в кавалерии и артиллерии.

¹⁶ Чин полиции, который в вермахте приравнивался к фельдфебелю или вахмистру.

¹⁷ Шарфюрер (нем. Scharführer) – звание в СС и СА, которое соответствовало званию унтер-фельдфебеля в вермахте.

¹⁸ В вермахте званию сержанта соответствовало звание унтер-фельдфебеля.

¹⁹ В вермахте званию капрала соответствовало звание унтер-офицера.

²⁰ В вермахте званию младшего сержанта соответствовало звание унтер-офицера.

²¹ Воинское звание в военно-морском флоте (Kriegsmarine) и военно-воздушных силах (Luftwaffe) Германии. По военной иерархии, принятой в вермахте, находилось между званиями унтер-офицера и обер-ефрейтора.

²² Скорее всего, неверное написание существовавшего в вермахте звания обершютце (обер-гренадера).

²³ В вермахте званию рядового соответствовало звание шютце (гренадера).

²⁴ По-видимому, речь идет о сотрудниках немецкой вспомогательной полиции (нем. Hilfspolizei) – органов поддержания порядка, созданных немецкой оккупационной администрацией на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны. В разговорном языке (русском, украинском и др.) члены данных формирований получили презрительное наименование «полицáи» (от нем. Polizei — полиция). Как правило, вспомогательная полиция формировалась из военнопленных и местного населения.

²⁵ Российский государственный военный архив. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 146. Л. 7.

²⁶ Там же. Д. 166. Л. 5.

²⁷ Там же. Оп. 35а. Д. 32. Л. 84.

²⁸ Там же. Оп. 15а. Д. 166. Л. 5; Оп. 35а. Д. 28. Л. 72.

²⁹ Там же. Оп. 35а. Д. 44. Л. 36.

³⁰ Архив Управления внутренних дел по Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 78. Л. 1, 7; Д. 406.

³¹ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 45.

³² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: Олма-пресс, 2001. С. 511 – 512. См. также: http://ru.wikipedia.org/wiki/Военнопленные_в_СССР_во_время_Второй_мировой_войны (дата обращения – 22.01.2011).

СПИСОК АВТОРОВ*

Беляев Георгий Константинович, бывший научный сотрудник Российского Федерального Ядерного Центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ)

Власова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, лауреат Государственной премии России, заслуженный деятель науки РФ

Володина Лариса Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Вологодского государственного педагогического университета

Всеволодов Антон Владимирович, специалист МУК «Череповецкое музейное объединение»

Гилева Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России

Глумная Марина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных дисциплин филиала Северо-Западной академии государственной службы в г. Вологде

Гневашев Дмитрий Евгеньевич, историк

Дьяконицына Нина Михайловна, научный сотрудник Вологодской областной картинной галереи

Зайцев Сергей Николаевич, педагог-организатор Духовно-просветительского центра «Северная Фиваида»

Зеленина Мария Викторовна, ассистент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета, научный сотрудник отдела истории МУК «Вельский районный краеведческий музей им. В. Ф. Кулакова»

Иванова Татьяна Андреевна, заместитель директора МУ «Череповецкий центр хранения документации»

Изюмова Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета

Канунова Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник КАУ ВО «Областной архив кинофотофоно и электронных документов», киновед, Почетный кинематографист России

Когай Ирина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Вологодского государственного технического университета

---

* Сведения об авторах даны на 23 марта 2011 г.

Красиков Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры философии и истории Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н. В. Верещагина

Кубасов Александр Леонидович, кандидат юридических наук, начальник отдела Управления ФСБ России по Вологодской области

Кузьминых Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России

Кузнецова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России

Лебединская Тамара Александровна, кандидат исторических наук, доцент Вологодского государственного технического университета

Молодов Олег Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин филиала Северо-Западной академии государственной службы в г. Вологде

Мухин Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея Вологодской области

Николаева Екатерина Ивановна, научный сотрудник ФГУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»

Першина Анна Борисовна, старший научный сотрудник отдела научной публикации и информационных услуг КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области»

Плех Олеся Анатольевна, магистрант кафедры отечественной истории исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета

Рапакова Дина Ивановна, учитель истории, обществознания МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 15 им. С. Преминина» г. Красавино Великоустюгского р-на, заведующая музеем Героя РФ С. Преминина, заслуженный учитель РФ

Риммер Эльвира Петровна, главный специалист МУК «Череповецкое музейное объединение»

Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета

Слатова Марина Николаевна, заместитель директора по научной работе МУ «Муниципальный архив г. Вологды»

Соколов Юрий Алексеевич, аспирант кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета

Старостин Сергей Игоревич, заместитель начальника отдела специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра УВД по Вологодской области

Сычев Анатолий Борисович, координатор международного общества «Русский плен».

Фасхутдинова Елена Софична, заведующая сектором истоковедения Вологодского института развития образования

Цветков Сергей Николаевич, заместитель директора по научной работе КАУ ВО «Вологодский областной архив новейшей политической истории», кандидат исторических наук, Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета

Швецов Ярослав Валерьевич, старший преподаватель кафедры философии и истории Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н. В. Верещагина

Яньшин Андрей Валерьевич, ведущий специалист отдела исполнения социально-правовых запросов КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области»

Яскунова Анна Александровна, ассистент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета

Содержание

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ

Д. Е. Гневашев, М. С. Черкасова

Великокняжеские и царские жалованные грамоты Вологодскому архиерейскому дому XVI – начала XVII в. ....3.

М. В. Зеленина

Коллекция документов по истории Поважья XVIII века в фондах Вельского краеведческого музея.....24.

О. А. Плех

Должностные преступления вологодских чиновников первой половины XIX века.....29.

Д. А. Мухин

Пятидворные выборные в системе сельского управления Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв. ....34.

Е. В. Кузнецова

Журналы заседаний съездов мировых судей как источник изучения деятельности российской мировой юстиции последней трети XIX века (на материалах Вологодской губернии).....39.

Т. А. Лебединская, И. С. Когай

Архивные документы ГАВО как источник изучения экономической деятельности Вологодской городской думы и общественного банка (XIX – начало XX вв.).....45.

А. Л. Кубасов

Материалы политического отдела Северо-Восточного участка завесы как источник по истории борьбы с противниками советской власти в начальный период Гражданской войны на Севере России. Август – сентябрь 1918 года.....52.

Т. А. Иванова

Приказы по личному составу как источник изучения истории города Череповца.....57.

Л. В. Изюмова

Документы органов социального обеспечения как источник по истории колхозного крестьянства 1930–1960-х гг. ....63.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

С. Н. Цветков

Из истории становления и развития Вологодского молочно-хозяйственного института (1911-1939 гг.) К 100-летию со дня образования (по документам КАУ ВО «ВОАНПИ»).....68.

А. Б. Першина

Документы Государственного архива Вологодской области о жизни и деятельности Н. В. Верещагина. К 100-летию Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии им. Н. В. Верещагина...73.

А. В. Яньшин

Проблема продовольственного снабжения Севера России в 1918 г.: попытка установления экономических связей с США (по документам Государственного архива Вологодской области).....80.

В. А. Саблин

Крестьянские восстания в Вологодском крае в 1917–1922 годах.....85.

Ю. А. Соколов

Политические настроения северной деревни в годы Гражданской войны по отчетам и донесениям агитаторов (на материалах Вологодской губернии).....94.

М. Н. Глумная

Система управления колхозами в 1930-е гг. (по документам фонда Вологодского областного комитета ВКП(б) ВОАНПИ).....101.

Д. И. Рапакова

Красавино в послевоенный период: 1946 – 1947 гг. (по документам Красавинского городского Совета депутатов трудящихся).....108.

А. А. Яскунова

Повседневные формы организации труда в колхозном хозяйстве Вологодской области (в конце 1930-х – 1950-е гг.).....114.

Н. В. Гилёва

Письма крестьян как источник по изучению социально-демографических процессов в Нечерноземье 1960 – 1970-х гг.....120.

М. Н. Слатова

Из истории развития Вологодской городской киносети и ее подведомственных учреждений с 1939 года по 1985 год (по документам муниципального учреждения «Муниципальный архив г. Вологды»).....122.

Т. Н. Канунова

Документальная кинолетопись Вологодчины в 1960 – 1980-е годы XX века.....127.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ

А. Н. Красиков

К вопросу о реконструкции состава библиотек вологодских монастырей по данным описей монастырского имущества XVI–XVIII вв... 133.

А. В. Всеволодов

Кампания 1863 года по подаче «Сведений по делу об улучшении быта православного духовенства» в Вологодской епархии..... 138.

С. Н. Зайцев

Иоанно-Богословская церковь в г. Вологде (описание по документам Государственного архива Вологодской области)..... 148.

Е. И. Николаева

Несколько страниц из истории покровской церкви (Кирилловский район)..... 153.

Е. С. Фасхутдинова

Архиерейские визитации епископа Израила (1883–1894 гг.)..... 157.

Э. П. Риммер

Л. В. Афетов и его рукопись: «Исторический очерк бывшего Череповского Воскресенского монастыря и его земельных владений».. 166.

О. Б. Молодов

Православный епископат Вологодской епархии в 1960–1980-е гг. (по материалам ГУ ГАВО)..... 170.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ В ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Л. О. Володина

Духовно-нравственные ценности воспитания в крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века: проблемы и пути их разрешения..... 177.

Г. К. Беляев

Константин Иванович Беляев – судьба вологодского интеллигента на сломе эпох..... 83.

Н. М. Дьяконицына

Из истории известных вологодских фамилий. Трагедия семьи Волковых..... 192.

И. В. Власова

Сведения о роде Суконщиковых..... 199.

Я. В. Швецов

К социальному портрету ответственных работников Вологодской губернской организации РКП(б). 1921 год..... 221.

С. И. Старостин, А. Л. Кузьминых, А. Б. Сычев

Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 годах: опыт составления и анализа региональной базы данных.....226.

Список авторов.....233.

Историческое краеведение и архивы. Выпуск 18. - Вологда, 2011.

Компьютерная верстка: И. С. Красногорская

Подписано в печать 15.12.2011г.

Формат 60х90/16.

Тираж 300 экз.

Бумага офсетная.

Заказ №

Печ. л. 15

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Сфера – Альфа»

125371, г. Москва, ул. Волоколамское шоссе, д. 116.

Тел.: (495) 768-28-60.